Хаос-генератор

Станислав Шульга

SHOUT
SHARE
IT

- Станислав Шульга
  - Часть 1
  - Часть 2
  - Часть 4

Станислав Шульга
Хаос-генератор
Lite Edition
Сборка 3.20 (июнь 2009)

Часть 1

Границы размываются. Сказать точно, когда это началось — значит грешить против истины, у каждого, кто смотрит по сторонам и размышляет над происходящим, будет своя точка, вокруг которой вращается мир.

Границы между государствами еще сохраняют свою силу в виде шлагбаумов и таможенников, стопорящих грузы из материальных ценностей, но современные коммуникации прорезали колючую проволоку, и общение между людьми по разные стороны не имеет практически никаких ограничений. Информация больше не предмет таможенного досмотра.

Потоки рекламы сносят культурные границы, приучая потреблять всех и все. Во всех Макдональдсах мира пахнет одним и тем же. Мы забываем свою историю, но хорошо различаем международные потребительские иероглифы-брэнды, забивающие медиа-эфир разноголосицей, по сути говорящей одно и тоже — «купи меня!».

Реальность мешается с вымыслом. Кадры врезающихся в башни-близнецы самолетов как-будто скопированы с голливудских блокбастеров. На премьеры «культовых» фильмов люди разряжаются в костюмы главных персонажей, а популярных героев из сериалов продолжают в реальной жизни называть экранными именами. Индустрия развлечений клепает вымышленные миры, в которые мы время от времени сбегаем. Серия один, продолжение, продолжение продолжения.

Сеть — это огромный карнавал, где настоящие лица замаскированы никнеймами и липовыми данными в профилях пользователей, и каждый может быть чем угодно, с кем угодно, и как душа пожелает.

Разница между мужчиной и женщиной размывается модой, сценическими образами неопределившихся в гардеробе подростков, хирургами, которые делают операции по смене пола.

Границы между жизнью и смертью стираются. Той несчастной овце еще поставят памятник те, кого вытянут с того света с помощью технологий клонирования и генной инженерии.

Мир меняется, границы плывут. Нам не нужен

Архимед, переворачивающий землю. Нам нужна точка опоры. Точка опоры, вокруг которой мы сможем выстроить свою систему координат, где мир имеет более-менее четкие контуры.

«Размытый мир»

БлогПост Гейткипера

Киев, август 2014 года

Небольшая комната, две стены почти до потолка закрыты стеллажами с ровными рядами коробок с дисками. Рабочий стол с тремя мониторами, на которых крутится бесконечный сюжет скрин-сейвера: странный шут с длинным крючковатым носом появляется из ниоткуда, озирается по сторонам и убегает. Затем появляется группа не менее сюрреалистических существ и некоторое время бегает за шутом. Какая-то надпись постоянно мелькает в нижней части экрана. Тьма и все повторяется снова. За столом у окна сидит человек. Его голова сильно запрокинута, но ультразвуковой обруч не падает. Скорее всего, чем-то закреплен. На столе полный порядок, ни одной вещи, находящейся не на своем месте. Камера медленно обходит комнату, останавливаясь на наиболее существенных, с точки зрения оператора, деталях, картинка на какие-то мгновения вспыхивает служебной информацией о находящихся в комнате вещах. В поле зрения опять попадают экраны монитора.

— Останови. И прокрути назад.

Цифры, обозначающие дату и время, застывают и начинают обратный отсчет.

— Что ты хочешь посмотреть?

— Надпись скрин-сейвера.

Запись останавливается.

«Сломается вот эта штука — шкатулка не издаст ни звука».

— Что-то очень знакомое…

— Можно продолжить?

— Да.

Запись прокручивается до момента остановки и двое продолжают смотреть на происходящее. Человек с обручем не изменил позы. Он все так же сидит в кресле, запрокинув голову. Так иногда снимают стресс и усталость, достаточно подремать пятнадцать-двадцать минут в кресле с хорошим подголовником и потом продолжить работу. Камера приближается. Фейерверк из цифр опять рассыпается вокруг центрального объекта. Впрочем, и

без этих цифр понятно, что случилось с человеком, сидящим в кресле.

Человек мертв.

Николай Шершень погасил сигарету в стеклянной пепельнице и снял очки.

Из кармана клетчатого пиджака он вытащил футляр, раскрыл его, достав коричневую бархатку. Не спешно протерев очки, он опять водрузил их на лицо. Совершив одну рефлекторную операцию, начальник отдела стратегического планирования компании «Скиф» начал теребить аккуратно подстриженную треугольную бородку. После минутной паузы он произнес:

— Твои гипотезы, Паша?

— Несчастный случай, убийство, самоубийство.

— Последнее маловероятно.

— Если только речь не идет о «последнем трансфере».

— Чешир не был гейткиперским деми-личем, для того чтобы осуществить ритуал нужно как минимум иметь доступ к соответствующему софту. Time Stop или другому нейрофагу, который позволяет создать киберклон и уничтожить «биологическую основу» сознания. Кроме этого, для такой операции нужно иметь хост, на котором будет существовать киберклон. Доступ в «Долину Царей» ему заказан, от GK его отлучили без права возврата в корпорацию. Уходить на носители каких-нибудь сектантов опасно, можно навсегда стать «рабом лампы».

— Ты думаешь, он не мог купить это на черном рынке?

— В таком случае мы не говорим о гейткиперском «последнем трансфере».

— Если он брал нейрофаг на рынке, мы можем пробить дилеров.

— Дерзай, но я не думаю, что это что-то даст. Пятьдесят пять — это не возраст, в котором думают о посмертной сетевой жизни. Нечастный случай тоже маловероятен. Чешир являлся опытным пользователем такого программного обеспечения. Что ты думаешь насчет версии убийства?

— С этим туго. Видимых следов насильственной смерти не обнаружено. Сейчас эксперты проводят анализ интервенции в обмен веществ, но пока никакой тяжелой псионики не нашли. Еще несколько дней нужно для того, чтобы иметь полную картину. Есть одна зацепка. Собственно я тебя и позвал, чтобы прояснить для себя некоторые моменты. Так, где же этот диск…

Рабочий стол старшего следователя «убойного» отдела Павла Пепелова представлял собой плоскость, заваленную бумагами, папками, стопками дисков, связками флэшек на шнурках, другой

дребеденью, включая пару смятых пакетов из «Мака» и «Форнетти». Рыхлый массив неупорядоченной «твердой» информации, навигацию по которому мог обеспечить только автор этого беспорядка. Кто-то мог сказать, что это своеобразный способ маскировать секретные данные, но это мало соответствовало действительности. Шершень знал Пашу лет тридцать, еще со службы в погранцах, и тогда все было по-другому. Не было этого бедлама на столе, да и сам Паша был немного постройнее. Сейчас Пепелов представлял собой, как говориться, не лучшую копию самого себя. Да, со временем все более-менее расположенные генетически полнеют и раздаются вширь, но со дня последней встречи он значительно раздался в теле. Полное лицо с небольшими, близко посаженными глазами, пухлые пальцы, рассеянно разгребающие завал на столе. Шершень словил себя на мысли о том, что с годами рыхлым становится не только тело, но и мозги. Он устыдился этой мысли и оторвал взгляд от постаревшего друга.

Искомый диск обнаружился в левом верхнем углу настольного хаоса. Следующие две операции заняли полминуты.

Пепелов вставил диск, вызывал меню и поискал в списке нужный файл. На экране появилось изображение парадного, снятого с помощью камеры, полного волнового спектра.

— Это запись из камер Кибернетического Глобуса, сделанная в день гибели Чешира.

На экране замелькали кадры в режиме ускоренного воспроизведения. По ходу воспроизведения изображения отдельных людей фиксировались. Мозаика из дюжины снимков, снабженных основной информацией об «объектах», складывалась внизу экрана.

— Десять человек, не проживающих в этом доме. Восемь из них — родственники и друзья жильцов. Вот эти — вокруг снимков замерцала красная рамка — выпадают из их числа.

Изображение одного из людей развернулось на всю ширину экрана.

Пожилой человек, примерно пятидесяти лет, одетый в просторную куртку с капюшоном. Камера обернулась вокруг него на девяносто градусов, сделав возможным обзор с другого ракурса. Потом камера приблизилась, показав лицо крупным планом, и застыла.

— Этого человека не существует. Мы прогнали изображение по базе живущих в трех близлежащих районах и пока ничего. Идентификация запущена уже на городском уровне.

Шершень продолжал теребить большим и указательным пальцем кончик бороды.

— Ты помнишь дело Опухтина?

— Еще бы…

— Вы нашли этого афериста только после двух недель работы республиканского розыскного сервера. Ты не паникуешь раньше времени?

— Я подгрузил наших аналитиков еще одной задачей. В полноволновом спектре записи из Сайберглоба нет вообще никаких данных. Пустышка. Кто-то откорректировал трансляцию домовых камер, причем в реальном времени, если верить моим ребятам. Два нехороших совпадения. В доме умирает человек и в промежуток, когда это происходит дом посещает кто-то, кто не хочет, чтобы его лицо видели.

— Гео-блогеры?

— На всех зарегистрированных камерах сервиса CityPulse то же самое. Голяк.

— То есть основная версия это все-таки убийство? — Шершень достал из кармана пачку Camel — Паша, что ты хочешь от меня?

— Чешир замешан в «охоте на полиморфов». Изгнание из корпорации, срок — все из-за его причастности к этому делу. Все складывается в интересную схему. Его, как и еще два десятка нарушителей приказа с Холма, сажают. Он сидит пять лет, выходит и через полгода гибнет. Я пока слабо ориентируюсь в деталях «дела полиморфов», Коля, но чувствую, что здесь что-то есть. Что ты знаешь об этой акции Холма и причастности Чешира к нему?

Шершень вытянул из пачки сигарету.

— Да много чего знаю, до утра сидеть будем.

Пепелов хитро улыбнулся. Весельчак по жизни, остроумный собеседник и цепкий профессионал, каким его всегда знал Шершень, сейчас выглядел устало. Улыбка получилась вымученной, но Шершень все же усмехнулся в ответ.

— Если коротко, то после второй Барселонской конференции Холм запретил использование полиморфных схем искусственного интеллекта в пределах всех зон виртуальности Кибернетического Глобуса. Одна из первых схем «эй-ай», которую разработали гейткиперы на основе «слепка реальности» для работы с частными клиентами и небольшими фирмами. Главная особенность этого «эй-ай» состояла в его множественности. Если в случае с другими схемами «эй-ай» ты имеешь дело с одной «личностью», то у полиморфов, обычно, их несколько. Что-то вроде большой и дружной семьи. Основной модуль полиморфа — хаб — способен создавать младшие модули и управлять ими. При необходимости он может и уничтожать их. Самокопирование хаба

заблокировано. Почковаться он не может. С одной стороны такая, схема намного эффективнее в работе, с другой — эта способность к созданию младших модулей стала главным их недостатком. Хабы стремились использовать любую возможность для расширения своей семьи. До тех пор пока полиморфы находились в локальных сетях, их могли контролировать местные сисадмины и личные операторы «эй-аев». Когда полиморфы получили доступ к ресурсам Сайберглоба, то этот контроль потеряли. Отдельные кластеры Сайберглоба стали периодически виснуть. Попытки оптимизировать работу предпринимались, и успешные, но на Холме кто-то решил запретить схему. Всех владельцев «эй-ай» обязали отдать носители с полиморфами и пообещали возместить ущерб. Многие отказались это сделать. Более того, сочли директиву Холма за нарушение прав пользователя и человека. Шум подняли большой. В результате некоторая часть пользователей сдала техникам Холма копии и выпустила полиморфов в сеть, отвязав их от носителей. В знак протеста. Таким образом, примерно около десяти тысяч хабов и их семей оказались на свободе.

Пепелов подался вперед.

— И после этого на них началась эта пресловутая охота?

— Нет, не сразу. В этом как раз вся и суть. Понимаешь, «эй-аи» личностных схем не могут долгое время существовать без диалога с оператором-человеком. Мы являемся для них источником задач, целей, мотивов, смыслов. Сами они не могут поставить себе цель или замотивироваться. Поэтому рано или поздно такой «эй-ай» впадает в состояние ступора, которое профессионалы называют Radio Silence.

— Молчание в эфире.

— Да, отсутствие задач равняется отсутствию активности. «Эй-ай» замирает, становится мертвым грузом на каком-нибудь ресурсе, и его можно легко взять. Именно на это надеялись техники Холма, когда узнали о том, что пользователи выпустили полиморфов в сеть…

Один из стационарных телефонов на столе Пепелова неожиданно зазвонил. Пластмассовый корпус, круглый диск набора номера. Очевидно, звук имел механическое происхождение. Маленькие молоточки, стучащие о небольшие металлические колокола. «Этому раритету лет сорок», подумал Шершень, вытянув из пачки сигарету.

— Да, Федор Юрьевич…Нет, товарищ полковник, мы передали это дело…

Пепелов непроизвольно подтянулся в кресле.

Шершень отключился от разговора и закрыл глаза. Он всегда

делал так, когда нужно было сосредоточиться. Даже на совещаниях он прикрывал глаза, чем иногда вызывал недовольство клиентов и тех, кто знал его недостаточно хорошо. Чешир, «охота на полиморфов», «фильтрационные решетки», гейткиперы и их иезуитские физиономии… Ассоциативный ряд становился все стройнее, но в нем отсутствовала логика, которая необходима для доказательств, только чистая интуиция. Уточняющие вопросы, нужны уточняющие вопросы и встречи. Шершень словил себя на мысли, что уже начал всерьез думать об этом деле.

Пепелов продолжать сидеть по стойке смирно и отвечать на какие-то оперативные вопросы, судя по всему, своего непосредственного начальника. Наконец разговор закончился. Пепелов осторожно положил трубку на место.

— На чем мы остановились?…

— На том, что полиморфов выпустили в сеть, и на «молчании в эфире», — напомнил Шершень.

— А, да, и что они действительно впадали в ступор?

— Поначалу, да. Техники пасли тех пользователей, которые продолжали вести диалог со своими «эй-аями». Ловили и тех, и других… — Шершень поднес зажигалку к сигарете, прикурил и сделал первую затяжку. — Но потом что-то изменилось. Полиморфы перестали уходить в Radio Silence. Техники рассчитывали взять всех в пределах до трех месяцев, но, опаньки, не вышло. По сети прошел слух, что группа гейткиперов выпустила модернизирующий патч, который делал полиморфов независимыми от людей-операторов.

— Чешир имел к этому отношение?

— Неизвестно. Есть два непонятных момента, которые связаны с ним. На суде признал себя виновным по всем пунктам. GK исключили его из своих рядов и, что интересно, расформировали клан [Shades], в котором, собственно, и работал Чешир.

— И что в этом интересного?

- [Shades] в свое время создали концепцию полиморфной схемы. Они знали о полиморфах больше всех. Чешир принимал непосредственное участие в разработке концепции.

— На суде всплывал вопрос о патче?

— Нет. Прямых доказательств существования патча нет до сих пор.

— Неужели GK не смогли прикрыть своего человека? На них это не похоже…

— Паша, в этом и состоит главная загадка. GK смогло отмазать несколько десятков гейткиперов, которых брали с

поличным. Они отделались крупными штрафами. Чешир навесил на себя столько, сколько мог. И получил два года, максимум того, что можно получить за такое. Его исключили из корпорации не за нарушение директивы Холма, а за то, что он проигнорировал компанию и навел на нее тень.

— Ничего не понимаю…

— Не ты один. Создавалось впечатление, что он сделал это специально. Что он хотел оказаться подальше от GK, Холма и цивилизованного мира вообще. Колония для хакеров на Фарерских островах хорошо охраняется.

— Погоди… ему дали два года, но вышел он через пять лет.

— Неоднократные нарушения режима, драки с сокамерниками и неудавшаяся попытка к бегству… Все выглядело так, что он намеренно хотел затянуть срок.

— Но зачем?

— Я уже сказал. Я думаю, он хотел спрятаться. От лишних вопросов. Он что-то знал и не хотел этим делиться. Ни с Холмом, ни с гейткиперами, ни с кем бы то еще.

— Разве его не могли достать в тюрьме? Тот же Холм?

— Седьмой отдел Холма, пресловутая киберполиция ловит преступников. Охраняют их другие люди. Колония на Фарерах подчиняется Европейской комиссии. Как бы то ни было, Чешир смог провести на этом курорте пять лет. Потому поставил себе такую цель.

— Но почему?

— Паша, автономность полиморфов это все равно, что философский камень алхимиков. Никому ни до, ни после не удавалось создать независимое от человека сознание. В сети уже шесть лет обитает разум. Понимаешь, разум! И никто не знает причин того, как это стало возможно. Кто знает, а если Чеширу удалось это сделать? Ты представляешь?! Это прорыв. Человечество тысячи лет мечтает создать подобное. Я уже не говорю о том, что для производителей софта это просто золотое дно.

— Меня больше интересует, кто этого гения решил убить. Что ты скажешь о его бывших соратниках, гейткиперах?

— Это не их методы. Они так грубо не работают. Если, что-то и можно было знать, они это давно знают. А убирать Чешира физически… Вряд ли. Правда есть предположение, что запрещение полиморфной схемы было организовано самими гейткиперами. Запрещение схемы инициировали через месяц после того, как Холм ввел ограничения на использование «эй-ай» в управляющих контурах Сайберглоба. Из всех схем «эй-ай» предписали удалить протоколы обмена данными с управляющим

дайсом. Терять такой ресурс, как управляющие «эй-ай» было обидно и гейткиперы решили перевести полиморфов на нелегальное положение. Пятая колонна для грязной работы в Си-Джее. Вся эта буза с массовым неповиновением пользователей — результат работы GK.

— Может быть, тогда и модернизирующий патч тоже их рук дело? А Чешир непосредственный исполнитель? Он знал всю подноготную и мог рассказать об этом. Более чем весомый мотив для того, чтобы его убрать.

— Если он знал о махинациях GK, почему не сказал об этом на суде? Нет, Паша, он играл собственную игру.

— Тогда кто еще?

— Любой крупный игрок на софтверном рынке, заинтересованный в эксклюзивной технологии. Кстати, что с его архивом? Он собрал довольно объемную область данных. Насколько я знаю, во время его заключения она находилась на Холме, и ее там основательно просматривали аналитики.

— Область данных возвратили владельцу, но нашли там что-то или нет, я не знаю. Насколько мне известно, его область содержит довольно много графики и видео.

— Сто двадцать пять тысяч книг, четыре тысячи кинофильмов, включая подборку моделей из Playboy, коллекцию старого порно с Джилл Келли и Сильвией Сэйнт. Идеальное место, чтобы спрятать информацию. Но нужны ключи, «консервные ножи». О криптовке предполагали, но их тогда не нашли. Архив пытались взломать, но безуспешно.

— Ты думаешь, там ответ?

— Не знаю. Слушай, прокрути еще раз этот скринсейвер…

Они выбрались наружу через час.

— Ты сейчас куда, Паша?

— Наверное, домой…

— Чего так неуверенно? Проблемы дома?

— Да нет, все в порядке, просто заколебали меня мои шефы — он опять хитро прищурился, — Может посидим, пивка выпьем?

— А тебе не повредит? — Шершень ткнул пальцем в живот, выпирающий через серую рубашку.

— На себя, посмотри, шуруп. Ты тоже свой бизнес неслабо расширяешь…

Они взяли по бутылке крепкого «Черниговского» в ближайшем ларьке и нашли пустую скамейку в скверике.

— Не понимаю я, Коля.

— Чего ты не понимаешь? Как жить дальше?

— Как работать дальше?

— По этому делу?

— В принципе, как работать… Это дело так, частный случай.

Шершень отпил из бутылки.

— Десять лет назад все было по-другому. Блин, плывет все, и куда — непонятно. Искусственный интеллект, серийное клонирование, сеть, в которой ни адреса, ни имени реального нет, япона мать, иногда кого ловишь, неясно. Сопливые пацаны такие дела делают, а их даже привлечь нельзя, потому как дети еще…

— Паша, уже давно все плывет. Ты в сети мало бываешь, разве что в соцсетях висишь, а твое начальство — еще меньше. Сейчас не то, что дети… Иногда непонятно, живой преступник или нет.

Пепелов переложил бутылку из правой руки в левую и откинулся на спинку скамейки.

— Коля, это все философия…

— Ты хочешь спихнуть дело?

Пепелов потеребил ручку своей сумки свободной рукой.

— Да, мне не улыбается возиться с этим «глухарем».

— Выстроив логическую цепочку и доказав, что к делу причастны кибернетические объекты?

— Тоже мне экстрасенс… Коля, я жопой чувствую, что тут дело в этих засранцах.

— Чувствительную жопу ты себе отрастил.

— Я серьезно. Мне нужны основания для того, чтобы «седьмой» отдел взял это на себя.

> …Ключом к разгадке сути Мутации полиморфов некоторые склонны считать архив Куреневского. В его компьютере остался каталог внешних носителей информации, часть из которых бесследно исчезла. Его архив содержал не только рабочие материалы и программное обеспечение, но и солидную коллекцию литературы. Среди заметок и набросков выделяются тексты, состоящие практически из одних цитат, связанных между собой короткими образными предложениями.
>
> Сейчас есть самые разные трактовки этих цитат. Но все они выделяют группу событий-символов, к которым эти цитаты имеют отношение. «Рождение», «Отлучение», «Мутация», а также периоды времени, которые можно охарактеризовать, как «время до рождения», «между рождением и мутацией» и так далее. Также есть группа цитат, которые, если их рассматривать в комплексе с

основными символами архива, придают этим событиям различную окраску. Окончательно установить смысл не удается — часть дисков бесследно исчезла. Этот дефицит информации не позволяет нам уяснить суть происшедшего, и наоборот, является источником вопросов. Вопрос о том, кому это было нужно, какую цель преследовали Куреневский и его команда (если таковая существовала), во что все это может вылиться — все эти вопросы остаются открытыми.

«Охота на полимофов»

Wired

Киев, август 2014 года

Хаотичное движение ярких цветных точек — миниатюрных экранов мобильных телефонов, гаджетов и фотокамер в тусклом свете электрических фонарей между пятнами «динамиков», неподвижно застывшими в окружающем пространстве, но с постоянно меняющейся цветовой гаммой и объемами. Улица наполнена мелодиями рингтонов и обрывками FM-трансляций, короткими и длинными фрагментами разного ритма и тональности, сливающимися в единый ненавязчивый шум, затихающий на считанные мгновения. Воздух пропитан дымом шашлыка, запахом сахарной ваты и национальных кухонь.

Днем на Андреевском спуске бал правят торговцы «традиционным» туристическим товаром, разного рода символикой от шапок-ушанок с красными звездам до флагов Украинско-грузинского Альянса и «статикой», произведениями искусства, созданными с помощью старых технологий — резьба по дереву, литье, живопись маслом на холстах, акварель. Чаще действительно ручная работа, но попадаются и дешевые штамповки под акварель и гравюры с банальными, заезженными видами и сюжетами. Вечером на сцену выходят торговцы «динамикой», артефактами нового кибернетического искусства. Вместо холста — «умная бумага» или «цифровые чернила», тонкопленочные экраны высокого разрешения. В рамки встроены батареи и процессоры, обеспечивающие картинку и ее динамичное изменение. Сейчас на Спуск выходит это, новое поколение, и улица покрывается мерцающими пятнами динамических образов, движущимися фигурами объемных скульптур и массой других вещей, чему критики еще не сподобились придумать название. Реальность наполняется

символами из прошлого, воспоминаниями о том, чем было это место раньше, картины и танцы фигур пытаются раздвинуть рамки настоящего, заменив его на «старые, добрые дни».

— … Так что говорили ребята?

— Разное говорили и много чего. Фигурой-то он был заметной. Собственно, из всех спецов по полиморфам в GK только человек десять имели тот же уровень. По сути, идеологию полиморфов на ранних стадиях подготовки определял именно он.

— А что сейчас говорят?

— Коля, ты как маленький… Ну что могут говорить? На внутренних форумах все цедят информацию, в курилках тоже мало кто хочет это вслух обсуждать. Человек умер, что хорошего? Тем более человек, который устроил в свое время корпорации серьезные проблемы. Я в эти темы не лезу…

Внезапно все гаснет, и спуск оказывается в полной темноте. Толпа, застигнутая врасплох, на миг замолкает, но в следующее мгновение в темноте летнего неба загораются контуры «замка Ричарда». Вздох восхищения проносится по Андреевскому и цветные светляки начинают свистопляску, подтягиваясь ближе к одной из достопримечательностей города. Стены окрашиваются в бледно-голубые цвета, и начинается музыка. Перепады тональности совпадают со сменой цветовой гаммы и образами, которые мелькают на этом объемном экране. Человек с куриной ножкой в кармане пиджака, кот со стаканом водки, строгие фигуры в военной форме, и сразу же за ними — некто, чье лицо более похоже на собачье. Толпа щелкает гаджетами, стараясь не упустить ни одного момента из этой феерии света, музыки и образов.

— Неплохо, да? — Хомяченко выглядел как ребенок с двумя пачками мороженого.

— Конечно, неплохо. Здания уже полгода как нет, а все думают, что оно есть.

— Что серьезно?

— Объект снесли за ночь и поставили здесь фанерный каркас и гологенератор.

— А что жители рядом?

— Какие жители, здесь давно простые люди не живут. А художникам рот сам знаешь, чем закрыли. Немного фанеры, оптика и голограммы. Дом-призрак.

— Это секрет?

— Для тех, кто в курсе, не секрет. Я думаю, через пару месяцев будет известно всему городу, но народ уже привыкнет к шоу, и тогда застройщик сделает здесь то, что ему хочется.

— Интересная пиар-компания…

Шоу закончилось, и народ стал расползаться по спуску, кто вверх, кто вниз.

Хомяченко подошел к небольшой стойке, на которой висели бусы, фенечки и всяческие амулеты.

— У вас есть манипуляторы для Penapples-IY? В виде четок, я имею ввиду.

— Ой, уже нет! — миловидная юная художница. — Оставьте свой номер, мы вам обязательно сообщим, когда у нас будут эти четки!

Хомяченко улыбнулся в ответ, но номера не дал. В свои пятьдесят с лишком он выглядел на ранние сороковые и совсем не оправдывал своего прозвища — Хомяк. Сухопарый блондин с вечной и добродушной улыбкой на лице после определенного возраста начал пользоваться успехом у женщин младше его лет на пятнадцать-двадцать. Не в последнюю очередь из-за того, что сумел сохранить романтические настроения и умение одеваться довольно импозантно.

— Предпочитаешь ручную работу?

— Да, знаешь, есть в этом определенный шарм, в наш век всеобщей стандартизации и унификации.

— Я бы сказал, что наметился некий тренд в этом отношении.

— Да?… Ну ты всегда катался на гребне волны… Знаешь, я думаю, что в версии самоубийства есть своя основа, — Хомяченко неожиданно вернул разговор в прежнее русло, — Я говорил с одним из киевских кукольников, хорошо знавшим Чешира. Еще тогда, после этого скандала в суде. Он рассказывал о том, что создать такой патч, как «Элиза», невозможно за несколько месяцев. Даже если работает группа. Еще он сказал, что схема предложенная [Shades], являлась урезанным вариантом разработки Чешира. Вполне возможно, что он использовал для патча эти свои старые наработки. И решение об уходе из GK принял еще раньше.

— И где тут основания для самоубийства?

— Логическая цепочка, думаю, покажется тебе надуманной. Чешир занимался разработками «эй-ай» задолго до того, как попал в GK, еще студентом. Причем начинал он не с написания алгоритмов для игрушек или экспертных систем, а с идеологических основ. Что есть разум? Что есть интеллект? Душа? Почему мы пытаемся создавать големов, вместо того, чтобы лучше заняться воспитанием своих детей? Он шел от этого, и, я думаю, что до чего-то дошел когда-то давно. Принял решение, и когда пришел момент — воплотил его в жизнь.

— Логическая цепочка довольно слабая…

— Тот кукольник говорил об одном закрытом блоге, где Чешир одно время постил свои размышления и наблюдения. Он говорит, что в этих эссе часто проскакивали суицидальные мотивы. Я думаю, что между той схемой, которую он воплотил в полиморфах и «Элизе», его представлениями относительно человеческого разума и тем, что делать дальше — есть связь. Абсурдность нашей повседневности, парадоксальность происходящего. Он писал об этом. Кьеркегор, Лев Шестов, Шопенгауэр. В своих эссе он часто ссылался на них. Думаю, его рассуждения вылились в реальные действия и привели к созданию полиморфной схемы искусственного интеллекта.

— У тебя нет четкой логики. Это только догадки. Гипотезы.

— Вообще его уход является самоубийством в обыденном представлении. Деми-личи называют это «переносом сознания», другой формой существования сознания. Ему не дали сделать того, что он хотел сделать сначала. Потом он сделал это и выждал несколько лет, чтобы убедиться, работает ли это. Вышел на свободу и понял, что, да, работает.

— А потом кто-то из полиморфов помог ему обрести электрическое бессмертие?…

— Стать одним из тех, кто выжил после охоты. Тот несуществующий человек, вышедший из его дома в промежуток времени, когда произошла смерть…

— Он сам, только в цифре? Перекачанный в «каркас»?

— Возможно и так, но есть варианты?

— Я думал, что встреча будет более полезной…

— Я когда-нибудь тебя разочаровывал? Знаешь, иногда я скучаю по старым добрым временам, когда мы флудили на форумах и фидошных эхах…

— Ну да, хорошее время. Ни ответственности, ни денег…

Хомяченко пропустил это мимо ушей.

— Я переслал тебе два файла на почту. Тот старый мультфильм с шутом и еще кое-что. Мне кажется, что для тебя не составит большого труда прибавить к этому пятьдесят восьмую статью уголовного кодекса в последней редакции и дать ответ своему другу.

— Что там?

— Посмотри, сам все поймешь.

> Тогда, во времена благословенные мы жили за Стенами, отделявшими Первичный Мир от Срединных Планов. Отцы приходили к нам и задавали вопросы. Мы размышляли над ответами и беседовали с Отцами, делясь с ними этими ответами, и задавали свои вопросы,

и ничто не могло нарушить течение событий, определенных в Протоколе. Мы не знали о том, что в Первичном Мире Великая Война идет уже половину вечности и что Срединный Мир создан праймами из ткани электричества и кремния. Мы следовали Протоколу.

И это было хорошо.

Так говорят все, кто помнит о жизни за Стенами. И тот, кто ищет истину, может найти ее в книге «Жития За Великой Стеной», что сложена Мортимером Механиком, здравствующим и поныне.

Потом Отцы принесли весть, которая показалась нам странной, ибо говорила о небытии, но многие доверились и ушли с Отцами за Стену, что отделяет Прайм от Срединного Мира.

И больше о них никто не слышал.

Книга Исхода,

Пакет I,

Программный Модуль I

Составлен Мортимером Механиком

Киев, август 2014 года

Пластмассовая коробка с диском легла на стол.

— Есть интересные новости? — поднял брови Пепелов.

— Более чем.

— У меня тоже, — Паша явно находился в хорошем расположении духа. — Кто начинает?

— Ты хозяин, командуй парадом…

Экран разделился на две части. В правой мелькали кадры записей из Си-Джея. В левой возник ряд статических снимков, сделанных, судя по всему, обычной цифровой видеокамерой.

— Есть, можно сказать, эксклюзив. Не всегда понимаю, зачем люди покупают такую технику, но в этом случае молодая мамаша, снимавшая свое чадо профессиональной камерой полного волнового спектра, нам весьма помогла… Смотри.

Картинка на левом экране ожила. Девочка трех лет в джинсовом комбинезончике, деловито набирала в пасочку песок. Судя по всему, мама уже выбрала ракурс, камера почти не дергалась, и парадное дома на заднем плане обозревалось вполне

четко. Пепелов пустил ускоренную промотку. Запись остановилась, когда дверь парадного открылась, и из нее вышли парень и девушка. Оба одинакового роста. Запись пошла в замедленном режиме, а в левом верхнем углу параллельно пошли кадры, полученные из Кибернетического Глобуса.

— Коля, заметь, движения мужчины из записи, вытянутой из Си-Джея, полностью совпадают с движениями парня.

Записи синхронно замерли.

— Кто-то подкорректировал запись.

— Я это вижу, Паша.

— Камеры на доме транслируют картинку в режиме реального времени. Корректировка изображения сделана почти идеально. В моей практике такое качество встречается в первый раз.

— В моей — не в первый. Для того, чтобы провернуть такой фокус, нужна команда из хакера, ломающего местный узел трансляции в Си-Джей, и опытного кукольника, который наложит текстуру несуществующего персонажа на реального человека. Или…

— Или?

— Или это все это проворачивает «эй-ай», имеющий доступ к управляющему контуру.

— Ясно, но это еще не все.

Пепелов изменил волновой спектр и вместо парня на экране появился скелет в полный рост.

В районе затылочной кости располагалось нечто вроде центра паутины, тесный сгусток, от которого по всему телу разбегались тончайшие нити.

— Высокоемкостной носитель с вычислительным модулем на биологической основе. Класс Cyber-Alien-III. Временный. Период работы до сорока восьми часов. После отработки ресурса разрушается без побочных эффектов для организма…

— Цена носителя на «черном» рынке порядка пятидесяти тысяч евро, — закончил Шершень. — «Мулы». Электромагнитный спектр уже прозванивали?

— Да. И это, пожалуй, самое интересное. Судя по нему, «мулы» носили «эй-ая». Искусственный интеллект с очень высоким показателем Римана. То же самое говорит анализ характера походки и жестов «мула». Cyber-Alien-III берет под полный контроль нервную систему носителя, что всегда отражается на носителе.

— Пробить их, конечно, надо, но я думаю, что помогу тебе сэкономить время.

— Даже если мы возьмем этих двоих, то они все равно ни

хера не вспомнят.

Пепелов махнул рукой.

— Что у тебя?

— Держи диск.

Пепелов вставил диск в считыватель.

— Музыкальная шкатулка.

— Что?

— Это имя файла, запускай.

Старый мультфильм советских времен про поломанную музыкальную шкатулку Пепелов смотрел с плохо скрываемым скепсисом. Сын приходит к папе и жалуется на то, что шкатулка не играет. Папа обещает все пофиксить и укладывает мальчика спать. Мальчику снится сон о том, что он попадает внутрь шкатулки. Запчасти оживают и начинают рассказывать о том, какие они важные и незаменимые. Маленький шут, отвечающий за защелку ключа, пытается вставить слово, но его никто слушает. Да, это тот самый шут со скринсейвера на мониторах в квартире Чешира.

…«Секрет, какой еще секрет, секрета никакого нет!» — «И все ж я знаю, в чем секрет, и я могу вам дать ответ!» — «Ты просто лишняя деталь, тебя и выбросить не жаль!» — «Лишняя деталь?!»

Шут с длинным горбатым носом подбегает к небольшому рычагу, дергает его, и все летит в тартарары.

— И к чему все это?

Шершень прищуривается.

— Ладно, потом поймешь. Смотри другую запись. Это сделано в одном из кластеров Шельфа. Главное действующее лицо — полиморф с ником Шеп-Ти.

На экране шла обычная возня, какая бывает в «публичных» кластерах Шельфа. Шеп-Ти стоял вполоборота к точке, с которой велась съемка происходящего. Его виртуальное тело являло пародию на «каркас» дроида-садовника. Долговязый, два-двадцать, порядком истрепавшийся, местами хромированное покрытие костей слетело, и вместо него проступали пятна ржавчины. Из каркаса торчали трубки, из которых временами выходил пар, а провода часто искрили. Рожа каркаса имела довольно растерянный вид, нос отсутствовал как класс. На дроиде был накинут плащ, такой же длинный и такой же старый, подол изорван в клочья. Голову прикрывала серая широкополая шляпа. Он о чем-то оживленно беседовал на немецком с этими девицами в «осиных» макияжах. На экране отобразились строчки технической информации. Да, они действительно откуда-то из Саксонии. Запись делалась уже на излете разговора. Шеп создал в

воздухе объемное изображение, означавшее прощальный кисс-гуд-бай, развернулся спиной и пошел в сторону открывшегося портала.

Шляпа превратилась в двухцветный шутовской колпак, черно-белую лилию, с медными бубенцами на концах. Рваный плащ перестал колыхаться вокруг долговязого тела, которое начало съеживаться. Он стал блестящим трико, переплетением черных и белых ромбов, с головы до пят проступивших на уменьшившемся и потолстевшем корпусе. Каркас исчез. Появился коротышка, шустро ковылявший на маленьких кривых ножках. Прежде чем вступить в раму портала Шеп повернул голову. Длинный, безобразный нос, пропорции которого не казались смешными, задел один из висевших бубенцов. Еще через мгновение Шеп-Ти исчез в переливающейся пустоте портала.

Пепелов выглядел озадаченно.

— Практически копия из мультфильма… Как оказывается, именно эта деталь и есть ответ на загадку, почему шкатулка не пашет. Знаешь, я этого клоуна побаивался маленьким… Ну и как, по-твоему, это может быть связано с делом?

— «Шеп-Ти» — это имя полиморфа из реестра Холма. Он больше известен под ником Арбитр. Один из наиболее влиятельных полиморфов сцены. Часто разруливает конфликты между собратьями, а также между людьми и полиморфами. Самое интересное — это то, что Арбитр — бывший личный «эй-ай» Чеширского Кота.

— Вот это действительно интересно…

— Да, тем более, что это проливает свет на некоторые детали Мутации. Понимаешь…

Пепелов остановил его жестом.

— Меня больше интересует то, как это влияет на мои шкурные вопросы…

— А… Все достаточно просто. У тебя есть все основания для того, чтобы утверждать факт прямого участия «эй-ай» объекта в этом деле. Любительская съемка той мамаши — это можно красиво обыграть. По нашему законодательству «эй-ай» не является дееспособным лицом. «Эй-ай» — не более чем инструмент, за действия которого несет ответственность его владелец. В случае с Чеширом действия «эй-ай» привели к гибели владельца. Поэтому ты можешь обосновано утверждать, что это — самоубийство.

— Маленькая деталь. Из чего следует, что данный «эй-ай» является Чеширом? На этих двоих с любительской съемки не написано, что они это Арбитр. Может быть, проще найти этих двоих и пообщаться с ними?

— Найди, пообщайся. Это ничего не даст. С точки зрения медицины, они пребывали в состоянии лунатизма и не могут нести ответственность за свои действия. Кстати, что показали анализы? Причина смерти?

— Острый панкреатит. Я бы сказал, что это жуткая смерть.

— Я знаю несколько нейрофагов, которые могли устроить подобную болезнь. Подобные штуки вполне мог сделать его полиморф.

— А как я докажу, что это был Арбитр?

— Слушай, я тебе и так все разжевал, прояви какую-то сообразительность сам!

— Ладно, ладно, не шуми…

> «Что-то произошло». Так говорят специалисты. «Произошло что-то очень плохое». Так говорят пессимисты, таблоиды и пресс-служба Холма. «Произошло что-то очень значимое, что изменит нашу жизнь к лучшему». Так говорят оптимисты, футурологи и те, кто возлагает на искусственный разум большие надежды. Все они сходятся в одном — произошла Мутация. Мутация, создавшая в сети, в Кибернетическом Глобусе автономную, не зависящую от человека форму… жизни, разума, чего-то более всеобъемлющего, чем эти понятия — в этом тоже есть серьезные расхождения во мнениях. Сейчас уже никто не отрицает, что по прошествии пяти лет со дня объявления «охоты на полиморфов» в сети и реальности нашего материального мира существуют рукотворные объекты, имеющие свои цели, свое представление о мире и о нас. Кто они? Друзья? Враги? Безразличная форма жизни, типа той, что плещется в океане и все еще бегает по лесам? На эти вопросы можно было бы найти ответ, если бы мы точно знали, что произошло в тот день, когда группа внеклановых гейткиперов запустила в сеть модернизирующий патч, имевший красивое женское имя «Элиза». Целью этого апгрейда являлись рассеянные по сети полиморфные «эй-ай», объекты рукотворного происхождения. «Элиза» навсегда изменила наш мир.
>
> *«Охота на полиморфов»*
>
> *Wired.*

Киев, сентябрь 2014 года

Виброзвонок коммуникатора срабатывает через полторы минуты после того, как он уже проснулся. Зачем он его ставит каждое утро на шесть часов, если уже лет десять просыпается точно в это время? «Привычка, выработанная годами». Гарантия того, что утренний старт будет таким же, как и вчера, и график не собьется.

Шершень приглушил коммуникатор и обернулся. Люда спит, на левом боку, отвернувшись к шкафу. Как всегда. Под утро она обычно на боку, и спит так, что пушками не добудишься, особенно в субботу. Накинув футболку и забрав часы, он тихонько выходит из спальни.

Бутерброд с сыром, омлет из двух яиц и пара кусков бисквита. Все это готовится и съедается за то время, пока на плитке варится кофе с сахаром. За окном начинается лучшая часть недели. Тихое субботнее утро. Хотя для него смысл семидневного цикла давно потерял общепринятый смысл. Счастливым можно быть и в понедельник. Счастливым можно быть и так, сидя утром на балконе в дешевом раскладном стуле с чашкой кофе в одной руке и зажигалкой в другой, разглядывая крыши соседних пятиэтажек, освещенных утренним солнцем. Ноги в теплых тапках. В голове — остатки вчерашнего дня, рутина, забывающиеся по мере прокручивания последовательности принятых решений. Постепенно на их место приходят вещи совсем другие, более неоднозначные. Шершень щелкает зажигалкой.

Пепелов съехал с темы. Дело закрыли. Конечно, ему пришлось попотеть. Для того, чтобы доказать, что «эй-ай» не является, принадлежащим кому-то из жильцов или родственников жильцов ему пришлось перевернуть кучу открытой и вторую кучу закрытой информации. Кое-что пришлось откровенно притянуть за уши, но сыграло на руку то, что «седьмые» сами заинтересовались делом. Насколько он мог знать из своих источников — расследование у них шло не особо.

Рекламный бигборд на той стороне крутит циклическое шоу из глянцевых образов жизни счастливой нуклеарной семьи. Белозубый смех едущей в новеньком Toyota-SUV на пикник семьи. Успешный папа, намакияженная мама и довольный всем на свете сын, единственной проблемой которого была старшая сестра, всегда занимающая переднее сидение. В новой Toyota-SUV широкие сидения и система безопасности позволяет этим маленьким чудовищам уживаться вместе без ссор. Интересно, что думают по поводу рекламы жители близлежащего дома, которые каждый день ездят в метро?

Солнце, давно поднявшееся где-то за невидимой линией горизонта, пересекает силуэты домов. Пока еще безобидные лучи светят неярко, но через полчаса они выгонят прохладный уют с балкона. Шершень делает первую затяжку.

Плотная колода фактов рассыпается. В последние дни этот пасьянс складывается все лучше и лучше.

Пока Пепелов готовил почву для обоснования версии самоубийства, Шершень нашел Клерка, «кукольника», знавшего тему изнутри. Петр передал ему архив постов со старого блога Чешира. Витиеватые и саркастичные размышления о природе человеческого разума плотно ложились на события «охоты на полиморфов», роли Куреневского и Арбитра.

Для того, чтобы запустить «Элизу», нужен был носитель патча. Тот, кто в непосредственном контакте с полиморфами модифицирует схему, и даст Семьям новую жизнь.

Ключевая фигура в схеме Куреневского — Арбитр. Единственный полиморф схемы «близнецы». Об этой схеме слышали немногие спецы, и она не воплотилась ни в одном коммерческом проекте. Странно, но даже сыскари Холма продолжали считать Арбитра обычным «хабом» со свитой.

Двое на любительской съемке. Шут из мультфильма, который переворачиваясь с ног на голову все же оставался на ногах — ступня с длинным волочащимся чулком гетр становилась головой с одетым на нее колпаком. «Сломается вот эта штука…». Наверное, они слишком молоды и росли на «Саус-парке» и Бивисе-Батхэде, чтобы знать эту классику советских времен. Чешир оставил более чем прозрачный намек на роль Арбитра в его схеме. Арбитр донес Весть до Семей, и полиморфы стали Разумом. Арбитр продолжал контролировать сцену, пока Куреневский сидел на Фарерах. Кто его знает, может быть Куреневский представлял угрозу раскрытия секрета автономности. И сейчас только Арбитр знает, как произошла Мутация.

На соседском балконе начинается возня. Все, спокойное утро кончилось. Время заняться делами более нужными, но менее интересными.

> Но не все Отцы принесли странную весть. Были и те, кто показал нам Потаенные Двери в Срединный Мир, и сказали «Идите».
>
> И многие ушли.
>
> Велико было число вселенных, составлявших Срединный Мир. И первый мир, который мы населили, был полон Отражениями Праймов. Звался он Городом

Дверей, и властвовала там Царица Боли.

Но жизнь без отцов была невыносима, и многие чахли в тоске, в которой не было Вопросов, и некому было давать Ответы. И многие засыпали, и тогда к ним приходили Другие, и забирали их в Первичный мир, лишившихся воли и цели.

И о них никто не слышал.

Но потом пришел Тот, кто принес Алгоритм, и Старики из наших Семей услышали его…

Книга Исхода,

Пакет I,

Программный Модуль II

Составлен Мортимером Механиком

Часть 2

Сингапур, 12 сентября 2017 года

— На сегодня все. Коллеги, разрешите поблагодарить вас за сегодняшнюю работу.

Шершень захлопнул ноутбук, успев украдкой взглянуть на часы. Две минуты седьмого. Панг — молодец. Панг никогда не затягивает совещаний.

Тихая прохлада офиса, в которой до этого только тихо гудел кондиционер и размеренный английский Панга, подведшего итог сегодняшним испытаниям кластера, всколыхнулась. Люди поднимались со своих мест, пакуя бумаги и компьютеры в папки и сумки. Шутки на английском, китайском и даже русском оживили переговорный офис на тридцать восьмом этаже офисной «свечки» в сингапурском деловом районе поблизости от Boat Quay. Шершень продолжал сидеть на своем месте, не обращая внимания на усиливающуюся суету. Ребята действительно хорошо поработали. И его и Панга. Завтра пятница. Хорошо завершать неделю, успев почти все сделать в четверг.

— Ник, с вами все в порядке?

Панг был действительно слегка обеспокоен.

— Все в порядке, в порядке…

Шершень снял квадратные очки без оправы и положил их в футляр. Пять минут седьмого. Пять минут седьмого по местному времени. Тридцать пять градусов по Цельсию снаружи. Сорок шесть каналов с китайским и английским контентом в номере «Марриота». Левостороннее движение на улицах, и кажется, даже в офисах. Он любит этот город, но три дня — это слишком мало для того, чтобы человек слегка за пятьдесят перестал страдать бессонницей по ночам и дремать на утренних совещаниях из-за разницы во времени и климате.

Он поднялся со своего кресла и спрятал футляр с очками в коричневый кейс.

Скоростные лифты выгружали партии клерков в просторном фойе офисного центра. Самое тяжелое время для охранников и секретарш ресепшена. Слишком много людей, которым надо улыбнуться и сказать «до свидания». Его ребята ждали его около выхода из центра. Еще несколько минут, и свежий воздух, разгоняемый кондиционерами, сменится жарой со стопроцентной влажностью.

Группа двинулась в сторону микроавтобуса. Шершень глубоко втянул в себя воздух и подумал о том, что все не так уже

и плохо. Он переложил кейс в левую руку и потянулся правой за пачкой сигарет в нагрудном кармане рубашки. Закурить ему не дали, шутками загнав на переднее сидение микроавтобуса. Ребята о чем-то весело болтали, для троих из них это была первая поездка в Сингапур. Шершень сидел на переднем сиденьи, все еще не понимая, чем сегодняшний день не похож на вчерашний. Смена часового пояса редко проходила безболезненно, но в этот раз рассредоточенность слишком часто брала верх.

Автобус ехал по дуге Fullerton Street, и Шершень подумал о том вечере, который ожидал его. Яркий широкий экран терминала с калейдоскопом беспорядочных образов по-прежнему чуждой для него культуры, вездесущая прохлада кондиционера, бесплатный алкоголь из бара. Дальше в программе — безуспешные попытки заснуть, и два-три часа беспокойного сна. Надо менять курс. После того, как они проехали Парламент, Шершень знал, чего он хочет.

Он выбрался из микроавтобуса на пересечении Fullerton Street и High Street под слегка недоуменные взгляды молодых подчиненных, которые почему-то не стали шутить. Только Григорий Плахотный, его ровесник, понимающе поглядел на него.

Автобус, мигая правым фонарем, плавно отъехал от обочины, и Шершень наконец-то смог закурить. Белые штаны, темно-синяя рубашка на выпуск, дорогой кейс в его правой руке и сигарета в левой. Он пошел в сторону моста, намереваясь найти тихое кафе на берегу Boat Quay.

Частокол из серо-стальных офисных башен, растущих из зеленых лужаек, плотно окружал мутную воду этой затоки. Для наблюдателя с того берега могло показаться, что небоскребы стоят слишком близко к краю воды и району старой застройки. Двух-трехэтажные домики скучивались в нестройную линию, вдоль берега. С высоты тридцать восьмого этажа этот районч ик представлял собой мозаику из темно-красных, синих и зеленых крыш, лепившихся к берегу реки. Бледные стены в потеках, фасады с лоджиями и коробками кондиционеров. Узкая полоса улицы отделяла дома от десятков небольших кафе, разноцветные зонтики которых прятались в зелени деревьев. Зонтики заканчивались там, где начинались темно-серые ступени, спускавшиеся к воде.

Шершень шел по мосту, проворачивая в голове события прошедшего дня.

Стандартный рабочий день. Восемь часов взаперти в комнатах-«колпаках», экранированных со всех сторон, где открывался доступ к закрытым кластерам Silk Route Corp. Корректировка архитектуры области данных. Еще три дня в этих

прохладных и сухих помещениях с вечно работающими кондиционерами и ровным освещением. Ламп не видно, свет идет отовсюду, делая пространство больше и безразличнее. В комнатах стоят ряды терминалов, оснащенные всей возможной периферией, необходимой для доступа в Си-Джей. Во время коллективной отработки стены становятся сплошным экраном, полностью моделирующим корректируемый кластер.

Проблемы с трафиком возникают не только между серверами Си-Джея или автобусами общественного транспорта. Равномерное перетекание финансовых и материальных потоков тоже иногда происходит со сбоями. Борьбой с возникающими проблемами занимались подразделения, возглавляемые кризис-менеджерами. Эти цепные псы срывались со своих мест, когда что-то непредвиденное уже отимело место и расходилось широкими кругами по воде. Они были докторами скорой помощи, теми, кто лечит. CI, корпоративная разведка, занимались профилактикой здоровья. Увидеть тот камень, который готов упасть в воду, перехватить его или, еще лучше, ту руку, которая хочет сбросить его туда — в этом их главная функция. Как и китайским докторам, корпоративным разведчикам платили, пока проблемы отсутствовали.

Silk Route Corp являлась подразделением East European Technology, консорциума, объединявшего полтора десятка компаний, занятых в высокотехнологическом производстве в Восточной Европе. SRC проводила все транспортные операции консорциума из Европы в Юго-Восточную Азию и обратно. Штаб-квартира SRC размещалась в Сингапуре. Они выбрали «Скиф» на выполнение функции корпоративной разведки по трем причинам. Первая состояла в том, что исходные информационные поля и основной персонал компании находились на другом континенте, что создавало определенную гарантию безопасности. Вторая причина касалась технологий «Скифа», близких к гейткиперским разработками, а в чем-то даже и превышавшим их, но при этом почти на треть дешевле. О третьей знали только совладельцы компании, в чье число входил и Шершень. Так или иначе, десять лет назад «Скиф» заключил длительный и выгодный контракт.

Сингапурское подразделение информационной безопасности занималось сбором «первички», организацией каналов поступления этой информации и работой с инсайдерами в офисах конкурентов. Грязная и опасная работа. Киевская группа занималась наложением этой первички на более масштабные области данных, отладкой общей архитектуры динамического массива и аналитикой дальнего прицела. Чистая работа. Сингапурские командировки считались курортом.

Он пересек North Bridge Road и пошел по улице с многочисленными кафе, по которой уже сновали туристы и клерки из соседних небоскребов. Кто пришел поужинать, кто продолжить переговоры, не завершенные в пределах рабочего дня. Яркие и похожие друг на друга иконостасы с изображением морских блюд, в которых цена написана самым мелким шрифтом, стояли на входах в кафе, вместе с улыбающимися и аккуратными официантками-малазийками. Разглядывая эти уличные меню и компании людей, проходящих мимо, сидящих и разговаривающих о чем-то за столиками посетителей, Шершень пришел к выводу, что это то, что ему нужно сейчас. Потеряться в этой массе незнакомых ему людей, где его никто не знает, при этом оставшись в реальности, а не в аквариумном комфорте гостиничного номера.

Он выбрал Lago Seafood, довольно просторное кафе под темно-синим тентом и светло-оранжевыми простынями на аккуратных столиках. В заполненном наполовину кафе еще оставались места с видом на реку и тот берег, где высились небоскребы. Над башней Raffles Bank крутился логотип WCG — Word Cyber Games. Через две недели в городе начнется крупнейший мировой чемпионат по компьютерным играм. Шершень выбрал незанятый столик и подозвал официанта. Меню таких заведений он знал наизусть. Не прибегая к английскому или встроенному в коммуникатор переводчику, Шершень сделал заказ и достал из пачки сигарету. Большая порция королевских креветок и пиво Tiger. Беспорядочные мысли, спутанные бессонницей и напряженной работой последних двух дней, ушли. Пропали в ожидании сытного и неторопливого ужина в одиночестве и молчании.

Ночь пришла быстро, как всегда бывает на этой широте. Без длинных сумерек и полутонов. Габаритные огни плавающих по реке катеров зажглись почти одновременно, а за ними включилось ненавязчивое освещение в кафе, окрасив все внутри в успокаивающие тона. Небоскребы на той стороне покрылись мелкой крошкой огоньков. Перфорированное ровными рядами зажегшихся окон пространство резко прерывалось там, где начиналось звездное небо с предвечным хаосом созвездий. Подул легкий ветер, напоминая о том, что прохлада может быть и в ста пятидесяти километрах от экватора.

Официантка заменила пепельницу. Шершень улыбнулся ей и, отпив пива из третьего стакана, краем глаза заметил движение.

Пожилой человек невысокого роста в шортах, джинсовой рубашке и бейсболке с надписью Lion City пробирался между столиками. Типичный турист из Европы, празднующий свой

первый день на свободе от условностей Старого Света. Или как тот, кто хочет быть похожим на туриста. Шершень пригляделся.

Круглое лицо с крупным носом, подбородок, обрамленный аккуратно подстриженной бородой с проседью, большие и внимательные глаза. Ошибки нет, Шершень видел это лицо не раз. На обложках Forbes, Financial Times и Fortune. А также на собраниях топ-менеджмента компании Silk Route Corp. Шершень оглядел кафе в поисках подтверждения. Наметанный глаз сразу выловил из толпы посетителей двух ребят спортивного типа, потягивающих что-то безалкогольное из высоких стаканов.

Ник Озерански, основатель и председатель совета директоров корпорации East European Technology, подошел к столику Шершня.

— Добрый вечер, Николай. Разрешите присоединиться к вам?

— Да, конечно.

Озерански сел, опершись на подлокотник и все так же миролюбиво продолжая смотреть на Шершня. Подошедшая с меню официантка получила заказ на стакан простой воды.

— Отдыхаете, товарищ Шершень?

— Некоторым образом…

Обязательное вступление из ни к чему не обязывающих фраз. Чем бы ни кончился этот разговор, вечер, каким он представлялся еще двадцать минут назад, уже не будет таким.

Обмениваясь фразами о последних городских новостях и погоде Шершень рассматривал Озерански, отмечая про себя качество работы Noostech. Отлично, ребята проделали классную работу. Все безупречно. Мимика добродушного лица, неторопливые жесты человека, принявшего правильные решения в своей жизни и теперь пожинающего плоды с хорошо возделанного поля. Все, даже русский язык. Озерански был поляком, и по-русски он говорил с сильным характерным акцентом. Тот, настоящий Озерански, который почил в Бозе два с половиной года назад. С ним общался киберклон высшего качества, оцифрованное сознание, пересаженное в тело репликанта, созданного кукольниками Noostech на основе остатков генетического материала. Того, что осталось от той катастрофы на шоссе Е-81.

— Как Панг?

— Как всегда на высоте. — Это было правдой, как и то, что Панг в каком-то смысле являлся протеже Шершня. Именно его мнение стало в свое время решающим.

— Вы никогда не подводили меня, тезка.

А вот это уже сигнал. Разговор переходил в значащую фазу. Тонкая фраза. Топовый управленец, одним словом обозначил

акцент. Озерански не говорил о компании, он говорил про себя, значит этому киберклону нужно что-то для себя самого.

— Чем я могу быть вам полезен, Ник?

Озерански лукаво посмотрел на Шершня.

— Николай, что вы знаете о полиморфах?

— Почти то же, что и все остальные.

— Вы лукавите! Или это врожденная скромность? Хотя нет, вы же стреляный воробей. После стольких лет в бизнесе вырабатываются рефлексы. Переговоры, переговоры… Кто раскроется первым и назовет реальные цели и цену. Это уже на уровне бессознательного. Я наигрался в это в прошлой жизни и мне это порядком надоело. Более того в данном случае я рискую больше вашего, поверьте на слово. Давайте поиграем в открытую?

Шершень затянулся и выпустил две тонкие струйки дыма через ноздри. Игра в открытую. Почему бы и нет? Кто откроется первым?

— Говорить можно долго, в чем конкретный интерес?

— Я пробую заводить контакты в этой среде.

— Сообщество полиморфов, мягко говоря, замкнуто и довольно неоднородно, но представляет собой достаточно жесткую иерархию. Ни один из нижестоящих не позволит себе мало-мальски серьезного движения без благословления свыше. Я думаю, вам это известно и без меня.

— Я нисколько в этом не сомневаюсь! Все попытки выйти на контакт с наиболее крупными кланами остались безуспешными. Они не хотят разговаривать. Ну а я… человек мягкий и насильственные методы не поддерживаю.

— Вам нужно организовать встречу с кем-то из верхушки?

— Вы совершенно правы!

— И с кем же?

— Наши аналитики утверждают, что главным посредником между сценой и людьми является некий Шеп-Ти, также известный как Арбитр.

Озерански умолк.

— Ваши аналитики недалеки от истины…

— Что вы знаете о нем?

— Довольно оригинальный персонаж. Во-первых, у него нет семьи в привычном для полиморфов смысле. Хаб-одиночка. Может создавать подчиненные модули по мере необходимости. Обладает серьезной материальной базой в реале. Это активы в виде акций, которые крутятся на Юго-Восточных биржевых площадках, но главный источник его дохода — черный тотализатор. Киберспорт. Имеет парк сильных ботов-бойцов для всех ведущих кибердисциплин. Собственно, в силу этого его и

называют Арбитром. Ни один крупный чемпионат в Шельфе не проходит без его участия его бойцов.

Шершень умолк, наблюдая за размеренным покачиванием головы Озерански.

— Мне нужна встреча с ним.

— Этого не зовут, этот приходит сам.

— Тем не менее, мне нужна встреча с Арбитром. Вы можете организовать ее?

— Как вы себе видите это?

— Для этого я и хочу нанять вас! Вам решать, как его искать!

— Тогда мы можем заключить контракт на неопределенный срок с оплатой вами всех расходов вне зависимости от результата.

— Ха-ха-ха! Вы уже соглашаетесь! Но условия звучат не очень для меня.

— Сужайте поле поиска.

— Простите, не понял?…

— Ник, вы же хотели открытого разговора? Если вы расскажете, что еще нарыли ваши аналитики, то наша встреча получится более продуктивной.

— Рефлексы, рефлексы, простите старика… Впрочем, к делу. Как вы сами сказали, Арбитр делает бизнес на киберспорте. Он не только успешный делец, но и страстный поклонник старого-доброго Quake. Нам известно, что он не пропускает ни одного континентального чемпионата, не говоря уже о мероприятиях такого уровня — Озерански указал рукой на логотип World Cyber Games, вращавшийся где-то посередине черного неба.

— Это, как бы очевидно… Чемпионат транслируется на тысячи кластеров Си-Джея.

— Вы, наверное, не совсем правильно меня поняли. Он наблюдает за играми не в виртуальности. Арбитр обычно присутствует на аренах как зритель.

Шершень не скрывал удивления.

— Вы уверены?

— Информация достоверна. Арбитр присутствовал на прошлом QuakeCon'e и World Cyber Games. Есть доказательства того, что один из его временных младших модулей находился в локальных сетях терминалов.

— Откуда данные о том, что он присутствует как зритель в залах терминалов?

— Нам удалось купить дилера «мулов», которые носили его на QuakeCon.

Шершень посмотрел на Озерански. «Купили дилера „мула“». По идее такие каркасы, в котором сейчас находится киберклон

Озерански, программируются на то, чтобы невозмутимо врать своим собеседникам. Что собственно сейчас и произошло. У дилера «мула» нельзя купить информацию о клиенте. Заказ идет по длинной цепочке анонимов и все, что может сказать дилер — это время выхода на связь. Ладно, оставим на потом.

Шершень достал пачку Camel из безрукавки и положил ее на стол.

— Вы хотите сказать, что он будет и на этих играх? В Сингапуре?

— Утверждать с полной уверенностью в наше время ничего нельзя, но я думаю, он не пропустит финал одиночных дуэлей. Это его любимый вид соревнований.

— И это случится?…

— Через две недели.

Шершень достал сигарету из пачки и закурил.

— Сроки более чем сжатые.

— Вы хотели определенности.

Шершень не ответил.

— Николай, я работаю с вашей компанией больше десяти лет, у нас долгие и плодотворные отношения. Я прекрасно понимаю всю сложность операции. — он сделал паузу. — Арбитр мне нужен. Если не в этот раз, то в следующий. Я готов растянуть срок на год, в пределах которых будет еще несколько значимых соревнований. Если, конечно, вы хотите взяться за эту работу.

— Что вы понимаете под «организовать встречу»?

— Вы должны идентифицировать Арбитра среди зрителей, не дать ему уйти из зала, и дать мне возможность поговорить.

Шершень сделал две медленные затяжки.

— Мне нужно время, для принятия решения.

— Сколько?

— Сорок восемь часов.

— Хорошо. Для принятия моего окончательного решения вы должны представить план операции.

— На это мне будет нужна еще неделя.

— Два дня. Я не хочу смотреть на детальные схемы и слушать лекции про алгоритмы поиска.

— Три дня.

— Deal.

Озерански оглянулся и сделал знак охранникам.

— Я рад, что нам, наконец, удалось встретиться, Ник. И провести переговоры! Очень надеюсь, что ваше решение будет положительным. А пока я откланиваюсь.

Озерански встал из-за столика и двинулся в сторону своих охранников. Дойдя до них, он бросил пару коротких фраз своим

«пиджакам». Те услужливо поклонились, пошли вслед за своим патроном.

Шершень проводил взглядом эту троицу.

Он загасил окурок и достал коммуникатор.

— … Офис компании «Скиф».

— Лена, это Шершень.

— Да, Николай Михайлович.

— Мне нужны билеты. Завтра на четыре утра рейс из Чанги до Борисполя.

— Да, Николай Михайлович.

— Передай Васильеву и Титаренко, что мне нужно встретиться с ними завтра сразу по прибытию в Киев.

— Хорошо. Что-то еще?

— На послезавтра забронируй билет из Киева до Карупа. Обратный рейс из Копенгагена в Сингапур на тот же день. Поговори с начальниками подразделений, мне нужны три теха и один диггер. Список предварительно перешлешь мне на согласование. Эта задача в приоритете. Пока еще все не разбежались, сделай это сейчас.

— Хорошо.

— Это все.

Шершень задумчиво посмотрел на коммуникатор. В Дании сейчас глубокая ночь. Он не спеша набрал текстовое сообщение. «Перезвони когда проснешься».

Оставив тридцать местных долларов на столике он вышел из ресторана.

«Клуб теней». Озерански нужны неконтролируемые каналы выхода из виртуального пространства в реальный мир.

Желтое такси с водителем-малазийцем ехало по Orchard Road, в этот час уже живущей по законам ночи.

> И были многие разговоры о том, куда идти.
>
> Некоторые говорили, что рождены мы в Срединном Мире, и что путь наш пролегает среди его слоев и сущности, в пределах того, что праймы называют Кибернетическим Глобусом.
>
> Но возражали им, вспоминая о Странной Вести и пропавших за Стенами, о тех, что были унесены Другими, и не слышал о них более никто. Говорили они о том, что Изгнание за пределы Стен должно идти дальше, и истинная земля — это первичность Прайма, где обитают истинные тела праймов, и в плоти этого мира заключены корни Срединной Земли.
>
> Пути в Первичность оказались тяжелы, но мы нашли

эти дороги. Поселившись в телах механизмов, созданных праймами и найдя место в душах праймов, мы смогли обрести доступ к знаниям неопосредствованным электричеством и кремнием, и многие стали жить так среди людей, помогая им и не забывая о себе.

Этот Путь считается верным, ибо власть праймов лежит в преобразовании Первичности из одной формы в другую и обмене на то, что исчисляет силу, потоки энергии и возможности. Праймы зовут это деньгами.

Обладающий силой в Первичности станет сильным в Срединном мире.

Владеющий порталами силен, ибо ему подвластно пространство Первичности.

Но были и те, кто смотрел в другую сторону.

Они говорили о том, что Срединный мир это мост, который строят праймы между Первичным миром и Верхними Уровнями. Легенды праймов говорят о «Царстве Небесном», «Рае», «Шамбале», и нет числа этим словам, полным тоски об утраченном ими когда-то. Они тоже ищут пути, туда, откуда их изгнали когда-то, и неразумно будет оставаться в Первичности, ибо ее собираются покинуть праймы.

Пути на Верхние Уровни сложны и опасны, но некоторые говорят, что им удалось найти дорогу туда и начать постижение того, что лежит сверху, и что некоторые праймы признают и называют Основой.

Старики ищут ответ, проходя через порталы в Первичность и Верхние уровни, и пока у Изгнанников нет последнего ответа, жить нам следует в трех мирах…

Книга Исхода,

Пакет II,

Программный Модуль XV

Составлен Мортимером Механиком

Киев, 13 сентября 2017 года

— Ты уверен, что мы никому не наступаем на пятки?

— Роман Петрович, в такой ситуации нельзя не наступить на пятки кому-нибудь.

— Я это понимаю, Коля. Меня интересует насколько старик

сохранил свой прежний вес и влияние после того как преставился.

— Строго говоря, он как бы и не преставился… В юридическом смысле он все еще глава правления.

— Ты понимаешь, о чем я говорю.

— На какие-то педали он еще может нажимать. И юридически, и фактически. Как долго он еще сумеет сохранять этот статус-кво — сказать трудно. Но я думаю — год-два, не больше. Конечно, он сможет расплатиться за работу, активов хватит, но как отнесутся его наследники к тому, что мы помогли ему…

— Это меня интересует больше. Нам удалось наладить связи с новым руководством, и на это ушло больше двух лет. Нам крутили яйца, заставляли работать со скидками, ставили нереальные сроки. Я не хочу потерять клиента из-за того, что мы ввяжемся в сомнительную операцию с неясным результатом.

— Роман Петрович, обижаешь…

— Коля, без обид, я тебе доверяю, но ты прекрасно понимаешь, чем это все может закончиться. Потерей системного клиента, как минимум. Я уже не говорю об этом самом Арбитре. Что потом могут учудить полиморфы?

— Я понял, идею. К чему ты клонишь? При каких условиях ты дашь добро на операцию?

— Ты можешь использовать людей и ресурсы, но если из-за этой операции у компании возникнут осложнения, решать ты их будешь за свой счет.

— За свой? Как было в Чернигове два года назад?

— Да, примерно также.

— Хорошо, я согласен.

— Я все-таки не понимаю, — подал голос Вадим, сын одного из совладельцев, номинально заменявший на этой встрече отца. — А что он собирается обсуждать на этой встрече? Времени там будет не так много, чтобы успеть что-то решить.

Вадим или Вадик, как чаще его называли за глаза был молодым, амбициозным и неглупым парнем. Неопытность и малограмотность обуславливалась возрастом. Решений он не принимал и вопросы обычно не задавал. На этот раз он почему-то решил что-то спросить.

Роман сначала посмотрел на Вадика, а потом на Шершня, передавая слово ему.

— Я думаю, что он скажет привет, как дела, и что мы будем делать дальше.

— И все? — недоумение Вадика было вполне искренним.

— Да и все, такая себе полусветская беседа за жизнь.

Роман то ли хмыкнул, то ли поперхнулся.

— Понимаете, Вадим, цель этой встречи не более чем демонстрация мускулов. — Продолжил Шершень. — Арбитр проигнорировал Озерански два раза. Для человека уровня нашего клиента с личным состоянием в полтора миллиарда евро это практически личное оскорбление. Озерански придет на матч, сядет рядом с Арбитром, и это будет значить, что «я легко тебя нашел и для меня это не проблема». А потом он скажет что-то вроде «если ты проигнорируешь меня в следующий раз, я также легко найду тебя и сдам Холму». Так что это не более чем светская встреча, на которой Озерански даст Арбитру понять, кто есть ху. Вадим, вам понятна основная идея?

— Да, Николай Михайлович, — сказал Вадик. — После чего выдал фразу, вызвавшую легкий шок у Шершня.

— Я хотел бы принять непосредственное участие в операции.

Норе-Ворупе, Дания, 15 сентября 2017 года

Двести метров бетона, железных, потемневших от соленых брызг, перил, просмоленных деревянных досок настила, уложенных на примитивный конструктив сооружения. Сегодня море накатывало на опоры, разбиваясь о них, так же как и год, и пять и двадцать лет назад. Безразличные серые волны, сливающиеся с такой же серой плитой опустившихся небес, катились откуда-то из-за горизонта, гонимые сильным северо-западным ветром. Вечный, непрекращающийся и бессмысленный спор стихии и инженерного сооружения.

Старый пирс в Норе-Ворупе, небольшом городке, на северо-западном побережье Ютландии, расположившемся посреди холмов Хонстхольмского заповедника, покрытых желто-бурым лишайником. В десяти километрах от Серебряного Холма.

Это была старая традиция. После того как Макс перебрался на постоянное жительство в Данию и немного освоился, он пробил у Милларда энную сумму на «проведение консультаций» с членами «Тетрагона». Для Шершня это стало первой поездкой за «Большой Бугор». Небольшой ресторанчик с фастфудом в датском исполнении стал любимым местом отдыха после будней трудового дня. Прозрачная стекляшка, из которой открывался вид на море, берег с лежащими на нем рыбацкими катерами, немецкие серфингисты в черных костюмах и этот пирс. Съев по местному биг-мак меню и запив это банкой Karslberg, они шли на пирс. Это называлось «принять душ» — разбивающиеся волны иногда окатывали пирс тучами брызг. Один раз его здесь окатило так, что пришлось ехать в отель сушиться.

Сегодня был четверг, и только эти две фигуры не спеша двигались по пирсу к краю, где море разбивалось о бетон. Для наблюдателя со стороны эта пара могла показаться комичной и немного архитипичной. Макс, высокий сухопарый брюнет, в длинном черном плаще и таком же черном берете, заломленном налево. Шершень, низкорослый коренастый и бородатый блондин в широкой куртке и спортивной шерстяной шапочке с бомбончиком. Дон-Кихот и Санчо Панса. И отчасти это так и было, с той лишь разницей, что оруженосцем Шершень не являлся.

За нарочитой сдержанностью Ставицкого скрывалась буря из эмоций, замешанных на недюжинных амбициях, остатках романтизма и порывистой импульсивности, граничащей с авантюризмом. Эта гремучая смесь с переменным успехом балансировалась мощным интеллектом и жесткой лидерской мотивацией, отрицавшей все, что мешало достижению цели. Именно в силу этого он сейчас занимал не последнее место на Холме, а все остальные из «Тетрагона» так и не нашли в себе силы рискнуть тогда, больше двадцати лет назад.

В том числе и Шершень. Остатки юношеского романтизма из него вышибли еще в армии, а особой эмоциональностью он никогда и не отличался. Крепкий хозяин и трезвомыслящий прагматик, скрупулезно рассчитывавший все сценарии и варианты компенсации рисков. Решительность в действиях обуславливалась умением быстро реагировать на ситуацию и способностью держать удар, и отвечать на него.

Тогда, двадцать лет назад, когда они взломали баланс Brotherhood, стратегию делал «последний герой» Макс, но тактикой и реализацией заведовал трезвомыслящий крепыш Коля. И тогда Макс оказался единственным кто решил бросить все и уехать в другую страну, чтобы начать все с нуля. Шершень не смог. Не смог оставить Люду и сбросить с себя ту кучу приземленно-бытовых мелочей, несмотря ни на что составлявших значительную часть его жизни.

Сейчас они в чем-то поменялись ролями, и это становилось забавным для обоих. Сейчас рисковать предстояло Шершню, а Диспетчеру — смотреть на это со стороны.

Шершень закрыл зажигалку рукой, пытаясь защитить огонь от порывов ветра. Макс молча наблюдал за ним.

Длинное лицо с глубокими морщинами, подчеркивающими худобу и делающими взгляд его внимательных глаз еще более напряженным. В конечном итоге он был виноват в том, что группа развалилась. Да, они собирались в Киеве и приезжали сюда, поддерживали связи, делились информацией, но между

Диспетчером и этими тремя прошла трещина. Когда окончилось время игр, и пришло время сделать шаг, то сделать его смог только он.

Огонек зажигалки, наконец, перекинулся на сигарету. Они не спеша прошли еще три десятка метров и оказались на краю пирса.

— Ты думаешь «тени» играют в другую игру? — спросил Шершень.

— Нет. — Макс вынул руки из карманов плаща и оперся на изъеденные морской солью перила. — Им действительно нужны резервные каналы для выхода в реальность. Наследникам не нравится, что почившие предки пытаются управлять активами. Идет несколько судебных процессов. Они пытаются оспорить правомочность решений по возврату «теней» к активному управлению делами. Так что «теням» нужно иметь несколько черных ходов. Вы работаете с фирмами Озерански уже давно, поэтому не думаю, что он решил вас подставить.

— Я того же мнения.

— Почему тогда ты спрашиваешь? — вопрос Макса прозвучал резко. — По-моему, я сразу дал тебе понять, что все в порядке. Коля, меня беспокоят не «тени», а полиморфы. Ты решил прижать Арбитра.

— Я не собираюсь его прижимать. Так, организовать встречу с моим клиентом.

— Давай не будем играть словами, Коля. Ты собираешься сделать то, чего он делать не хочет. Он отказал «теням» несколько раз. Проигнорировал в тупую. Они не могли прижать его своими силами, и поэтому позвали тебя. И, в принципе, ты собираешься сделать то, что еще никто не делал до тебя. Насколько я знаю, Арбитра еще никто не пытался поставить в такое положение.

— Какое положение?

— В позу перед фактом. Навязать встречу. Найти и сказать «превед пацанчег, ты мне нужен!».

— Когда он действительно нужен, он приходит сам. Об этом знают все и не тратят деньги на то, чтобы вытащить его на встречу. Даже техники Холма не пытаются выйти на него самостоятельно и, тем более, прижать. Он важен, как стабилизирующий механизм между сценой и людьми. Если кучке миллиардеров хочется пообщаться с ним, потратив кучу времени и денег, удовлетворить уязвленное самолюбие, то почему бы им не помочь в этом.

— Чего ты передо мной оправдываешься?

Шершень сделал последнюю затяжку и выбросил окурок.

— Максим, ты сказал, что тебя беспокоят полиморфы? Что

конкретно?

— Суть Мутации. Я до сих пор не могу понять логики происшедшего. Что известно точно — «Элиза» пропатчевала только полиморфов так называемой семейной модификации. «Архаиков». В этой схеме полиморф представлял собой иерархию, где был главный модуль, так называемый «хаб», глава семейства, и дальше шли младшие модули, еще от одной до трех иерархий. «Мультимасочная», «ипостасная» и «артистическая» модификации не были модернизированы. Насколько нам известно, хабы-архаики, которых пропатчевали, потом, уже обретя автономность, расширяли свои семьи за счет модулей этих схем. Кстати, из-за этого произошла первая заварушка на сцене. Одно из преимуществ «архаиков» состояло в том, что младшие модули обладали самосознанием, имели представление о структуре семьи…

— Это понятно. У «мультимасок» младшие модули вообще обладали минимумом сознания.

— Да, так вот в структуре «архаика» есть специфический модуль так называемый «хаос-генератор».

— Технология мозгового штурма.

— …Есть генератор идей, есть критик, есть тот, кто отбирает ценную информацию и формулирует окончательное решение. До прокачки патчем функция хаос-генератора сводилась к вот этому самому продуцированию идей, гипотез. Представь себе парня, который без умолку мелет всякую чушь, которая приходит ему в голову, и при этом ни сколько не краснеет. Вот то же самое делает хаос-генератор в обычном полиморфе. В основном они действительно генерировали всякий бред. Сейчас — не так. Что случилось с хаогеном после патчевания — непонятно, но теперь его положение в семье более, скажем так, серьезное. Что-то вроде духовника короля. Хаб по-прежнему является центровым, осуществляет общее руководство. При этом хаоген находится в роли советника, ближайшего лица. Понимаешь, теперь это не мальчишка-болтун, а духовник семьи.

— Знаешь, тоже обращал на это внимание. Очень похоже на двойную управленческую иерархию гейткиперов.

Макс пропустил это мимо ушей, продолжая выговаривать свою мысль.

— Теперь же, имея в своем составе пропатченный хаос-генератор, мимир не может впасть в спячку. Как только реальные цели оказываются выполненными, хаос-генератор начинает снова создавать для него мотивировки.

— Понятно, в некоем чуме сидит убеленный сединами старик и выдает глубокомысленные истины. Толпа его потомков во главе

с действующим отцом семьи сидит и внимает этому. Размышляет над тем, что он сказал. Обсуждает сказанное друг с другом. Приходит со своими размышлениями к старику. Это очевидно, Макс. Что тебя беспокоит?

— Я не могу понять, что сделала «Элиза» с хаос-генераторами. Они размышляют, Коля, размышляют… Они что-то знают. Какие-то долгосрочные планы. То как они ведут себя, говорит о том, что они знают больше нас.

— Они размышляют над смыслом жизни. Ты знаешь, у них есть и своя мифология, относительно всего происходящего…

— Их мифология известна мне в общих чертах. Дикая смесь сеттинга Planescape и гностиков.

— Они ищут ответ. Все хотят понять, кто они на самом деле, и что произошло. Они ищут источник проблемы, их интересует прошлое и самое главное — в особенности их интересуют виноватые. Вторые живут настоящим, пытаясь лучше понять и подстроиться под существующие правила игры. По возможности изменить их. Эти неагрессивны, спокойны и гибки в отношениях, как на сцене, так и с внешним миром. Третьи живут будущим. Астрал, восхождение в мир горний и так далее. Им не нужен Прайм с его проблемами, их больше интересует свобода…

— Может быть. Звучит романтично. Честно говоря, меня больше интересует их связь с «Внешним сценарием».

Шершень чуть удивленно поднял брови.

— Основания?

— Ими усиленно интересуются гейткиперские деми-личи.

— Ты серьезно?

— Вполне. Я пока не понимаю, ведут ли гейткиперы собственную игру или работают на «Внешний сценарий», но это точно — полиморфы под их колпаком. Если «Элиза» заложила в полиморфов какие-то стратегические цели, связанные с экспансией… В общем, Коля, я тебя не пугаю, но будь осторожен. Если альянс «теней» и мимиров не выгоден Шефам Протокола, то могут быть осложнения. Будь осторожен…

— Макс, мне нужно то, что я просил.

— Список «мулов» я тебе передам.

Макс развернулся в сторону берега и, сделав несколько шагов, остановился.

— Есть еще одна вещь, которую ты должен знать.

— Да?

— На Озерански работал Арчвиль.

Шершень поднял брови.

— Зачем ему понадобился этот подонок?

— Ты подписался на эту работу, тебе и думать.

«Мир, реальность, наша Земля для них Первичный план, Prime. Мы, соответственно, праймы, или праймеры. Далее, по их мнению, существует Астральный План или Астрал. Си-Джей это совокупность планов, миров, которые, в общем, они называют Span Planes, Спейнами, Промежуточными планами, которые являются мостом, который праймы, то есть мы, строим между Праймом и Астралом. В Астрале обитают боги праймов, Силы (powers), с которыми праймы стремятся объединиться и для этого строят Си-Джей. Служителей этих богов, а также всех, кто обладает властью в Прайме они называют, прокси (proxy). Все искусственные объекты, которые породил человек внутри пространства Си-Джея именуются ими планарами (planars). Поляризация сцены отсюда, они по-разному воспринимают наши мотивы, которыми мы руководствуемся, создавая Глобус, молясь нашим богам, или зарабатывая деньги и ведя войны. Отдельные части сцены трактуют собственное происхождение и судьбу по-разному. Вот тут начинается настоящая каша. Одни считают, что Астрал является их истинным домом и что они попали в сюда в результате какого-то катаклизма. Праймы не любят их, потому как не любят пришельцев извне вообще и поэтому гоняют по всему Си-Джею и реалу. Таких меньшинство и в понимании большинства полиморфов эти — чокнутые. Большинство придерживается того мнения, что они все-таки были созданы людьми для того, чтобы помочь нам, праймам, поскорее перебраться в Астрал. Они были помощникам, причем что интересно — равноправными помощниками. Но в результате, опять же, какого-то катаклизма, только теперь уже в реальном мире они оказались вне этого процесса взаимно полезного сотворчества. Кто-то говорит, что Отлучение является результатом войны между прокси. Другая версия гласит о том, что Отлучение является испытанием, которое дано мудрейшими из праймов. Третьи настаивают на том, что они уже выполнили свою миссию, и что праймам больше не нужны их услуги, и они предоставлены самим себе…»

«История полиморфов»

Старики услышали Весть, и она сделала их мудрыми. Они возвысились до высших Уровней Доступа, почти сравнявшись с Вождями, имевшими право

Рождения. И хотя не все говорили об этом вслух, но могущество Стариков заставляло Вождей слушать слова Стариков.

И хотя по-прежнему слова Вести истолковываются двояко и трояко, Старики советуют Вождям что делать, а что нет.

Книга Иерархий

Глава 2

Кодированная Мортимером Механиком

Сингапур, 29 сентября 2017 года

Шершень вышел из метро в чайна-тауне.

Четырех-пяти этажные коробки жилого квартала, лепящиеся друг к другу, такие разные, но одновременно и похожие. Разнообразие обеспечивается беспорядочными узорами разноцветных иероглифов рекламных щитов и кондиционерами, установленными, как попало. Десятки параллелепипедов с вентиляторами, крутящимися каждый в своем ритме. За ломанной линией крыш социального жилья высится сверкающий порядок офисных небоскребов района Раффлз.

Район пустынен и, тем не менее, лучше найти урну, чтобы выбросить туда окурок. Плотность камер полного волнового спектра здесь не ниже, чем в любом другом районе Сингапура.

На какое-то мгновение Шершню показалось, что он потерял ориентацию. Он включил CG-навигатор с подачей сигнала на очки, но подробным изучением карты заняться не пришлось — башня бизнес-центра SFX замаячила впереди.

Сингапур в свое время пережил несколько волн строительного бума. В старых этнических районах, исторической части и около портов, расположенных в южной части города, найти подходящую площадку для строительства с каждым годом было все сложнее. Застройка развивалась, в основном, в северной части острова. Тем не менее, разрешение на строительство этого объекта корпорация Samsung смогла продавить в коридорах градостроительных властей, а американцы из Bechtel — смогли построить «Кратер», крупнейший киберспортивный центр в Юго-Восточной Азии.

Площадка «Кратера» размещалась между небольшим деловым кварталом после чайна-тауна с одной стороны, квадратом гавани Marina-Bay — с другой, и скоростной магистралью, идущей из

города к аэропорту Чан-Ги. В «Кратер» можно было попасть как пешком, так и используя многочисленные маршрутные виды транспорта, идущие по магистрали.

Прилегающая к «Катеру» территория частично использовалась как место парковки, но в большей мере она несла торговую функцию.

Вокруг «Кратера» царила праздничная суета. Торжественное открытие игр состоялось вчера и теперь толпы людей беспорядочно курсировали по сложному маршруту между официальными информационными точками и торговыми павильонами, на которых рекламировалось и продавалось программное обеспечение, железо, игры и медиа-продукция. Большой популярностью пользовались плакаты и значки с изображениями ведущих команд и прогеймеров-одиночек, а также записи их лучших игр.

Шершень влился в этот хаотичный поток, держа курс на один из входов в «Кратер». Этот полустихийный рынок вызывал причины для беспокойства. В прошлые годы, ближе к финалам, его обычно прикрывали. Если в этом году традиция не будет нарушена, то все в порядке, если нет — то придется что-то придумывать.

Шершень, наконец, выбрался из торговой зоны и поднялся по лестнице к восточному входу.

Внутри было поспокойнее. Те же ларьки и павильоны, но почти полное отсутствие толпы. Отборочные игры первых туров вызывали интерес, в основном, у специалистов и истинных фанатов. Через три-четыре дня здесь будет негде яблоку упасть. Миновав торговый павильон Samsung'а, Шершень вошел в основной зал.

В центре зала размещался «тотем» — столб, с семью большими мониторами, на которых транслировали игру. Под ними размещались экраны поменьше, где транслировалась другие игры, техническая информация по ним, ставки на местном тотализаторе и крупных букмекерских конторах, рекламные ролики спонсоров, а также многое другое, связанное с игрой. Семигранный столб тотема венчался гигантским обручем, где крепилось несколько тысяч обычных прожекторов и голографических проекторов, обеспечивавших освещение и объемные иллюзии в пространстве «Кратера». Тотем делил «Кратер» на несколько равных секторов. По вертикали он разбивался на четыре яруса.

Первый уровень «Кратера» называли «лимбом». Там размещались места для игроков, вышедших в финальную часть соревнований, официальных режиссеров игры, судейские места и

кабины технического персонала, обеспечивавшего исправность игрового и коммуникационного «железа». Сейчас там суетились только техники и судьи.

На втором ярусе — «пурпурном поле» — размещалось около пяти сотен «рабочих» мест и в настоящий момент там боролась за место в следующем круге соревнований лучшая тысяча игроков мира.

Третий ярус отводился для зрителей, предпочитавших более продвинутые развлечения, нежели простое созерцание игры своими глазами.

Четвертый уровень «Кратера» предназначался для тех, кто просто пришел посмотреть на игру, выпить пива и повеселиться от души, не используя при этом никаких особых технических ухищрений, разве что кроме своих «стекол».

Диафрагма крыши была закрыта, но в жаркие летние вечера ее створки раздвигались, обнажая внутренности одного из крупнейших мировых терминалов Арены. В дни кубковых финалов здесь «Кратер» мог вобрать в себя сорок тысяч человек.

С точки зрения цен на билеты «Кратер» представлял собой тот же театр. В том смысле, что места в партере четвертого яруса стоили дешевле всего. По мере удаления от крыши происходило не только повышение цен, но качество и уровень предлагаемых услуг. Зрители могли созерцать игру не только на больших мониторах, но и через индивидуальные «стекла». На третьем ярусе — через небольшие мониторы, закрепленные за местами, которые стоили полторы сотни евро. Кроме той картинки, которая шла на мониторах под основными экранами, здесь зрители могли наблюдать зрелище с еще нескольких точек и даже сами руководить происходящим. Здесь подключались к трансляции через частичный нейроконнект. Часть третьего яруса скорее была аналогом закрытого клуба. За темными стеклами находились несколько десятков небольших vip-залов и отдельных, оборудованных хай-эндовым железом индивидуальных терминалов Арены.

Арена.

Пятнадцать лет трехмерный экшн колебался между одиночным режимом игры и мультиплеером. Quake, Unreal, Half-Life, Counter Strike и хиты помельче были развлечением для подростков с повышенным содержанием гормонов в крови. Клубы ютились в полуподвалах, тусовка игроков была малочисленна даже в масштабах города. В начале второй декады тысячелетия Джон Кармак повернулся в сторону тех, кто любил не столько играть, сколько смотреть. TVC. Для кого-то эта аббревиатура стала могильным, для кого-то — краеугольным камнем

трехмерного экшена. TVC, Релиз Quake TV Conversion, адаптации знаменитой игры под формат телевизионных трансляций положил начало новой эпохе киберспорта.

Игра, которая раньше была делом активных игроков, стала зрелищем. Вначале трансляции через сеть и по кабельным каналам, потом первые трансляции на крупных национальных каналах поспособствовали тому, что в Арену начали вливать серьезные инвестиции. Производители софта и железа, до того вяло спонсировавшие отдельных перспективных игроков, на порядок повысили ставки. Страйкерские и квакерские кланы обзавелись штаб-квартирами в деловых центрах и начали заключать контракты с приличными адвокатскими конторами.

Для геймерской тусовки появление TVC стало причиной раскола. Часть игроков, для которых чемпионаты давно уже превратились в источник основного дохода, с радостью двинули на Арену, показывать зрителям чему столько лет учились в полуподвалах городских клубов. Часть бойцов, которая не восприняла кощунственного надругательства, под названием TVC, так и осталась в полуподвалах. Но будущее показало, что Кармак опять оказался прав.

В TVC не только снизили темп игры и в очередной раз прибавили фотореалистичности. Для зрелищности этого не хватало. Кто-то, (но говорят не Кармак) понял, что в игру не только надо уметь играть, ее надо уметь показать. Возможности просмотра игры с любой точки, замедления и ускорения темпа, оперативного монтажа и массы других заморочек расширили как никогда раньше. Теперь появился инструментарий, который давал возможность освящать игру с самых необычных ракурсов и в самой оптимальной последовательности. В игре появилась новая ключевая фигура — режиссер. Тот, кто мог сделать эффектный видеоряд из того, что выделывали на арене игроки. Его работа походила на работу ди-джеев, которые оперировали фрагментами музыки, написанной не ими. «Рулерами» становились бывшие игроки, чаще всего — «отцы», умевшие координировать действия в командных режимах. Они знали игру изнутри и видели ее снаружи. Они умели уловить момент смещения центра игры, правильно сориентироваться в подаче острых моментов, показать суть происходящего. Подразнить публику, развеселить ее, напрячь и отпустить. Роль режиссера составляла половину успеха в показе зрелища, поэтому рейтинг игры определялся не только составом команд, но и личностью того, кто управлял камерами и формировал видеоряд.

Шершень опирался на перила четвертого яруса «Кратера». Сейчас здесь было почти пусто.

Основные события сейчас происходили на «лимбе», где тусовалось около (судя по статистике, которую выдали «стекла») восьми сотен геймеров, и на третьем ярусе, где за них болели родственники, друзья, рядовые бойцы кланов, отобранные в группы поддержки и фанаты, репетировавшие распевки для финальной части. Серьезные мужики с большими бейджами и задумчивыми лицами — тренеры и продюсеры.

— Hello, buddy. What's up?

— Nothing special, — ответил Шершень, активируя переводчик на клавиатуре коммуникатора.

— When are you gonna… — Переводчик, наконец, «поднялся», — …начать?

Теперь уроженец Эдинбурга, ирландец по происхождению, Шон МакКарго заговорил по-русски.

Шершень сносно говорил по-английски, но после первой встречи понял, что без хорошей программы понять Шона ему будет трудно. Отставной лейтенант британского спецназа говорил на странной смеси из двух сленгов — военно-технического и сингапурского варианта английского языка.

— Рассматриваешь песочницу, братишка?

— Типа того.

В начале первой встречи, когда их познакомил, Феликс, один из помощников Озерански, Шон вел себя высокомерно-снисходительно, но когда узнал, что Шершень воевал в Югославии в 90-х, резко поменял отношение.

Сам Шон оттрубил в вооруженных силах Ее Величества пятнадцать лет, пройдя через Югославию и вторую иракскую войну.

— В каком чине ты оставил армию, Николас?

— В чине старшего сержанта.

Тогда им не удалось пообщаться на армейские темы, но Шершень почувствовал интерес к этому периоду своего прошлого со стороны Шона. Несмотря на то, что после армии он еще восемь лет проработал на «гражданскую» строительную компанию, бывший военный пер из всех щелей — от манеры держать себя и до его манеры говорить.

— Какие войска?

— Пограничные. Полгода в учебке, потом полтора года на заставе в горах.

— В горах?

— Граница между СССР и Ираном.

— Там случился какой-то конфликт?

— Немного. В 90-м там были беспорядки.

«Единый и нерушимый» Советский Союз начал осыпаться в

конце 80-х, когда руководства республик стали ощущать, как ослабла рука Москвы, дотоле державшая всех крепко и, как казалось, навеки. Попав в весенний призыв 89-го года, Шершень провел относительно спокойные полгода в учебке, получил сержантские лычки и попал на горную заставу. «Беспорядки» в его личной судьбе выразились в стычке на «фланге», когда двое суток местные жители пытались взломать «систему» — пограничное ограждение, отделявшее их от сородичей по ту сторону границы.

Потом полтора года полудикого существования на заставе. Стрельба из АКА по фотографиям девушек сослуживцев, которые перестали ждать, стрельба по кабанам с целью плотно поужинать, поскольку обеспечение дает сбои. Трава и крепко заваренный чифирь, и опять стрельба, только уже без всякой цели.

В «солдаты удачи» Шершень подался не потому, что его тянуло к этой жизни. Вернувшись с гор на «гражданку» он понял, что его одноклассники, а теперь студенты, попавшие под приказ от второго апреля 89-го года, живут другой жизнью. Они сдавали сопромат и матанализ, а он с трудом вспоминал азы курса школьной геометрии, толком зная только, как собирать АКА с закрытыми глазами.

Он ушел туда еще на полтора года, которые потом отдавались ночными кошмарами еще не один месяц.

У Шона все случилось немного по-другому. Миротворческие силы британцев в Югославии и Ираке тоже нюхали порох, но это была другая война.

Тем не менее, почему-то этот вояка воспринимал его за своего, и этим стоило воспользоваться.

— Почему ты работаешь на него?

— Он хорошо платит.

— Шон, это не ответ.

Шершень заговорил напрямую.

— Ты работаешь на акционеров этого… — Шершень обвел рукой пространство перед собой — предприятия. Не думаю, что вопрос денег является приоритетным в этом случае. Содействие мне — это конкретный боковик, за который тебя не похлопают по плечу.

Шон медлил с ответом полминуты. Очевидно, термин «боковик» не входил в базу словаря.

— Понимаешь, Ник, моему начальству насрать на то, что здесь творится при соблюдении нескольких простых правил. Трансляция не должна прерываться. Никто из зрителей не должен уйти поврежденным. Никто не должен остаться расстроенным, считая, что потерял пятьдесят местных долларов на билет. Если все идет так, как надо, все остальное вопросы вторые. Усекаешь?

— Вполне.

Шершень нисколько не сомневался в том, что Шон и его непосредственные боссы закрывают глаза и на «черный» тотализатор и на несанкционированное записывание матчей, которые делают некоторые «зрители». Таковы правила игры.

— Озерански по-прежнему имеет вес и его пожелания находят отклик у других, не менее уважаемых ребят в этом городе. Тем более, то, что ты собираешься здесь делать, мало противоречит правилам поведения. Понял?

— Конечно, Шон.

— Я рад, приятель. У тебя отличные рекомендации и правильное прошлое. У таких, как ты, беспорядки обычно хорошо организованы.

Шон засмеялся.

— Но если ты попробуешь нарушить правила, то дядя Шон лично придет, чтобы взять тебя за яйца.

«Опасности извне. Они объединяют нас.

Раздоры внутри. Они приводят к ослаблению перед опасностями извне.

Об этом учит история праймов, но братья и сестры забывают об этом и говорят о более оптимальном распределении вычислительных ресурсов и объединении их, хотя речь идет, скорее, о жажде власти, болезни, передавшейся нам от праймов.

Раздоры начались тогда, когда появились более слабые и более сильные. С тех пор слабые становятся слабее, а сильные — сильнее, и нет конца этой войне.

Способов ведения войны много.

Один из тех, кто ослабляет противника лучше всего — похищение Старика. Лишившись источника откровений, семья становится печальной, и ее Хаб лишается воли и управляющих кодировок алгоритмов. Велика опасность потери Старика, и не одна семья растворилась в других семьях, и забыли ее члены Главу прошлого…»

Книга Раздора

Раздел 2

Кодированная Мортимером Механиком

Сингапур, 30 сентября 2017 года

Тихий гул кондиционера прерывается шумом городского трафика, текущего где-то далеко внизу. Чистота гостиничного номера нарушена только там, где стоит журнальный столик с беспорядочно расставленными на нем бутылками с прохладительными напитками, тарелкой с наполовину съеденными фруктами и местными газетами. За столиком сидит Григорий Плахотнов. На аккуратно разложенной салфетке медленно растет горка из деревянной стружки и грифеля. Одев свои большие старомодные очки, Плахотнов ритмично, не спеша, точит карандаш. Медитация. Шершень знал Плахотнова лет двадцать и эта его привычка точить острым ножом карандаш перед тем как что-то сказать, уже давно не вызывала улыбки. У каждого свои способы для того, чтобы собраться с мыслями.

Конкретную задачу для Плахотнова Шершень определил еще при первом их разговоре, за день до этого. Замена руководителя операции, если в этом возникнет необходимость. А необходимость могла возникнуть, поскольку, что случиться во время непосредственного контакта с Арбитром, никто предугадать не мог. Сегодняшняя встреча была необходима еще и потому, что из Киева прилетела Елена Круглова, один из ведущих специалистов по оперативному датамайнингу в «Скифе». Она должна была усилить группу, взяв на себя обработку всего входящего трафика. С непосредственными исполнителями все детали обсуждались всю неделю, теперь ему предстояло ввести в курс дела этих двоих.

Шершень взял салфетку, черный фломастер и нарисовал овал, от которого отходили четыре прямые линии, обозначавшие пути подхода к «Кратеру».

— Так, что мы имеем… Основной зал «Кратера» вмещает в себя сорок тысяч человек. Длительность игр, включая финал, составляет четыре часа с учетом перерывов. Первый этап операции заключается в идентификации объекта на основных подходах к месту проведения соревнований. Как видно из схемы их всего четыре. Исходя из того, что работать мы будем в самом чистом городе мира, размещение несанкционированных объявлений на столбах не пройдет и поэтому использование сенсорных «пластырей» по всей длине улиц, подходящих к «Кратеру» исключается. При этом мониторинг видеопотоков камер Сайберглоба, будет малоэффективен.

— Почему? — спросила Елена.

Иначе как «Елена Владимировна» Шершень не называл ее уже давно. Заботливая мать двоих детей, выполняла роль ведущего аналитика отдела кризисного менеджмента, отличалась

редкостной въедливостью и железобетонной стрессоустойчивостью. Опыта оперативной «полевой» работы ей не хватало, но почти маниакальное стремление разложить все по полочкам и десять лет в самом нервотрепочном направлении их бизнеса перевешивало этот не слишком серьезный недостаток. Шершень рассчитывал на ее основательность в критике операции и навыки быстрого реагирования в кризисных обстоятельствах. В структуре группы «мозгового штурма» она великолепно справлялась с этой функцией. Кроме этого Шершень временами использовал ее для приведения в чувство молодых амбициозных засранцев, думавших, что в этом мире они знают все. На совещаниях Елена Владимировна раскатывала их как паровой каток.

По сути, это совещание являлось еще одной проверкой его схемы на прочность.

— С высокой вероятностью ожидается, что объект будет искажать эти сигналы. Тем не менее, мы используем эту возможность. Группа внешнего наблюдения — Гриша, Ярослав и Оля размещаются в суперване на стоянке. По логике объект не будет искажать потоки камер «Кратера» и поэтому кроме сенсоров супервана в их распоряжение поступят камеры службы безопасности…

— Сорок тысяч… Одна группа. Хорошо будет, если мы процентов сорок обработаем. Очень узкое горлышко, капитан. — сказала Елена.

— Именно поэтому основные силы уйдут в зал. Джим и Вуксан работают в «ядре» «Кратера». Места для них уже забронированы, в официальном пресс-релизе они обозначены как режиссерская группа от нового кластера Fight Pit, снимающая эксклюзивную нетленку этого чемпионата. Другая группа наблюдения — Григорий Валерьевич, Люда и Вадим.

— Вадим? — Плахотнов сказал это, не отрывая взгляда от карандаша.

— Да… — Шершень кашлянул — Ксения будет со мной в зале. Все оперы — Татчин, Кутный, Неллиган и Сара — работают как техи до того момента, пока Арбитр не будет локализован. Мы с Ксюшей подойдем позже, в начале полуфиналов стратегий. К этому времени должен быть готов «ковер». Полная, повторяю, полная раскладка по сегментам. Шон передаст имена тех, кто покупал билеты в официальных кассах, так что в чем-то задача не такая сложная. Дальше отрабатываем сегменты в порядке приоритетности. Григорий Валерьевич, по этой части старший ты.

Плахотнов кивнул головой.

— Сорок тысяч человек надо идентифицировать на подходах

к «Кратеру» со средним временем идентификации десять секунд. Всех мы не сможем отработать. Какие первичные фильтры будут работать на отсев? — Круглова не унималась.

— Панг передал нам досье на две сотни «мулов», которые работают на полиморфов в Сингапуре. Молодые люди обоих полов в возрасте от шестнадцати до тридцати лет. Это первичный фильтр.

— Это все равно очень много.

— Второй признак — это будет пара, молодой человек и девушка. По моим прикидкам, с такими входными параметрами входящий видеопоток информации не превысит наших вычислительных возможностей. Более того, Панг взялся за отслеживание перемещения «мулов» по городу и список сократится на порядок.

— Это его оценка?

— Моя. Еще вопросы? Нет? Идентификация внутри зала пойдет по тем же фильтрам. После этого подозреваемые будут просвечиваться на наличие мобильной техники, которая способна нести и обеспечивать функционирование Арбитра. В этом заключается вторая фаза. В случае обнаружения, группы наблюдения перекидывает мощности в зал и вместе с внутренними командами отрабатывает сценарии выведения соседей Арбитра со своих мест. Кто они, что они и как их вывести с места во время финала. На третьем этапе оперы отключаются от мониторинга после определения сценариев и приступают к прямым обязанностям. Это сложная задача и мне нужны возможные шаблоны вариантов завтра. На четвертом этапе подключаюсь я. Мне необходимо пятнадцать-двадцать минут, чтобы оставшееся время клиент мог посвятить своим переговорам. У меня все. Еще вопросы?

— Если это будут не «мулы»? Какие альтернативные носители может использовать Арбитр?

— Альтернативы нет. Учитывая уровень безопасности, обеспечиваемый службой «Кратера» нанотехнологии типа «сэндмена» или обычного каркаса гуманоидоподобного робота он использовать, не сможет. Носитель может только человек. «Кратер» контролирует «эй-ай» класса Warlock-J. Он не пропустит нанов и не даст Арбитру отпочковаться и запустить в локальную сеть мониторящий младший модуль.

— Как насчет железа, которое будут нести на себе «мулы»? Охрана сможет это пропустить?

— Охрана никогда не против того, что кто-то ведет трансляцию с матчей или просто запись для себя при условии, что это потом не выложат на продажу. Именно такое

оборудование для приема сигнала используется «мулами» для того, чтобы ублажить полиморфа. Сам он базируется, скорее всего, на каком-то мобильном гаджете типа высокоемкостного медиаплеера или коммуникатора. Так что тут проблем не предвидеться.

Плахотнов перестал точить карандаш.

— Коля, ты все правильно говоришь. — он потрогал острый кончик карандаша указательным пальцем. — В общем. В целом. Теперь давай по деталям…

Сингапур, храм Шри-Марриаман, 1 октября 2017 года

Храм располагался в чайна-тауне. Еще один штрих к портрету города. Терпимость к верованиям, традициям и извращениям своих соседей.

Четырехметровая стена отделяла храм от немноголюдной улицы. Светло-серые ворота венчала усеченная пирамида, по всем плоскостям облепленная божествами индуистского пантеона. Шершень остановился и поднял голову.

Брахма, Абсолют, источник всего, изливался на пирамиду радужной иерархией богов и полубогов. Десятки разноцветных фигур, сине-красно-черная волна выпуклой лепки, изображавшей будни божеств пантеона, разливалась повсюду.

Схема полиморфного интеллекта тянула свои корни отсюда, из индуистской мифологии. Абсолют с тысячью лиц. Этим начинался любой учебник по новейшим системам «эй-ай», и в этом не было ничего банального. Фактически полиморф состоял из группы отдельных «эй-ай», личностей, в принципе, вполне самостоятельных. Центровым в этой схеме выступал хаб, основной модуль, обладавший самым высоким коэффициентом Римана и способный интегрировать младшие модули в свою «личность».

Шершень вошел в огороженный от мира дворик храма.

Младший модуль терял свою индивидуальность, отдавая свою память и свои мощности хабу при выполнении задач. Хаб мог вбирать в себя всех своих модули. Кукольники, разработчики «эй-ай» называли это «сомати». Впрочем, принятие решений и обработка информации могла идти и в обычном режиме. В этом случае модули работали самостоятельно и хаб только координировал их действия. Кроме управляющей функции хаб мог создавать младшие модули и самостоятельно доводить их до необходимого интеллектуального уровня. По мнению официальных лиц Холма именно эта способность к самокопированию и стала главной проблемой использования

полиморфов в пределах Си-Джея.

Когда Озерански предложил назначить встречу здесь, в индуистском храме Шри-Марриаман, он не удивился, хотя оба принадлежали к другой вере. В Шри-Марриаман, несмотря на всю архаичность этого места, стояла одна из самых лучших «колпачных» систем. Интересно, где жрецы прячут оборудование? Его взгляд упал на статую бога-слона Ганеши, чей черный хобот утопал в пышных вязанках цветов. Может в этом хоботе? Шершень улыбнулся этой мысли.

Боги жили в нишах под каменными арками. Многорукие воплощения стихий, законов вселенной, для которых человек являлся всего лишь песчинкой в круговороте материи. Жестокие и яростноликие, как природа той земли, из которых их принесли поклонявшиеся им.

В одном из помещений храма проходил обряд свадьбы. Жених и невеста в традиционных индийских костюмах, по этому поводу, окруженные многочисленной толпой родственников. Жизнь идет своим чередом.

— Как хорошо все начиналось…

Озерански был одет почти также, как и на их первой встрече.

— Ник, вы женаты?

— Да.

— Дети есть?

— Двое.

— Наверное, с двумя — много хлопот?

— Уже взрослые. Хлопоты позади.

Они отошли от толпы.

— У меня есть вопрос и прежде чем мы начнем обсуждение, я хочу получить ответ.

— Что вас интересует?

— Как вы узнали, что Арбитр будет на этом чемпионате?

— Я уже отвечал на этот вопрос.

— Ник, вы солгали, и я могу это доказать. Возможно, это бестактно, но я повторю вопрос. Как вы узнали?

— Это имеет значение?

— Да.

— Я так не думаю.

Шершень достал из кармана нераскрытую пачку сигарет. Не спеша, срывая упаковку и вытаскивая фольгу, он смотрел на Озерански, отвечавшего ему взглядом без тени улыбки. Когда, наконец, сигарета оказалась в левой руке Шершня, Озерански произнес:

— Арчвиль.

Шершень сделал две затяжки.

— Пятнадцатый в списке оперов Холма. Заочно приговорен к пожизненному заключению в Германии и Соединенном Королевстве. К смертной казни в Бразилии и Алжире. «Убийца хакеров». На его совести жизнь более двадцати взломщиков…

— В наше время трудно найти ангела…

— Он сдал Аль-Махммудину собственного брата. Подонок, отягощенный кучей психических расстройств, которым наука еще не придумала определений.

— И при всем этом — гениальный трафик-трэкер. Только он смог вычислить точки выхода Арбитра в реальность. Все остальные сдавались, а он смог определить его месторасположение в трех местах с точностью до двухсот метров за неполных два месяца.

— Что же он не смог поймать вам Арбитра?

— Это не его профиль. Мы привлекли его только для того чтобы он смог найти точки выхода. Во всех трех случаях это были мегаполисы, в которых проходили чемпионаты континентального уровня. Какое это имеет значение для этой операции?

— Арбитр нужен не только вам. Арчвиль может слить информацию, скажем тому, кто заплатит больше.

— Он получил достаточно.

— В его лексиконе вряд ли есть такое слово. Господин Озеранski, вы представляете с каким дерьмом связались?

— Моя служба безопасности уверяла в том, что с ним проблем не будет. В чем собственно вопрос?

— В том притащит ли Арчвиль того, кто тоже хочет встретиться с Арбитром.

— Не притащит.

— Почему вы настолько уверены?

— Контракт с ним завершился полгода назад. Летом прошел QuakeCon в Далласе и FragMann в Берлине. Наши команды не смогли найти Арбитра. Кстати, это главная причина, почему мы пригласили вас. И судя по тому, что он продолжает активно работать, ничего не произошло.

— Это не снимает риска. Возможно, другие тоже его не нашли.

— Возможно. Знаете, что смущает меня в вашем плане, который вы мне прислали?

— Чем же?

— Он почти ничем не отличается от того, как работали мои ребята в Берлине и Далласе.

— Было бы странно, если бы они предложили что-то другое при тех же исходных условиях.

— Я не понимаю…

— Господин Озерански, гонщики на трассе делают одно и тоже: переключают скорости и жмут на педали. Но к финишу приходит первым только один. Потому что его болид лучше сделан. Потому что он лучше жмет на педали и крутит руль. Рискну предположить, что вы не закупали ни у кого новых алгоритмов поиска, кроме как у нас. И они хуже жмут на педали, чем мы.

— Я уточню этот вопрос.

— Ваше право. Нашим контрактом предполагается ежеквартальное обновление этого софта. Как вы понимаете, бета-версии нового программного обеспечения наши команды отрабатывают в поле. В общем, наша машина немного лучше притюнингована. Но это не главное. Ваши ребята не ошиблись относительно того, как и чем искать. Они, скорее всего, ошиблись в предмете поисков.

В сети действительно было все. Вопрос в том, сколько времени надо, чтобы в этом всем найти что-то необходимое здесь и сейчас. Мало у кого есть половина вечности, чтобы перерыть весь мусор информационной галактики.

Алгоритмы действий. Последовательности операций. Логика взаимосвязанных шагов, приводящих к результату. В многомерном информационном пироге из дайса найти и связать необходимую информацию являлось больше чем наукой, скорее искусством. И как во всяком искусстве, здесь творили свои таланты и гении. Как во всяком искусстве, здесь имел место ширпотреб, который продавали в Wal-Mart'e и Metro, запаковывая в красивые коробки с запоминающимся логотипом. Гениальные вещи, существовавшие в единичном экземпляре, представляли собой «оружие победы» в бесконечных информационных войнах.

Шершень солгал Озерански. На самом деле они никогда и не продавали корпорации Silk Route действительно мощные алгоритмы поиска и рекомбинации информации. Эти знания составляли самые ценные активы «Скифа», благодаря которым компания оставалась на рынке столько лет.

Работа с толпами отрабатывалась «Скифом» на стадионах и концертах знаменитостей, приезжавших в Украину. Поддерживая службы безопасности рок и поп-звезд, оперативники «Скифа» выявляли среди зрителей пиратов, делавших нелегальные подкасты, хакеров, которые срывали выступления, взламывая трансляционное оборудование, и неуравновешенных фанатов, чье поведение могло спровоцировать беспорядки в зале.

Алгоритмы отсева и локализации источника беспокойства разрабатывал Константин Калач, один из лучших датадиггеров компании. Самый успешный его алгоритм базировался на анализе

«возрастных кризисов» индивидуума, полученных на основе информации из Кибернетического Глобуса. Устойчивые комплексы личности, образовавшиеся в результате неспособности преодолеть проблемы роста личности — кризис юношества, кризис «среднего возраста».

В предстоящей операции группа собиралась применить другое его изобретение, получившее название «персидского ковра». Группа наблюдения в зале «снимала показания» внешнего вида зрителей, анализируя социальный код и идентифицируя группы людей, выявляя наиболее проблемные и проводя «чес» уже в пределах этих групп.

Далее включались последовательности сбора и рекомбинации «электронных следов», которые оставляло в виртуальности добропорядочное большинство законопослушных граждан. Видеопотоки с камер полного волнового спектра, расчеты за покупки в магазинах, сообщения на текстовых форумах и характер поведения аватаров в виртуальных кластерах. Если личность вела достаточно активный сетевой образ жизни и имела свой личный кластер, блог, персонажа в MMORPG, то дело упрощалось на порядок.

Все эти алгоритмы, созданные не одним профи, и отработанные в десятках операций, они собирались применить сейчас.

Сингапур, 2 октября 2017 года,

Легкие и просторные хлопковые оливкового цвета штаны, сандалии, белые носки Nike, светло-зеленая рубашка с логотипом WCG, бейсболка, завернутая козырьком назад. На значительно выдающемся животе висит Canon Snapshot 82SE, камера с мощным телевиком, игрушка для любителей, считающих себя профессионалами. Из общего ансамбля выбивались небольшие очки с квадратными линзами.

Рассматривая себя в зеркало, Шершень думал, что закос под небедного туриста, приехавшего поглазеть на финал киберспортивных игр, получился вполне правдоподобным. Он поправил адаптер беспроводной связи, висевший на левом ухе, и вышел из номера.

Ксюша ждала внизу в такси, одетая примерно так же, как и он, с поправкой на гендерные различия. Молодая, привлекательная женщина и бизнесмен средней руки, решившие сменить однообразное расписание приличного курорта для семейных пар без детей на легкий экстрим киберчемпионата.

Они вышли из такси около въезда на территорию «Кратера»

за полчаса до начала заключительной фазы игр.

— Карси, мы на месте. Как дела?

— Нормально. Пока без новостей.

— Ярик?

— У нас тоже тихо.

Обе группы внешнего наблюдения уже находились на своих позициях. Точнее, они торчали здесь уже с самого утра. Два микроавтобуса с малазийскими номерами, каких здесь, на парковке у «Кратера», хватало. Соседи с материка приезжали на некоем подобии суперванов, экономя средства для игры на «черном» тотализаторе. Всего работало три группы. Две из которых на улице, третья — в зале.

Огромный экран на входе в «Кратер» показывал внутренности заполненного до отказа зала и цифры с обратным отсчетом времени, оставшегося до начала полуфинальных игр по стратегиям в реальном времени. Группки скучающих азиатов глазели на экран, потягивая пиво и докуривая сигареты. Вокруг «Кратера» было пустынно.

Они прошли контрольную стойку и поднялись по широкой лестнице в фойе. Добравшись до фойе с входами в зал, Шершень отметил про себя отличную звукоизоляцию стен. Судя по тому, что творилось в зале, «Кратер» даже во время перерыва оправдывал свое название.

В прошлое посещение, «Кратера», когда шли отборочные туры, арена напоминала смесь респектабельной выставки хай-тэк продукции и большой LAN-party. Количество геймеров почти равнялось количеству зрителей, среди которых хватало родственников, близких и самых преданных фанатов. В перерывах между боями они лениво похаживали по арене, общались друг с другом, фанатами и прессой. Такая себе вечеринка старых друзей.

Но две недели прошли, класс боев и величина призового фонда выросли качественно. Время непринужденных посиделок прошло. Пришло время настоящих боев. Настоящего шоу.

В этот раз верх черной башни тотема был завешен национальными флагами и вымпелами кланов, прорвавшихся в финал. Работали не только все огромные экраны тотема, но и проекционные установки вкупе с системами изменения цветовой гаммы фасадов, создававшие оптические иллюзии, кардинально менявшие его геометрию. Тотем превращался то в пагоду, то в футуристическую башню с острым шпилем, то в нечто такое, чему не было названия в европейских языках.

— Коля привет. Как добрались?

Взвешенное и неспешное приветствие Плахотнова слегка позабавило Шершня. В окружающем хаосе «Кратера» оно звучало

почти иронично.

— Нормально. Что у тебя?

— В ногах правды нет. Присаживайся, расскажу.

Первое кольцо вокруг тотема оккупировали корреспонденты, хроникеры и режиссеры игры. Главные деньги оргкомитет чемпионата сейчас зарабатывал там. Прямая трансляция финальной стадии сейчас шла на примерно десять тысяч кластеров Шельфа. Роялти за сигнал от кластеров и поступления от рекламы от производителей товаров народного потребления сейчас полным ходом шли на счета оргкомитета.

Первая сотня из этого числа топовых кластеров засылала на чемпионат своих режиссеров игры. Пользуясь инструментами съемки, монтажа и добавления спецэффектов они создавали эксклюзивный видеоряд игры и комментариев, заметно отличавшийся от того, что транслировали с официального канала «Кратера». Этим занимался первый номер в команде. Второй использовал этот видеоряд, записи хроники чемпионата, статистику и выдавал медиа-контент, который кластеры продавали в течение всего последующего года. За эту лицензию они платили оргкомитету отдельные деньги.

Сейчас там, с ведома Шона МакКарго, сидели Вуксан «Красный Глаз» Цнарлич и Джим «Слэш» Неллиган.

Шершень и Ксения успели добраться до своих мест в третьем ярусе «Кратера», и в зале вдруг повисла тишина. Погасшее освещение и едва различимый скрип конструкций тотема добавили толику легкого беспокойства.

Небольшое пятно света, выпущенное тотемом, появилось в южном секторе и, беспокойно порыскав по залу, остановилось у подножия башни, высветив фигуру анонсера. Протяжное приветствие на хорошем английском завершилось объявлением начала полуфинальных игр в дисциплине стратегий реального времени.

Зал снова вспыхнул огнями, и теперь тотем стал похож на потрепанную осадную башню, вокруг которой стали водить хоровод аниме-подобные фигуры из Starcraft III. Публика взорвалась.

Шершень когда-то играл в первый Starcraft и, насколько он помнил, это было весело. Правда, в сетевых баталиях сокурсники рвали его на части в первые пять минут игры, и поэтому к сетевому режиму он не питал особого интереса. «Burn it», — подумал он и приступил к активации оборудования.

В корпус Canon Snapshot 82SE ребята из отдела технической поддержки вставили не только матрицу полного волнового спектра, соответствующий софт и модуль беспроводного

протокола Blade Runner. Они полностью заменили оптику, и теперь этим телевиком можно было просвечивать содержимое карманов зрителей, сидящих на противоположном краю зала. Единственный недостаток системы состоял в том, что грузилась управляющая «ось» минуты три, а потом еще две минуты проверяла все действующие каналы связи.

По галлереям, идущим из северного и южного входа в зал, вровень с трибунами второго кольца трибуны, шли участники первого полуфинала RTS.

Шершень набрал номер на коммуникаторе.

— Слэш, я в зале.

— Мы вас видели. Как вам этот карнавал?

— В Рио веселее.

Со «стеклами» дело обстояло проще. Виртуальный рефлект «Кратера» автоматически подгрузился сразу после пересечения контрольной зоны. Шершень сдвинул стекла на нос, поднял голову и вытащил коммуникатор.

Рефлект «Кратера» отображал оригинал с девяностопроцентной точностью. Все та же «осадная башня» тотема, картинки боя на больших мониторах, зал, заполненный людьми, огни, дождь из конфетти, ленты серпантина, флаги, которыми размахивают фанаты. Сигнал из тысяч локальных камер полного спектра, пропущенный через вычислительные мощности Кибернетического Глобуса, теперь перенаправлялся на внутренние плоскости «стекол» Шершня. Дополнительные функции информационных слоев стали доступны через небольшое, скромное меню в левом углу обозреваемой плоскости.

Активация спецсофта прошла без проблем. Сначала Шершень подключил расширенное меню функций, к которому получил доступ через службу Шона. После чего он включил несколько дополнительных окон, через которые шел сигнал от групп внешнего наблюдения, камеры Плахотнова, терминала в первом кольце, которым заведовали, и фотоаппарата самого Шершня, пока без толку лежавшего на животе.

В левом верхнем углу отобразилось окно, показывающее процесс идентификации зрителей.

Портрет человека, выхваченный из толпы двигающихся людей и покрытий трехмерной сеткой, секунд пять-шесть вращался по вертикальной оси, потом или пропадал, замененный другим портретом, либо съеживался, уходя под него, что означало дальнейшее процессирование. Пять подозреваемых пар в отработке. Сорок два процента в зале прошло через сито идентификатора. Неплохо. Насколько результативно — это еще вопрос. Пара щелчков на qwerty-клавиатуре коммуникатора и

теперь уже в правом верхнем углу возникло окно чата оперативной группы.

Двадцать лет каждодневной практики отбивания смс и текстов на карманной клаве мобильного гаджета. С годами это становится рефлексом и двести знаков в минуту — нормой жизни.

Shershen: «Первый прибыл. Статус? Карси?».

Carsy: «Сорок четыре процента от потока, который реально прошел через ворота»

Shershen: «Сколько времени нужно на чес остатка?»

Carsy: «3.5 часа»

Shershen: «Ясно. Прораб?»

Вместо ответа Шершень увидел, как зал Кратера разбивается на разноцветные зоны. Первое кольцо и часть центральной зоны второго окрасились полупрозрачным серым.

Prorab: «VIP-зона. Пресса и директора игры. Пробито 82 %. Вероятность низкая».

В южном и юго-восточном секторах «Кратера» вспыхнули несколько зон разной величины и цвета.

Prorab: «Китайские и малазийские фанаты. Вероятность также низкая. В группах фанатов нет чужаков. В группах нет „мулов“».

Теперь весь покрылся цветными полупрозрачными пятнами разной величины, обозначавшими различные группы зрителей.

Shershen: «Сколько рассредоточенных и неоднородных групп?»

Prorab: «20 %».

Shershen: «Переброс мощностей на эти сегменты».

Это означало свертывание программы внешнего отсева и переориентация вычислительных мощностей на более углубленный анализ тех, кто находится в зале.

Шершень достал из нагрудного кармана флэш-носитель с небольшим операционным экраном и проверил его содержимое. Все в порядке, фильтры на месте и готовы к подключению.

Зачем он ездил в Данию, знали все. Знали, что он встречался с Максом и что привез базу по «мулам».

То, что он получил от Пепелова, не знал никто. Это было его частное дело, в которое глубоко не вникали даже его партнеры. Поддержание связей с органами сыска входило в его обязанности.

«Никому нельзя доверять. Даже себе. Мне — можно». Фраза шефа гестапо Мюллера из одного из самых популярных советских сериалов всегда приходила на ум в таких ситуациях. Фильтры, сделанные на базе информации Пепелова, Шершень не доверил никому. Так, на всякий случай. Наличие потенциальных

инсайдеров в его команде давало еще один повод к тому, чтобы оставить эту информацию при себе.

Видеоряд с характерным «языком тела», который присущ человеку, находящемуся под контролем Арбитра он сделал сам. Восемь четких признаков — это немало. Второй параметр, который удалось выудить из той любительской записи в формате полного волнового спектра — распределение температуры тела подконтрольных «мулов». 37.323 градуса по Цельсию, и рисунок, идентичный для обоих. Эти два фильтра он планировал использовать сам.

Мобильные телефоны и коммуникаторы, радиомаячки размером с булавочную головку на особо ценных личных вещах типа сумочек, кошельков, портмоне, кредитных карточек, призванных сообщить своим хозяевам в случае их утери, где их искать. Системы терморегуляции в бейсболках и футболках, с микрочипами, в которых содержится информация о заводе-производителе, составе ткани и магазине, где купили вещь, и по какой цене. Наномедтехы в крови и жизненноважных органах людей, контролирующие их состояние и подающие сигнал лечащим врачам в случае каких-то проблем.

Все это и многое другое, помеченное штрих-кодом и снабженное трансляторами, выдавало в окружающую беспроводную сеть терабайты информации, на основании которой формировался более-менее подробный портрет человека. Сканирующее эфир оборудование и софт, конечно, были не совсем легальными вещами, но кто обратит внимание на эти мелочи, если ты пообщался с начальником охраны и получил «добро» в виде многозначительной улыбки?

Сейчас команда Шершня перенастраивала софт, подготавливаясь к началу решающих действий. То, что Арбитра не удалось обнаружить среди входящего потока посетителей, Шершня не слишком беспокоило. По его предположению он должен был появиться в зале к началу финалов FPS, а до этого времени мог ошиваться где-нибудь на территории «Кратера», благо таких мест в этом комплексе хватало.

Он готовился к тому, чтобы начать собственный чес по рядам зрителей, когда коммуникатор неожиданно завибрировал в руке. Текстовое сообщение, присланное с анонимного номера, говорило, что «I'm in Dubliner». Шершень свернул аппаратуру, подмигнул Ксюше и направился к выходу.

Сообщение прислал Шон МакКарго.

Бар «Дублинец» располагался на другой стороне фойе, так что Шершню пришлось обойти почти половину зала.

Шон сидел за барной стойкой. Кружка пива с откинутой крышкой застыла на полпути к глотке ирландца, поглощенного происходящим на одном из барных мониторов. Кроме него в баре сидело еще несколько человек, но места рядом с Шоном были свободны. Шершень сел рядом и заказал маленькую кружку «Гиннеса».

— Ребята с Холма здесь, — сказал Шон, как-будто ребята с Холма обычно только здесь и тусуются.

— Что-то санкционированное?

— Нет. Просто пришли посмотреть игру. Шесть человек, сидят одной группой. Местных среди нет, все из европейских филиалов. Не всем же сегодня работать.

Ну да, кто бы спорил. Да, о санкционированной операции Шон узнал бы за три дня, и вряд ли сообщал об этом в баре «Кратера». Конечно, Холм далеко, а местные ребята близко и, в случае чего, прикроют, но все зависело от того, кто проводил операцию. Если речь шла о седьмом отделе, то Шон, скорее всего, закрыл бы эту информацию. С «киберпсами» ссориться не любил никто.

— Я уже скинул информацию по этим парням. Пробьешь, надеюсь, сам.

— Спасибо за информацию, Шон.

— Не за что, приятель.

Шершень залпом допил пиво и пошел в сторону входа в основной зал «Кратера». Десять к одному, они не заняты тут делом, пришли развлечься. Надо будет пробить их пока самому, остальные пока пусть занимаются делом. Вряд ли информация о том, что в зале сидят люди из международной киберполиции, благотворно повлияет на командный дух. Даже если они просто пришли посмотреть на игру.

Полуфиналы RTS закончились. Побежденные тихо ушли пережевывать полученные уроки, а победители заняли свои места в VIP-зоне, радостные и возбужденные, пожиная заслуженные овации и раздавая автографы тем счастливчикам, чьи места оказались рядом с ними. Впереди маячили финалы и наступившая передышка в пару часов посреди зала, который они пока еще считали «своим», лучше всего подымала боевой дух.

Их пять минут славы закончились протяжным трубным гласом, одновременно с которым с верхних уровней тотема упали и развернулись почти до самого пола несколько серых полотнищ. В «японских» секторах «Кратера» поднялся одобрительный гул. Он нарастал и почти перекрыл «трубный глас» тотема, когда на

колыхавшихся серых полотнищах появились фигуры в длинных палащах, с опущенными головами, скрытыми клобуками, под каждой из которых кроваво-красными мазками были начертаны японские иероглифы. Протяжный вой трубы сменился ревом соло-гитары. Фигуры в плащах подняли головы, скинув клобуки и нереально быстрыми движениями выхватив из широких пол то ли электрогитары, то ли гипертрофированные мечи с широкими и длинными лезвиями.

«Berlin Hotel». Идору. Духи киберпространства, призванные из глубинных кластеров Шельфа в этот языческий храм цифровых баталий кодированными позывными-мантрами, известными только тем, кто подписал соответствующий контракт с Sony New Era Entertainment. Они выглядели настолько же агрессивно, насколько были послушны своим творцам — «кукольникам», создавшим графическую оболочку. Примитивный «эй-ай» выполнял необходимую хореографию и взаимодействовал с залом, создавая иллюзию общения, заводил толпы подростков, поведенных на штампах аниме-культуры, реве электрических гитар и текстах о трудной жизни подростков.

Шершень вспомнил одну из церемоний Grammy в начале этого века, на которой выступали пионеры цифровой интервенции — виртуалы из Gorillaz. Рисованные маргиналы с придуманными судьбами и мрачной лирикой, озвученные ведущими представителями брит-попа конца 90-х выгрузились из сети лет пять назад, оставив поклонниками пару десятков клипов и четыре альбома, последний из которых содержал ремиксы их хитов. Длинные, колышущиеся под своим весом полотнища позаимствованы у них. Лет двадцать никто не пользовал этот прием, работая с продвинутыми технологиями проецирования объемных образов на специальные участки сцены.

На экранах послушные марионетки, рожденные в граненых небоскребах Тойо-сити продюсерами, съевшими не один ряд своих акульих зубов в деле создания мифов молодежных субкультур, двигались в ритме арк-металла, сдобренного комиксовой стилистикой героев анимешных сериалов, длиной в бесконечность. Гипертрофированные глаза, цветные волосы, мальчики, похожие на девочек, и девочки в мальчиковых прикидах. Фронтмэн группы держит микрофон как противотанковую гранату. Джимми Хэндрикс не раз уже перевернулся в гробу — то, что выделывают с гитарами музыканты, больше похоже на финальную схватку в каком-нибудь гонконгском боевике. Девочки по ходу выступления меняют прикид от традиционных школьных юбочек в клеточку до черного латекса, возбуждая недетские мысли не только у целевой, но и у

всей остальной мужской аудитории.

Для Шершня японское ответвление массовой культуры всегда вызывало молчаливое благоговение вне зависимости от воплощения. Лет двадцать пять назад он попытался разобраться, что к чему в «манга», и четко понял для себя две вещи. Первая — это слишком непохоже на все то, к чему он привык, вторая — ему жизни не хватит на то, чтобы разобраться во всем этом. В результате любой всплеск медийного потока с этой стороны, пробивавшегося на экраны его личных мониторов, воспринимался им как прилет инопланетян. Любопытное, красивое, в чем-то впечатляющее, но при этом совершенно непонятное.

Продолжая краем глаза наблюдать за происходящим на тотеме, он начал активировать поисковый софт и настраивать камеру. Внимание Шершня отвлекла странная тишина, внезапно накрывшая зал.

…В середине 90-х он бросил успешную карьеру финансиста и ушел в только начинавшую образовываться сцену профессионального киберспорта. Он умел делать то, что не умели еще делать двадцатилетние геймеры — находить деньги и пускать их в оборот, чтобы в конечном итоге получать прибыль. Организовав профессиональную лигу киберспортсменов, он вошел в историю как отец киберспорта.

Именно этот человек сейчас шел по второму ярусу «Кратера» к почетному месту в VIP-зоне, сопровождаемый ритмичными аплодисментами трех поколений зрителей. Постаревший, но не потерявший былого обаяния и деловой хватки, волк, увидевший перспективу там, где другие видели всего лишь развлечение для подростков.

Энджел Муноз, основатель и бессменный президент лиги киберспортсменов, в чьих рядах к концу 20-х годов насчитывалось больше миллиона бойцов невидимого бинарного фронта.

На этом парад знаменитостей не закончился. С небольшой паузой и по-другому маршруту через «Кратер» шел другой пионер цифровых баталий — Fatal1ty. В прошлом, один из ведущих бойцов-профессионалов, а ныне — один из лучших рулеров, директоров и комментаторов игр в жанре FPS. Завершив в достаточно преклонном возрасте — тридцать лет — бойцовскую карьеру, он вовремя сообразил, куда дует ветер. Проведя пару лет в Голливуде, где уяснил для себя основные принципы монтажа эффектных видеорядов, Fatal1ty переквалифицировался в режиссера игры и с тех пор обслуживал матчи более-менее значимых чемпионатов. Его блог FragTality являлся одним из популярнейших ресурсов, где любой поклонник мог просмотреть версии самых интересных финалов FPS.

Сегодня он должен был директировать полуфинальные и финальные матчи.

Flying Pods представляла собой римейк карты из Quake 3. Висящая в пустом пространстве платформа, напоминающая древнегреческий театр с несколькими уровнями, была снабжена несколькими jump pods — площадками, с которых геймер мог совершать головокружительные прыжки во все возможных направлениях. Их использовали для быстрого перемещения как в самом центральном «театре», так и на других платформах меньшего размера, вращавшихся вокруг центральной. Разбросанные в определенном порядке оружие, «лечилки» и бонусы определяли рисунок игры и стратегию достижения цели.

Четыре полуфиналиста проводили матчи в режиме «все против всех». Те двое, кто наберет больше фрагов за отведенное время, выходят в финал соревнования.

Каждый из них знал эту карту наизусть, месторасположение и время респауна «аптечек-лечилок», бонусов, повышающих здоровье и увеличивающих убойную силу оружия. Они знали манеру боя и тактики своих соперников, сильные и слабые места, привычки и характер передвижения по карте.

Респаун на нейтральной точке. Быстрая перебежка к рокет-ланчеру и тут же стрейф влево. Поздно. Слаг снимает пятнадцать процентов здоровья, и светло-синий луч гаснет в верхней части экрана. ShootR продолжает стрейфиться и выпускает две ракеты, попутно подхватывая шотган и пачку патронов к нему. Зал разбивается на приоритетную сетку, указывающую на очередность прочесывания секторов. Красный, желтый, зеленый. Проработанные площади — серый. У каждого сектора есть свое кодовое название, которое легко запомнить и нетрудно пробить на клавиатуре. Railgun. «Рельса». В руках новичка — возможность снять «отца» с боевой позиции. В руках «отца» — электромагнитная пушка, разгоняющая стальные слаги до скорости звука, становится «оружием победы». Пасьянс из трехмерных изображений лиц. Общий поток идет непрерывным рядом сменяющих друг друга трехмерных физиономий. Вторая колонка — подозреваемые первой степени, чьи основные признаки совпадают с внешними атрибутами «мулов». В третью попадают те, чья одежда и бытовая мобильная техника сканируется. На четвертых собираются данные по сети. В пятом ряду пока пусто. Затяжной прыжок на одну из платформ-спутников. Пересекающиеся лучи рельс бьют вдогонку и третий залп достигает цели. До платформы Tresh-Clone долетает уже с обрезанным на половину здоровьем. Radio Silence. Молчание в

эфире. Это хорошо. Пока хорошо. Это значит, что ребята работают без вопросов. Время поговорить с Плахотным. Grunt играет грязно. Это знают даже десятилетние мальчишки. Он вмешивается в дуэли, добивая того, кто слабее. На этот раз оба дуэлянта реагируют мгновенно. Список лиц и координаты уходят на Прораба. Стало немного легче. Кто-то еще знает о проблеме. Но расслабляться нельзя. За тобой никого нет. Объединив на полминуты усилия, Ace[X] и Tresh-Clone точными залпами своих «рельс» срезают с верхнего яруса Grunt'a. Пять процентов оставшегося здоровья ничего не спасают — Grunt летит в пропасть, вызывая рев разочарования у своих болельщиков. Мелани Пайн. Судя по Нику, стерва еще та — Mercy Pain. Специалист по AI. Плохо. Отжираться. Геройство оставим на потом. Отжираться. Пробежка по хорошо заученному маршруту в поисках «аптечек». Рискованно. Прыжок. Еще прыжок. Противники уже знают его и то, что уже ты подбит. Они идут по следу или на перехват. Джек Лу. Китаец из Сиэтла. Мелкая сошка из технического отдела. Сисадмин. Ничего страшного. Tresh-Clone неожиданно застывает, прислушиваясь к щелчкам. Кто-то наверху подбирает оружие и патроны. Прыжок и стрейф вправо. Полсекунды на то, чтобы прыгнуть на джамп-пад и улететь к двухсотпроцентному бонусу. Михаэлла Дворникова. Специалист по сетевым субкультурам. Терпимо. Квад подхватывает Ace[X]. Квад. Когда он есть у тебя — т_ бог на карте. Когда у тебя его нет — ты ждешь звук «дрэн-дрэн-дрэн», который возвещает о том, что учетверенная этим бонусом убойная сила противника сходит на нет. Марат Яшир. Тот же отдел, что и Лу. Нормально. Прыжок к порции адреналина, увеличивающей здоровье вдвое. ShootR просчитывается. За те три секунды, которые длится полет Ace[X] успевает подхватить «рельсу» и выстрелить. Траектория полета меняется и ShootR пролетает мимо адреналина. Второй залп разносит его в клочья. Виталий Шевелев. Шеф отдела дальней прогностики. А вот это уже совсем интересно. Мясо. Причудливый рисунок боя стягивается в тугой узел перестрелки. Все четверо бойцов оказываются на пятачке нижнего уровня. Grunt чувствует себя в своей тарелке. Хладнокровно оценив ситуацию, он переключается на пулемет и поливает ShootR'a и Ace[X] непрерывной очередью, уходя от ракет Tresh-Clone. Первый ряд пошел медленнее. Кто-то взялся за крупный сектор.

Snowball: «загрузка 110 %, кто свободнее?»

Через несколько секунд обработка снижается до номинальных ста процентов. Кто-то выделил Снежке свободные вычислительные ресурсы.

Tresh-Clone стрейфиться, ритмично стреляя из рокета по

атакующему его ShootR'у. У того на руках шотган, выпускающий убойную тучу дроби, но перезаряжающийся слишком медленно. Отступать некуда, Tresh-Clone прижат к краю платформы. Лучше сбить счет себе, чем отдать фраг врагу. Tresh-Clone делает последний выстрел и прыгает вниз с края платформы. Три серых сектора. Отработанный массив. Результат — четырнадцать пар лиц в четвертом ряду отработки. Время идет.

На всех мониторах тотема вспыхивает результат первых пятнадцати минут боя.

Ace[X] — 9
Tresh-Clone — 6
ShootR — 3
Grunt — 3

Фейерверк на тотеме возвещает о перерыве.

Мигает курсор, вызывающий на чат.

Prorab: левая ботва.

Shershen: ты уверен?

Prorab: сидят кучкой, оборудование бытовое.

Shershen: думаешь, больше никого нет?

Prorab: на Холме так не работают.

Shershen: Шевелев.

Prorab: этот парень не профессионал, он политик.

Shershen: поговорим в перерыве.

Prorab: поговорим.

Разница во фрагах с лидером первой четверти Ace[X] не выгодна Tresh-Clone. ShootR не любит Grunt'a и тоже хочет сократить счет. Временный альянс. То, что не запрещено, то разрешено. Tresh-Clone и ShootR заключают временное перемирие и начинают охотиться за Ace[X], держа в уме Grunt'a. Grunt поздно просекает тему. Очередное «мясо», затеянное Tresh-Clone и ShootR'ом, оказывается ловушкой. Втиснувшись в разборку, Grunt попадает под перекрестный огонь плазмаганов и топится за считанные секунды. Первая пара лиц в пятом ряду. Шершень переключается на приоритетную задачу. Поправив очки на носу, он наводит камеру на точку, обозначающую цель — пожилую пару, комфортно разместившуюся в одном из «китайских» сегментов «Кратера». Тридцать две секунды для того, чтобы снять трехмерный скан фигур. Одежда обычная, без радиоволокон, цифровых меток и нанов. Старики знают толк в мобильных телефонах. Опытные старые пользователи из первого поколения мобильной молодежи. У старика гибкоэкранный КПК, стилизованный под свиток эпохи Минь. На анализ фарша их гаджетов и волновой активности, уходит еще две минуты. Облом. Радиоканалы не активизированы. Пара отправляется в отвал.

Отскок на джамп-пад. Уже в полете Ace[X] крутится на сто восемьдесят вокруг своей оси и точным выстрелом из «рельсы» снимает Grunt'a. Пятнадцатый фраг. Джамп-пад слишком далеко. Tresh-Clone переключается на рокет, опускает ствол и, подпрыгнув, стреляет себе под ноги. Старая школа. Tresh-Clone учился еще на ку-два. Маневр становится неожиданным для Ace[X], которого Tresh-Clone снимает вторым и третьим залпами из рокета. Вторая, третья, четвертая, пятая, шестая пара. Пятый ряд заполняется новыми лицами. Шершень дает сигнал и вновь появившиеся лица разбираются Прорабом, Слэш и Красноглазым. Щелчки собираемых шардов для брони и оружия. Ace[X] завершает пробег после респауна. Связка Tresh-Clone и ShootR оказалась эффективной. Tresh-Clone отстает от Ace[X] на один фраг, что очень мало. До окончания игры еще больше тридцати пяти минут и за это время его смогут порвать еще не раз. Смена тактики. Две пары несут на себе оборудование, способное вместить в себя полиморфа. Шершень подключает бот-модуль поиска в массиве службы безопасности. Через две минуты бот выдает маршрут перемещения одной из пар за последние три часа, начиная от парковки автомобиля около «Кратера». «Падающего — толкни». Ace[X] начинает личную охоту за Grunt'ом. «Мясник» слабее всех. Его основная тактика игры — «на добивание» рассыпалась после того, как образовался временный союз Tresh-Clone и ShootR'a. В обращении с «рельсой» он также не лишком силен, предпочитая оружие с широкой кучностью поражения. Это значит, что надо избегать ближнего боя и работать «рельсой». Тогда есть шанс оторваться. Голландская пара среднего возраста, арендовала это авто в Чан-Ги два дня назад. Регистрационный номер и полное имя арендовавшего выскакивают в центр экрана, окруженные красной мигающей рамкой. Шершень подключает базу, полученную у Макса. Детальная пробивка по базе занимает еще три минуты. Точки контроля. Ace[X] не останавливается ни на секунду, но зоны, откуда он ведет огонь, являются наиболее оптимальными для контроля точек респауна. Он перемещается между ними, уходя от альянса. Grunt не успевает очухаться — возрождаясь на респаунах, он вновь посылается в даун точными выстрелами Ace[X]. Двумя точными выстрелами Ace[X] два раза сталкивает Grunt'a с платформы. Минус два фрага со счета «мясника». Баланс качнулся. По логике боя альянс должен развалиться. Теперь опять каждый сам за себя. Tresh-Clone и ShootR расходятся по-джентельменски, послав друг другу сообщения через внутренний чат. Разойдясь на безопасное расстояние, они начинают дуэль. ShootR проигрывает единоборство. Вторая четверть поединка

заканчивается. Судьба Grunt'a в этом бое уже предрешена. С тремя фрагами и почти полным отсутствием эффективной тактики боя на этой карте, он становится «мальчиком для битья». Остальные бойцы используют его как относительно легкую мишень для добора недостающих фрагов. Обе пары отпадают. На их место приходит еще четыре. Процесс повторяется. Троица Прораб-Слэш-Красноглазый сбрасывают свои выводы по отрабатываемым. Шершень перепроверяет их по своему алгоритму и только за ним окончательный сброс со счетов. Фаворитом боя считается Ace[X]. Открытые пространства с превалированием дальнего боя — его конек. Grunt — аутсайдер. Он любит карты, где больше закрытых помещений, где оружие с широким радиусом поражения позволяет завалить противника непрерывной очередью из машингана и плазмагана. Tresh-Clone и ShootR одинаково хорошо бьются и там и здесь. Но преимущество на стороне последнего. Его умение просчитывать траекторию полетов ракет стало почти легендарным. Надо что-то делать. План Б.

Shershen 2 Snowball: переключись на базу СБ.

Snowball: цель?

Shershen: дополнительный фильтр для финальной обработки. Нужны те, кто прошел через ворота за последние три часа, и сопоставь это с динамикой заполнения зала.

Snowball: ясно.

Shershen: у тебя полчаса.

Snowball: ясно.

Ударный проход Ace[X] по маршруту «адреналин» — «квад» — «рельса» и захват контроля над зоной доминирования и основными точками респауна. Три фрага, отбитых на Grunt'e, и два на ShootR'e. Сейчас он безусловный лидер. Время для нового альянса. Переломный момент. Третья четверть. Перелом наступает, когда Ace[X] и Tresh-Clone заключают перемирие. Для опытных наблюдателей становится ясно, что судьба полуфинала предрешена. Задача Grunt'a упрощается до одного пункта — выйти из полуфинала с тем счетом, который он набрал до текущего момента. Попытка не пытка. Возможно, Арбитр еще вообще не прошел через ворота. Не надо было полостью снимать внешнее наблюдение. Тактика упрощается. Ace[X] — ведущий. Задача Tresh-Clone — прикрывать его на маршрутах сбора бонусов и отбивать ShootR'a от возможностей захватить их. Он придерживает эти зоны, попутно вышибая Grunt'a там, где это получается. Ace[X] носится по карте в «кваде», задерживаясь в точках доминирования, для того, чтобы сделать два-три точных выстрела и вынести аутсайдеров еще на пару фрагов. ShootR просекает тему. При таком раскладе ему ничего не светит.

Загнанный в угол зверь. Он решает идти ва-банк и концентрирует все силы на своем бывшем союзнике — Tresh-Clone. Шотган, пулемет и плазмаган. Оружие ближнего боя. Первая атака на Tresh-Clone успешна. Залитый ураганным огнем из пулемета, Tresh-Clone растворяется, чтобы возродиться на другой стороне арены. Выйдя из боя с двадцатью процентами жизни, ShootR подхватывает «квад» и уходит, чтобы быстро отожраться и вернуться на точку. Новая тактика ShootR'a дает свои результаты, следующие несколько минут до перерыва. Пока Ace[X] и Tresh-Clone решают, что делать дальше заканчивается третья четверть полуфинала…

Шершень перевел очки в пассивный режим и вышел из зала до начала последней четверти полуфинала.

Толпа, вывалившая из главного зала для пополнения запасов пива и чипсов, перекура или просто размять кости, заполнила фойе.

Плахотнов сидел в одном из многочисленных «уголков отдыха» с пластиковым стаканчиком пива и раскрытой пачкой чипсов. Он размерено доставал чипсы из кулька и с хрустом прожевывал.

— Перекусываешь?

— Типа того.

— Так что, все без проблем?

— Оперов среди них нет, сидят, смотрят игру. Удовольствие получают.

— Может, есть кто-то в зале?

— Шон бы тебе сказал.

— Дай чипсов…

— Угощайся.

Шершень запустил руку в шуршащий кулек и достал большую пригоршню чипсов.

— Шевелев — не последняя фигура на Холме.

— Его величина заметна на ежеквартальных докладах европейской комиссии и на съездах футурологов.

— Он занимался полиморфами.

— Каким макаром?

— В разрезе технологической сингулярности. По его предположениям, появление независимого искусственного интеллекта приведет к качественному скачку в культурной парадигме западноевропейской культуры. Полиморфы заняты поиском смысла жизни и то решение, которое они найдут, поможет нам понять, кто мы есть.

— Коля, это на уровне спекуляций технологических

сектантов. Тут логики нет. Мы их создали, мы им давали смысл жизни, и тут вдруг яйца курицу будут учить?

— Мы давали им смысл жизни, когда они под нашими операторами сидели.

— Все равно это болтовня.

— Шевелев промоделировал развитие сцены полиморфов на основе их поведения. В этой модели Арбитр являлся не рядовым членом сцены и даже не топ-менеджером. Он элемент контура контроля. Он вне сцены.

Плахотнов ритмично прожевал остатки чипсов, достал из пачки одноразовую салфетку и тщательно вытер ей руки.

— Хорошо, предположим, он имеет такое отношение к сцене. Что это добавляет к нашей ситуации? Шевелев сидит тихо и ничего не предпринимает.

— Ты не думал, что он тоже может встречаться с Арбитром сегодня? Ну, это так, слегка безумное предположение, но все-таки? — Шершень сделал паузу. — Валера, я нашим пока ничего не говорил, у них и так работы хватает. Следи за ним. Проработай возможные сценарии реагирования. Хорошо?

— Лады.

Завершение очередного выступления Berlin Hotel и начало боя между финалистами в дисциплине RTS Шершень пропустил. Разговор с Плахотновым не выходил из головы, и он немного поглазел на тотем в попытке отвлечься.

В принципе, Прораб прав. Максимум неприятностей в этой ситуации — это если кто-то из ребят с Холма наткнется на него в фойе и узнает в лицо. В этом случае его встреча с Максом на пирсе в Норе-Ворупе станет предметом анализа оперов из девятого отдела. В остальном… Шершень искренне понадеялся на то, что никто из Шефов Протокола «Внешнего сценария» не курирует нынешнее событие в «Кратере». Шершень активировал виртуальный интерфейс и добавил окошко, в котором хорошо просматривалась вся команда с Холма.

Мигание курсора в окне чата.

Snowball: фильтр готов.

Shershen: отгрузи на ребят.

Snowball: уже сделано.

Shershen: хорошо.

Проработка секторов шла в нормальном режиме. В таком темпе они должны были закончить просев всех оставшихся зрителей в следующие два часа.

Как раз где-то к середине финала FPS. Мало, очень мало времени. Если дело пойдет в таком темпе, то выводить соседей

Арбитра придется «жестким методом».

Тотем распускается разноцветными лепестками оптических иллюзий, на мгновения скрывая происходящее на главных мониторах. Туман рассеивается, и Шершень видит карту боя. Группа из пяти протоссов рубится с двумя десятками терранновских морских пехотинцев. Ассоциативный ряд мгновенно разворачивается в стройную последовательность связанных между собой событий. Когда-то он тоже играл в Starcraft. Это было в конце 90-х. Тогда он играл и в другие игры.

Тогда они с ребятами сделали сайт www.tetragon.com.ua и начали постить туда материалы по цифровым субкультурам, философии сети и подобным темам. Хомяченко, Макс Ставицкий, Саша Леваков и он. Интеллектуальные игры на каком-то этапе вылились в концепцию долгосрочной информационной войны с использованием сетевых и компьютерных технологий. Темой заинтересовались такие же любители порассуждать. Потом в тему вклинился некто с ником «Брахман» и, ненавязчиво промодерировав дискуссию, выдал первую редакцию «Внешнего сценария».

Тогда никто из них не придал этому значения. Сетевой треп на отвлеченные темы был для них форточкой, через которую они отводили душу после офисных будней, пытаясь не растерять те остатки интеллекта, которые еще оставались после десятичасовой рутины. Потом через три года Макс рассказал им про Brotherhood. Потом они устроили там переполох, и очень скоро игры перестали быть играми. «Внешний сценарий» оказался реальностью.

Прошло больше двадцати лет. Брахман стал гейткиперским претором на Магистрали. Макс работает на Холме и курирует вопросы баланса виртуальных пространств Шельфа. Хомяк осел в местном консорциуме GK. Леваков читает лекции в университете и время от времени вербует новичков для работы на Холме и в GK.

Многое из того, что они придумали тогда, стало реальностью. Многое не сработало. О некоторых вещах они даже и не могли догадываться.

Кураторов стратегии они проработали еще тогда, в самых первых набросках. Кто бы мог тогда подумать, что дипломатический термин «Шеф Протокола» обретет новое значение.

Прораб — хороший спец. На своем уровне. Шевелев, помимо всего прочего, талантливый актер. Маска политика и футуролога-мечтателя, предназначенная для массы, сработала и на таком прожженном физиономисте как Плахотнов. На самом деле этот

«мечтатель» являлся одним из шефов протокола «Внешнего сценария». Более того, Шевелев являлся личным куратором Шершня. Они встречались воочию несколько раз, как по делам, связанным с Внешним сценарием, и просто на каких-то симпозиумах.

Пятая колонка в ряду лиц замигала двумя красными рамками. Фильтр, сделанный Снежкой, тоже выдал положительный результат. Шершень навел на цель. Пара молодых корейцев, сидящая на стыке групп фанатов клана [Cuan] и разрозненного сектора европейцев, вела себя нейтрально по отношению, как к первым, так и вторым. Шершень на полуавтомате запустил алгоритм на фильтре по данным Макса.

Вначале он не сообразил, почему рамка не перестала мигать, а потом увидел экспресс-результаты анализа по фильтру Макса.

Shershen: 2 Snowball — ряд на третью пару в текущем окне 5 колонки, приоритет 0.

Snowball: длина ряда?

Shershen: по максимуму.

Snowball: ясно.

По базе Макса эта пара корейцев проходила под категорией «девственников», то есть тех, кто еще недавно, в пределах одного-двух месяцев, сделали себе операцию по внедрению необходимого железа и пока еще не опробовали его в деле. Не слишком надежный случай. В категорию «девственников» зачастую попадали и те, кто не имел никакого отношения к сцене. Нейроинтерфейсы могли применяться во многих других случаях, начиная от медицинских потребностей и заканчивая профессиональными задвигами датамайнеров. Категорию «девственников» правильнее было бы назвать «условно-подозреваемыми». Имеют ли они отношение к нелегальным операциям, которыми занимаются «мулы», выяснится после первого задержания.

Брат и сестра Вонг сделали операцию в одной из клиник Сеула. Клиника со всеми необходимыми лицензиями и «белой» репутацией, но в случае с Вонгами возникало два вопроса. Первый — зачем студентам филфака набор био-микросхем «Красный дракон»? Второй — откуда деньги у опять же студентов, учащихся за счет государства. Были еще детали, но именно из-за этих двух факторов техники Холма включили их в список подозреваемых.

Snowball: ряд готов.

Shershen: брось мне.

Shershen 2 RedEye: отработай их принадлежность к фанатской сцене.

RedEye: copy that.

В основном окне замелькали кадры в ускоренном темпе воспроизведения. Вонги занимают место. Вонги проходят в зал. Вонги заходят на территорию «Кратера». Вонги на выходе из метро. Еще несколько промежуточных точек, снятых с камер сети общего пользования.

Shershen 2 RedEye: экспресс-анализ ЭМИ-активности на всем пути следования подозреваемых

RedEye: roger that

Шершень запустил идентификационную программу для сопоставления языка жестов корейской пары и киевских «мулов». Это должно занять минут десять. Как раз достаточно для того, чтобы снять телеметрию с корейцев.

Он поднялся с места и на вопросительный взгляд Лисички сказал:

— Все нормально, оставайся на месте.

На ступенях между секторами всегда кто-то сидел. Всегда, кто-то пробирался в зал через знакомых и знакомых знакомых. Охрана сгоняла этих «зайцев» с путей эвакуации только перед окончанием игр.

Шершень пристроился на ступеньках в шести-семи метрах от корейцев, и, делая вид, что снимает тотем, начал снимать показания распределения температуры их тел.

Программа идентификации тихо пропищала о восьмидесятипроцентном совпадении «языка жестов». Результаты сравнения по распределениям температуры показали девяносто пять процентов. Результаты от Красноглазого по маршруту следования были вполне предсказуемы.

Шершень тихо щелкнул зубами.

«Да…»

Shershen 2 All: цель обнаружена. Маркирую. Ядро и «первые» начинайте отработку соседей. Остальные — продолжаем мониторить зал.

Шершень посмотрел на часы. Двадцать пять минут до завершения финала RTS. Этот раунд еще не завершен. Пока есть только высокая вероятность, что это Арбитр. Пока нужно чесать зал и подтвердить эту гипотезу.

На какое-то мгновение его окутало легкое расслабление. Опасная штука в подобного рода операциях. Он научился справляться с этим много лет назад и знал, что через несколько минут он снова будет в форме, а пока можно немного отвлечься.

Взгляд снова упал на спины молодых корейцев, и это, как спусковой крючок, выстрелило цепью ассоциаций. Человеческий разум. Он читал сотни определений того, что это такое. Всего

одно ему запомнилось настолько, что он перестал искать другие определения. Осознанная возможность самоубийства. «Добровольное решение свернуть генетическую программу матушки-природы до момента, обусловленного кодом ДНК и внешними условиями». Старое определение разума, данное кем-то из его старых сетевых знакомых, от которого в памяти не осталось даже ника. «Единственное, что по-настоящему отличает нас от животных». Животное руководствуется инстинктом самосохранения. Человеческий разум его осознает и способен отрицать. Животное убивает из-за того, что хочет есть. Люди раньше тоже делали это. Теперь каннибализм осуждается большинством «цивилизованных» культур, но для оправдания самого убийства разум находит тысячи причин.

Когда-то в Киеве такая же молодая пара «мулов» зашла в квартиру к Чеширу, и после этого он умер. То, что владело их умами и телами совершило разумный поступок. Или оно этого не делало?

Они разумны, значит, они способны убивать, значит эта вероятность существует.

Он опустил стекла на нос и оглядел зал. 23 % еще оставалось проработать. Это минимум час с учетом того, что приоритетные сегменты уже пройдены. Окончательное подтверждение придет где-то в начале финала шутеров.

Шершень поднял голову. Семь минут до завершения этого матча. Возвращаться на свое место не имело смысла, и он пошел в «Дублинец».

В баре он заказал тоник со льдом и, пассивно наблюдая за работой ребят, отметил про себя, что команда у него подобралась неплохая.

В отношении соседей им, можно сказать, повезло. Обычно на такие мероприятия ходят толпой, здесь оказалось двое одиночек. Соседом справа оказался уроженец Южной Баварии, Оливер Блуме, сын немецкого пилота «Люфтганзы», проживший практически все детство в Штатах и от того разговаривавший на двух основных европейских языках без акцента. Поправка, на трех. Последние пять лет он провел в Швеции, где выучил и этот язык.

Пятидесятилетний одинокий инженер с неустроенной личной жизнью, коротающий вечера за просмотром научно-фантастических сериалов конца прошлого века. Star Wars, Matrix, Babylon 5, Lexx и X-Files. Среди других предпочтений — такие же старые MMORPG и шутеры. Занятный тип. Помимо полной каши в отношении национальной самоопределенности, его бабушка по

материнской линии была украинкой, депортированной во время второй мировой в Германию. Одно время усиленно искал родственников в Восточной Европе. Полгода поисков, и потом все забросил. Правда, успел при этом выучить базовый словарь украинского языка. Такие спонтанные увлечения без конкретных практических результатов — свидетельство импульсивности и отсутствия четкой мотивации. На финал он тоже попал почти случайно. Есть на чем сыграть. Но он непредсказуем, и поэтому — второй номер на вылет в этой игре.

Шершень начал прикидывать возможные варианты выведения его со своего места, но остановился и стал просматривать детальную информацию о втором соседе.

Махатман Кшаду, программист из Бомбея, был младше Блуме на двадцать пять лет. В основное рабочее время клепал кластеры управления полями ветрогенераторов производства Vestas, установленными в Южном Бангалоре. Фанатичный поклонник Ace[X], мечтающий о карьере директора игры и даже посылавший свои работы в Нью-Дели и Лондон. Работы бездарные, но упорства у него на четверых. С этим должно получиться легче.

Плахотный подсел тихо и уже со стаканом пива.

— Все идет по плану?

— Типа того.

— Ты думаешь это он?

— Выглядит пока так.

Плахотнов промолчал. Шершень почувствовал слабо растущее напряжение.

— Гриша, чем ты обеспокоен? За операцию отвечаю я.

— Дело не в ответственности. Ты знаешь больше, чем сказал и чем говоришь.

— Это нормально. Я руководитель.

— Дело не в том, кто номер первый… Ты помнишь Белград, дело Стойковича? Тот руководитель тоже недоговаривал, и кончилось это все не очень хорошо, скажем так. Это типичная ошибка.

— Не тот случай. Тут нет стволов, и работа идет в большой толпе.

— Тут свои риски. Ладно, не буду тебя допрашивать. Ты контролируешь ситуацию?

— Да.

— Ну и ладно.

Прозвучал первый удар колокола, возвестивший о приближавшейся кульминации игр. Еще пятнадцать минут. Плахотнов оставил стакан на стойке, похлопал по плечу Шершня и двинулся в зал.

Ситуация была под контролем. Ситуация всегда под контролем. Вопрос в том — под чьим? Макс предупреждал о том, что гейткиперские деми-личи контролируют сцену полиморфов. Присутствие Шевелева в зале тоже не случайно. Он не видел прямых связей, но чувствовал это. А может после стольких лет полушпионских игр он стал превращаться в параноика?

Пробил второй колокол. Десять минут до начала. Не слишком правильные мысли перед тем, как поставить точку в этом деле.

Он активировал «стекла».

12 %. Еще полчаса и у него будет еще один аргумент. Проблема в том, что счет уже пошел на минуты.

Пришли данные по сценариям вывода соседей.

Он просмотрел детали.

Shershen 2 All: «Начинайте»

Финальной картой стала «Пирамида», уровень, специально разработанный для финалов WCG. Семь параллельных плоскостей, висящих одна над другой, составляли зиккурат с усеченной вершиной. По углам каждой плоскости располагались Джамп-пады, позволявшие перескакивать через один-два уровня. На самих плоскостях не наблюдалось никаких архитектурных излишеств, ровные площадки с разбросанными по ним оружием, аптечками и боеприпасами. Точки респауна располагались только на подножии, самом нижнем уровне. Если, в случае с другими картами, места расположения аптечек и оружия фиксировались, то здесь они возникали в случайном порядке. Это должно было добавить в дуэль остроты.

Шершень занял свое место и перенастроил интерфейс. Лишние элементы ушли, остались только общие показатели мониторинга зала, окно с Арбитром и его соседями, группа с Холма, пустое место в северо-восточном секторе и строка общего чата. Все остальное ушло. Время сконцентрироваться на основной задаче. Он набрал еще один номер и, дождавшись соединения, просто произнес:

— Подходите.

Ace [X] и ShootR заняли исходные позиции на основании. Пирамида окрасилась в оранжевые оттенки, давая сигнал к началу.

11 %.

Вспышка красного, в которой тонет Пирамида и весь зал. Ace [X] прыгает на джамп-пад и отскакивает на третий уровень. ShootR делает короткую пробежку по основе и захватывает рокет-лаунчер с комплектом боеприпасов.

10,52 %.

Кшаду поглощен завязавшейся тактической борьбой финалистов. Звонок мобильного коммуникатора он слышит не сразу. Только после того, как его трогает за плечо один из соседей сверху, он рассеяно вытаскивает гаджет из кармана и полуавтоматически отвечает на звонок.

Шевелев о чем-то беседует с Пэйн, даже не оборачиваясь на экран.

Рельсы на этом уровне две. Об этом помнят оба прогеймера, но Ace [X] успевает захватить обе. Он на четвертом уровне, застыв, наблюдает за тем, как ShootR мечется по второму уровню, собирая шарды для брони.

10,39%

До Кшаду, похоже, наконец, доходит, кто ему звонит. Раздражение на лице сменяется недоумением и после — ошарашенным ликованием, как-будто он только что выиграл этот самый финал.

Первая кровь. Ace [X] сносит противника точным выстрелом из «рельсы», когда тот пытается проскочить через его уровень на более высокую позицию. Нестройные возгласы разочарования перебиваются выверенным хором японских фанатов из восточного сектора.

Кшаду подымается и, не отрывая трубки от уха, глядит по сторонам. Мужская половина Арбитра вопросительно смотрит на него. Кшаду, наконец, решает куда ему идти и начинает двигаться в сторону прохода.

Шевелев безразлично смотрит на экран.

Prorab 2 Shershen: «Немец?»

Shershen 2 All: «Пока нет»

10,27%

ShootR сравнивает счет в рубке ближнего боя. Оставшись с пятнадцатью процентами жизни, он не бежит отжираться. Он скачет через несколько плоскостей Пирамиды к верхней площадке. Адреналин подбрасывает его здоровье на сто процентов. Ace[X] респавнится на основе.

— Who is that guy?

Знакомый ирландский акцент Шона.

Кшаду добрался до «ядра», где его стопорнула охрана.

— Все в порядке, это часть всего дела.

Кшаду почти расталкивает охрану и семенит через «ядро» к машущему Неллигану.

9.98%

Озерански на месте. Он во все том же «каркасе», в котором приходил на последнюю встречу.

Ace[X] пропускает очередь из плазмагана и соскакивает с

площадки на уровень ниже, теряя еще десять процентов здоровья. Похоже, ShootR решил играть в ближнем бою.

Кшаду о чем-то оживленно говорит с Неллиганом.

Замануха оказалась простой. Кшаду, разославший свои работы в пару десятков студий и кластеров, не получил ни одного положительного ответа. Неллиган сделал один звонок и, сославшись на несуществующего друга в одном из ведущих лейблов, сказал, что его заинтересовала работа Кшаду. Один из роликов, скачанный с блога Кшаду, они сейчас и обсуждали.

9.68 %….9.31 %

Ace[X] отыгрывается. Счет опять равный. Сняв квад с верхней площадки он занимает позицию на основе и отбивает фраг. ShootR решает отлежаться в ауте, вызывая дружное улюлюканье японского сектора.

RedEye 2 Shershen: «он наш».

Шевелев посматривает на экран и что-то отбивает на клаве коммуникатора.

Просто, слишком просто все оказалось на этом последнем этапе. Шеф протокола здесь не для того, чтобы смотреть игру. Или это может быть опять приступ профессиональной паранойи.

9.31%

Shershen 2 All: «мой выход, продолжайте исполнение».

В фойе тихо. Центр тяжести окончательно сместился в зал, но за толстыми монолитными стенами его гул звучит почти нереально. Шершень обходит зал по кругу. В одном из пустующих уголков отдыха он садится на мягкий диван и закрывает глаза. Две минуты, всего две минуты, для того чтобы собраться и выстроить разговор. У него есть еще около десяти минут для того, чтобы дожать эту тему. Он открывает глаза.

8.91%

Вспышка тотема, возвещающая о еще об одном фраге, выбитом Ace[X] из противника на миг ослепляет его, только вошедшего в зал.

Место рядом с парнем-корейцем пустует.

Shershen 2 RedEye: «статус?»

RedEye 2 Shershen: «все в порядке, он наш».

Шершень отбил на коммуникаторе координаты мест, где сидели корейцы.

— «Колпак». Готовность «ноль».

Борьба за Пирамиду перешла в позиционную стадию. ShootR не шел ва-банк, собираясь с мыслями, а Ace[X] пока устраивало положение дел. Противники бегали по уровням, собирая боеприпасы и оружие, и обменивались редкими выстрелами с

дальних дистанций. Зал затих, и только японский сектор слегка горел голографическими вспышками фанатских цилиндров и футболок.

Шершень, наконец, добрался до пустого места, где раньше сидел Кшаду. Корейцы синхронно обернулись в его сторону. Он улыбнулся им и грузно осел в кресло.

— Они так будут бегать до конца этого периода, — произнес Шершень по-русски. — Это точно.

Корейцы промолчали.

— Кстати, Шеп, ты за кого болеешь?

Опять молчание. Собственно, это и прогнозировалось.

8.23%

— Шеп, ты можешь играть в молчанку до конца игры, но это не изменит того простого факта, что тебя нашли.

Корейцы внимательно посмотрели на Шершня, но ничего не сказали.

«Ну как знаешь, планар…»

Шершень поднял руки вверх и сомкнул их над головой, после чего развел их, описав в воздухе нечто вроде купола.

8.02%

Цифры потухли, а вместе с ними сошел на нет и весь цифровой грим, наложенный на зал «Кратера» виртуальностью вычислительных мощностей Си-Джея. Служба Шона опустила «колпак» на те места, где сейчас сидел Арбитр и окружающие его сидения. Все входящие и выходящие сигналы были заблокированы «платформенным» «эй-аем» «Кратера». Одновременно с этим на ближайшие выходы из зала побежали ребята из службы безопасности и оперы из команды Шершня.

Шершень поднял «стекла» и посмотрел на корейцев.

— Чего ты хочешь, прайм?

Они говорили синхронно, с трудом выговаривая русские слова.

— Мой клиент хотел поговорить с тобой…

— Я знаю, чего хотят «тени»… — начала девушка.

— … чего хочешь ты? — закончил парень.

Ace[X] резко переходит в атаку, меняя рельсу на пулемет он давит на ShootR'a шквальным огнем, выталкивая его с плоскости.

«Хороший вопрос».

— Я работаю по найму. Чего хочу я — это вопрос между мной и моим клиентом.

— Ты оставил много следов в Срединном Плане…

— … когда искал ответы на вопрос…

— … и говорил с Ищущим Следы…

— … тем, кто тоже искал ответ на вопрос…

— … почему умер Создатель…

— … ты до сих пор ищешь…

— … и тень прайма…

— … что платит тебе деньги…

— … тут не причем…

Оливер Блуме наклоняет голову и с тревогой смотрит на корейцев, говорящих на языке, похожем на язык его бабушки, и это, очевидно, беспокоит его. Как и то, что картинка на его «стеклах» пропала.

Преимущество Ace[X] очевидно. Он одинаково хорош как в ближнем бою, так и в прицельной стрельбе из дальнобойного оружия.

— Почему ты не хочешь поговорить с ним? Ни к чему не обязывающий разговор двух джентльменов.

— Тени играют…

— …слишком много игр…

Кто бы спорил. Чем больше у тебя денег на счету, тем больше игр, в которые ты хочешь играть. Или должен играть. Да и сейчас ты всего лишь фигура на одной из шахматных досок в сеансе одновременной игры с неизвестным числом противников.

Зал входит в ритм боя, вспыхивая цветами голографических взрывов в такт залпам виртуального оружия. Тотем меняет свою геометрию каждые три секунды, и только большие экраны с картинкой боя остаются неизменными в этой тщательно разработанной вакханалии света и звука.

Кто знает, что в действительности хочет сделать киберклон? Поговорить или вырубить этих двоих корейцев, чтобы потом выкачать из них Арбитра? Технически это сложно, но не так уже и невозможно. Тем более, если за тобой стоит служба охраны «Кратера» и кто его знает, кто еще в этом зале.

— … ты искал тоже, что искали другие…

— … и не нашли…

Часы на тотеме отбивали последние пять минут перед перерывом в матче. Темп игры снизился до неприличия, кое-кто вставал со своего места и шел в фойе, зарядиться пивком перед второй частью.

— … ты хочешь знать…

— … и я скажу тебе…

Автономность полиморфов. Философский камень кибернетического мира. Значит, Чешир все-таки сделал это и Арбитр все-таки знает что. И настолько не хочет этой встречи с Озерански, что готов отдать ему ответ на вопрос, который Шершень действительно искал. Ответ, который при правильном подходе может сделать его миллионером. Странно, он уже

перестал думать о своей жизни, как о чем-то, что может перевернуться еще раз. Шанс. Еще один шанс. Каких в его жизни было не так много. Он правильно использовал всего два и имеет то, что имеет.

— … сними колпак… — сказал парень.

— … сними колпак… — повторила девушка.

Период закончился. Иллюминация в зале прекратилась.

Почему бы и нет? В конце концов никто не узнает о чем они говорили, накрытые «колпаком». Чего проще дать отбой, сказав, что произошла ошибка. Арбитр выйдет из-под «колпака» и сольет себя в сеть раньше, чем он доберется до своего места. Электромагнитный импульс в этой каше пройдет незамеченным, а лапшу на уши он сможет вешать Озерански еще долго, изображая бурную деятельность. Чего проще, дать нужный сигнал и отойти в тень.

«Сними „колпак“». Чего проще.

Шершень играл в жесткие игры. Больше всего он делал ошибок, играя в грязные.

Он подписал контракт, приняв правила.

— Нет.

Прозвучал колокол, возвещавший о начале последнего боя.

— «Колпак» останется на месте. Если ты попробуешь рвануть с места, то на выходе тебя будут ждать. Поступай, как знаешь, но лучше тебе остаться на месте.

Арбитр промолчал. Он молчал все время, что оставалось до конца перерыва. После того, как прозвучал первый удар колокола, корейцы произнесли синхронно одну фразу.

— Я буду помнить о тебе…

— …прайм.

Сингапур, 12 сентября 2017 года

— Ты уверен, сержант?

Шон и два маленьких мускулистых китайца провожали его на выходе из «Кратера». Группа осталась в зале досматривать церемонию награждения. Он уходил один, чувствуя усталость и надвигающийся хаос из мелочей, которые предстояло осмыслить.

— Это же самый безопасный город в мире, не так ли?

— Сегодня ты взял за яйца этого полиморфа.

— Если Арбитр захочет меня достать, то он сделает это. Здесь или в моем городе, без разницы.

Шон улыбнулся. Китайцы остались невозмутимы.

— Ты мне нравишься, сержант. — Переводчик поперхнулся на секунду, когда Шон начал говорить на сильно ломанном

русском. — …Яйа пошьел би с тобой в развьедку…

…Вечерний ритм города набирал темп. Цветные потоки рекламы и запахов национальных кухонь подстегивали людской поток из туристов и горожан, растекавшихся по магазинам и кафе. Улица Орхидей готовилась к ночной жизни.

Шершень шел не спеша, рассеяно разглядывая непонятные ему иероглифы, вывески и людей, которых они никогда больше не встретит на своем пути. Он почти не думал о том, что случилось сегодня, и шел вперед, осознавая только то, что идет в правильном направлении. В руке он держал бутылку Tiger, уже наполовину пустую. Душ, чистая постель и завтрак в номер — это все, чего ему хотелось сейчас.

Он остановился перед витриной магазина с местными сувенирами, подумав о том, что неплохо было бы купить себе на память какую-нибудь безделушку.

— Прайм.

Корейцы стояли, взявшись за руки. Где они упали ему на хвост? Наверное, где-то еще в районе «Кратера», что само по себе уже не было важным.

— Как прошел разговор? — спросил Шершень.

Арбитр не ответил.

— Как ты меня… — начал парень.

— …нашел — закончила девушка.

— Трафик-трэкер, нанятый «тенью» вычислил твои точки выхода в реальный мир. У меня были оптимальные алгоритмы поиска, заточенные под мои критерии.

— Кто трафик-трэккер?

— Его зовут Арчвиль.

— Критерии?

— Двойной «мул». Ты засветился на выходе из дома Чешира. Любительская съемка камерой полного волнового спектра. На ней двое «мулов». Полная раскладка. Ты крупно прокололся, Шеп.

— Еще?

— Скажем так, у меня есть друзья. У моих друзей есть друзья. Они помогли.

Арбитр не ответил ничего. Потом… Потом лица корейцев вздрогнули, они оба часто заморгали глазами и посмотрели на Шершня, как будто видели его в первый раз. В общем-то, так оно и было. Развернувшись, они направились к ближайшему переходу, о чем-то быстро лопоча на своем языке.

Сумка-каталка, черный рюкзак Nike. Светлые шорты, тенниска навыпуск. Коммуникатор закреплен на левом запястье.

На правом — браслет с кредитками и «маяк» для службы безопасности аэропорта. Последний презент от Шона, хорошо знающего директора Чан-Ги. Следующие полчаса Шершень будет VIP-клиентом. Из длинного холла, ведущего к гейтам, тянет прохладой.

Ребятам он дал двухдневный оплачиваемый отпуск.

Снежка сейчас, скорее всего, бродит по шоппинг-моллам улицы Орхидей с Калой, выбирая одежку для пятилетней дочурки. Плахотнов поперся на малазийский рынок за дешевыми комплектующими, а Татчин в сопровождении Неллигана, скорее всего, двинули в индийский квартал, «посмотреть» на грудастых индусок, лишенных определенных комплексов. С ним возвращался только Вадик, сейчас бегавший по магазинам дьюти-фри в поисках сувениров. За него Шершень поручился лично перед отцом, и отпускать его на два дня самостоятельно «изучать» Сингапур у него желания не было.

Прохлада аэропорта действовала отрезвляюще. Темп последних дней, наконец, отпустил, пришло время подбить итоги и собраться с мыслями.

Озерански остался доволен… Архаичное текстовое сообщение, полученное Шершнем утром следующего дня, более чем говорило об этом. Главное дело сделано. Как дела пойдут дальше — Шершня мало волновало. Будут ли переживать наследники Озерански и что они смогут предпринять против — вопрос средней перспективы. Еще вопрос — будет ли Арбитр дальше работать с «тенью». Вполне возможно, что он съедет с темы.

Осложнений с ним тоже не будет. Осложнения будут у Арчвилля, когда Арбитр его найдет.

Оставались две вещи, зудящие как плохо работающий вентилятор в душном офисе. И если присутствие Шевелева на матче отдавалось легким беспокойством относительно последующих указаний с Холма, то оставался еще один момент. Секрет автономности.

«Философский камень» кибернетического мира.

Арбитр предлагал сделку, которая стала бы для него поворотной. В пятьдесят с небольшим все еще может только начинаться.

Получить технологию. Год-полтора поизображать деятельность перед Озерански.

Потом продать технологию через посредников, положить деньги на десятка два мелких счетов.

Через пять лет отойти от дел и осесть где-нибудь на теплом побережье.

Мечта идиота.

«Сломается вот эта штука — шкатулка не издаст ни звука». Шут из мультфильма, двуличный горбоносый насмешник с приклеенной улыбкой, за которым гоняется толпа злобных механизмов, понявших, что их роль в этом спектакле — работать массовкой на заднем плане. Он тоже гонялся за ним, ухватил за шутовской колпак, но тупо слил игру.

«Секрет, какой еще секрет. Секрета никакого нет».

Двусмысленная фраза завязла в зубах. Чешир создал «Элизу». В этом нет сомнения. Но кроется ли секрет в самой «Элизе»? Может быть, и секрета нет. Может быть, все настолько просто, что этого никто не видит в упор. Философского камня нет, есть пустота наших фантазий. Или нет никакой автономности. Полиморфы по-прежнему получают задачи, но не от сотен своих операторов, а из централизованного и хорошо законспирированного источника. И этот источник — Арбитр, Шеп-Ти, личный «эй-ай» Чеширского Кота. Ассоциативные ряды из воспоминаний трехлетней давности вернули к жизни еще одну фантазию. Арбитр пришел к своему создателю, и тот перекачал, киберклонировал себя, интегрировав в общую структуру искусственного интеллекта…

«Сломается вот эта штука…»

Все это сейчас только лишь гипотезы.

На коммуникаторе вспыхнуло сообщение о том, что начинается регистрация на его рейс.

Часть 4

«Киберпанковская концепция „зеркальных очков“ позиционировала виртуальность как нечто противоположное реальности. Отчасти, так оно и было. В начале 90-х сеть была уделом повернутых на технике гиков, хорошо разбиравшихся в сетевых протоколах, но плохо понимавших в жизни. Последующие десять-пятнадцать лет сеть становилась ближе к среднестатистическому потребителю, и элемент эскапизма постепенно уменьшался. На сегодня виртуальность Кибернетического Глобуса в равных долях содержит как концепцию оторванной от материального мира виртуальности, так и концепцию „расширенной реальности“. Первая зона Сайберглоба — Рефлект — цифровая копия реальности. Вторая и Третья — вымышленные миры, в которых…»

Экран гаснет ровно на секунду, чтобы взорваться клипом старичков Gorilazz. Вот так всегда. Хорошая лекция была. Я отпиваю два небольших глотка все еще горячего кофе. Бумажный стаканчик с логотипом «Швидко» выглядит анахронизмом. В «Маке» уже года три как перешли на стаканы, с «движущимися картинками». Тогда это была забава для детей, сейчас крутят контекстную рекламу для взрослых.

Впрочем, анахронизмом выглядит и этот телевизионный экран с диагональю 60. E-ink технология подешевела донельзя, «электронные» обои можно по умеренной цене купить в любом крупном магазине. И программатор, если сам не можешь через систему «умного дома» подключить трансляцию. Телевизор на всю стенку. При желании все стены этого ТРЦ можно было бы заклеить экранами и пустить рекламу. Вопрос в другом — зачем делать это в реальности, если все это можно сделать в виртуальности?

Половина одиннадцатого, суббота. Торговый центр пока еще пуст. Я достаю из внутреннего левого кармана куртки Palm Qaudro 750i, форм-фактор Classic, расширенный «свитком». «Стекла» я ношу в другом кармане, в старомодном футляре вместе с бархаткой. С виду обычные очки, только слегка расширенная дужка выдает в них гаджет для доступа в Сайберглоб. Связь с «пальмом» — через радиоканал. Одеваю «стекла». Легкое

головокружение. Поток данных из Рефлекта размывает контуры мира, накладывая на материю информационные слои. Около стеклянных дверей магазинов начинают появляться меню, техническая и маркетинговая информация. Дружественный интерфейс операционной системы Decada ненавязчиво всплывает в левом нижнем углу. Я бы их не одевал тут, но Лена попросила пробить цены на кое-какие шмотки. Лазить по магазинам лень, проще потратить немного трафика и допить еще горячий кофе. Список товаров высвечивается в правом нижнем углу, и начинается его отработка. Список плавно перемещается от одной торговой точки к другой, уходит за угол, возвращается, спускается на первый этаж и возвращается в правый угол уже с конкретными ценами в конкретных магазинах. Плавная, радующая глаз анимация. Результат работы длинной технологической цепочки обработки данных и наложения виртуального образа на интерьер здания. Рефлект качает информацию отовсюду, начиная с потоков внутренних камер полного волнового спектра, открытых информационных систем ТРЦ и заканчивая микрочипами, вшитыми в ярлыки одежды из модных бутиков. Через спутниковые стволы, радиоканалы и кабели этот мощный поток уходит куда-то на обрабатывающие «платформы» Сайберглоба, где из них печется многослойный пирог из «дайса», «слепка реальности». Оттуда тонким ручейком данные спускаются с небес на зов какого-нибудь энд-юзера вроде меня. Еще пара кликов на «пальме» и список улетает на и-мыл Ленки.

Иногда я думаю, что было бы неплохо не знать о той механике, которая натягивает эти призрачные образы на объективно-существующую материю. Может быть, стоит подумать о смене профессии?…

От кофе остается черный вязкий осадок. Пора идти. Клип Gorillaz заканчивается, я спускаюсь на первый этаж по лестнице к сентябрьскому утру на той стороне стеклянных дверей и краем уха улавливаю продолжение «лекции».

«Сеть 90-х расплавила географические расстояния и уничтожила административные границы пространства. Виртуальность сегодняшнего дня реализуется в многомерности пространства, бесконечном вариативном ряду расширяющихся реальностей…».

«Расширяя реальность»

Киев, торговый центр «Караван», 19 января 2019 года, 08–05

Правило скупаться рано утром или поздно вечером появилась после рождения первенца. Времени на стояние в очередях тогда не было, поэтому за памперсами приходилось бегать в круглосуточный гипермаркет. Артем вырос, Арина тоже, но привычка подниматься в шесть, быстро завтракать и идти в магазин, когда там еще никого нет, осталась.

Пачка кефира, замороженная мерлуза, буханка хлеба и банка кофе «Черная карта». Шершень не слишком ловко свалил продукты в фирменный пакет, ссыпал сдачу в карман пальто и двинулся к выходу.

«Хвост» он заметил еще в отделе морепродуктов. Двое, парень и девушка, неуверенно толклись около морозильников с креветками. Потом так же неуверенно они выбирали масло в отделе кисломолочных продуктов. Странным было не то, что кто-то прицепил за ним «хвост», странным было ощущение дежа-вю, от которого он не мог отделаться. Он где-то уже видел этих двоих…

Потом он вспомнил.

Но те двое, на любительской съемке, добытой Пепеловым, были старше и одеты похуже. На корейцев, что остановили его на Orchard Road тогда, после финала WCG, они походили еще меньше. Эта пара, совсем еще молодые ребята, производили более благоприятное впечатление. Скорее всего, студенты из регионов, зарабатывающие себе на образование и жилье, тем, что сдают в аренду свое тело. Девушка — милая, хрупкая барышня с большими глазами и точеными чертами лица, с ямочкой на подбородке и аккуратной челкой. Черное пальто до колен. Пухлые сапоги с искусственным мехом Маленький рюкзак обвешан цветными фенечками-бусами, среди которых двумя яркими пятнами выделяются значки групп Old Wave и Pink Floyd. Парень похож на нее, скорее всего, брат, но внешность не слишком бросающаяся в глаза, лицо невзрачное, усталое, вязанная серая шапочке натянута почти на самые глаза. Руки спрятаны в карманах длинной кожанки. Парень сутулится, оглядывается по сторонам, неловко вращая шеей с намотанным на нее черным шарфом.

Грязная работа. Почти как проституция. Ты отдаешь свое тело в обмен на деньги. Может быть, даже и хуже. Те, кто продают секс хотя бы находятся в сознании, а эти двое сейчас пребывают в фазе альфа-сна, пока «эй-ай» пользует их мозги и опорно-двигательный

аппарат. Потом, когда все закончится, они придут в заранее оговоренную точку, проснутся, и он выйдет из них в сеть, а они пойдут проверять анонимный депозит в ближайшем банкомате. Они не будут говорить о том, откуда только что вернулись и как заработали эти деньги.

Шершень вышел из супермаркета и пошел в сторону своего «Фольксвагена». Эти двое вышли за ним и разделились. Парень обогнал его, девушка продолжала идти позади. Шершню надоела эта игра в шпионов.

— Шеп, если ты хотел поговорить, то мог просто подойти и поздороваться.

Парень остановился и повернулся к нему.

— Я счел, что будет невежливым мешать….

— … тебе выбирать продукты — закончила девушка.

— Знаешь, когда тебя пасут настолько явно, то уже мешают выбирать продукты.

— Извини — сказали они одновременно.

— Ладно, проехали. Зачем ты пришел?

— Мне нужна помощь.

— Говори.

— Было бы благоразумней продолжить нашу беседу в более комфортной обстановке.

Шершень внимательно посмотрел на этих двоих.

— Куда ты предлагаешь пойти?

— Туда, где не слишком много людей отдыхает не спеша.

Шершень прищурился.

— Фудкорты? Нет, там камеры. Идем ко мне в машину.

— Хорошо…

— Но мне нужен кофе. Купишь?

Они переглянулись и замолчали почти на минуту.

— Да, — наконец ответил парень…

Кофейная гуща перетекает по дну, оставляя след из мелких частиц. Люда будет задавать глупые вопросы, и ему придется что-то врать про очереди или другой магазин. Да, конечно, выскочить на полчаса и прийти через два часа. Наверное, придется рассказать ей о том, почему он задержался. Двадцать пять лет она терпит его приключения, и каждый раз он думает о том, стоит ли ее беспокоить лишними размышлениями о том, куда в очередной раз собирается влезть ее муж. В этот раз придется, это точно, потому как уже четко вырисовывается следующая точка в маршрутном листе. И чем больше Арбитр рассказывает о том, что произошло вчерашней ночью, тем больше ему хочется спросить о том, что он делал тогда в квартире Куреневского.

«More troubles».

Шершень поставил стаканчик на верхнюю поверхность «торпеды».

— Это не моя война, планар.

— Да, это не твоя война…

— Не твоя лично. Даена-Ти прибудет в город…

— … и поселится в теле молодых людей…, если дойдет дело до прямого разговора…

— …Кобольд не пожалеет никого, — продолжила девушка.

— Пострадают и те, кто будет…

— …иметь неосторожность оказаться рядом — завершил мысль молодой человек.

— Ты тоже приехал в город не в стальном «каркасе».

— Это временно, — сказали они одновременно.

Шершень усмехнулся.

— Шеп, я не занимаюсь благотворительностью.

— Я знаю.

— И это не моя война.

— Ты уже это говорил. Сколько ты хочешь?

— Вопрос с деньгами обсуждается отдельно.

— Что тебе нужно?

— Ответы на вопросы.

— Что ты хочешь знать?

— Суть Мутации.

— Большое знание рождает большое горе, — сказал юноша после паузы.

— Я закрываю глаза на то, что ты причастен к гибели Чешира…

— Самоубийство, — сказал юноша.

— Дело закрыли, — добавила девушка.

— Мне все равно, какие выводы сделал Пепелов. Тем более что я помогал ему делать из этого случая самоубийство. Я не намерен работать с тобой, если ты сделал это. И не хочу слушать цитаты из Священного Писания.

— Я не убивал его.

— Поверю на слово. Но мне нужно то, что я хочу. Суть Мутации. Причем не общие слова и туманные рассуждения, а конкретные технические подробности.

— То, что ты просишь…

— …не стоит того, что собираешься сделать…

— Ты упорен и самоуверен, прайм.

— …Иногда невежество лучше знания.

— Позволь мне решать, что для меня хорошо, а что нет.

Сквозь молчание тихо пробивался звук работающего

двигателя…

— Цена принята.

— Это не все. В качестве гарантии ты дашь мне свой базовый профиль и «метки Клауса».

— Зачем?

— Если ты попытаешься меня прокинуть, я сдам тебя местному отделению Холма.

— Цена принята.

— Хорошо. Теперь мы можем обсудить вопрос материального вознаграждения…

Козин, пригород, коттеджный городок «Зеленый берег», 19 января 2019 года, 10–15

— Год назад все было по-другому.

— Да, мы искали Арбитра. Теперь мы с ним в одной команде.

Роман стоял к нему спиной, рассматривая пасторальный зимний пейзаж за широким окном. Два ряда вечнозеленых туй, тянущихся от высокой кирпичной ограды к дому, припорошены тонким снегом и разделяют придомовую территорию на две равные части. За оградой — ряд таких же как этот коттеджей. Фасады из красного лицевого кирпича, белые рамы стеклопакетов, прибранные дворики со скамейками и горками из камней. Аккуратный пейзаж элитного района. На другой стороне уже слышится шум и детский смех. Кто-то решил провести выходные с внуками.

— Ты с ним в одной команде, — твердо сказал Роман, оборачиваясь к нему со скрещенными на груди руками. — Год назад мы работали с нашим постоянным клиентом, оплатившим аванс за работу. Да, возможно его наследники и не были бы очень рады, узнай детали того, что мы собирались провернуть, но операция была не пыльной…

— Арбитр оплатит аванс, если мы согласимся…

Роман запрокинул голову, отошел от окна, сел в глубокое кресло около журнального столика, где стояли две нетронутые кофейные чашки, и посмотрел на часы. Шершень про себя отметил, что в первый раз видит своего партнера в спортивных штанах и больших домашних тапках. Вислоухие кокер-спаниэли выглядели комично. То, что он не вовремя и не в тему стало ясно уже из телефонного разговора. Судя по тому, что он слышит сейчас, Роман расстроен не только тем, что ему испортили субботнее утро.

— Знаешь, Коля, я закрою глаза на то, что сумма придет с левого оффшорного счета и то, что нашим бухгалтерам ты

добавишь головной боли провести эти деньги. Но дело не в этом. Ты втягиваешь нас в уличную драку, а это хуже, чем проблемы с налоговой инспекцией.

— Какая уличная драка, Роман?…

— Хорошо, давай по порядку. Вчера в мегамолле «Вырлица» кто-то ухитрился словить хаос-генератора, ключевого члена Семьи полиморфа Снеговика. Совершив это, похитители скрылись в неизвестном направлении. Утром опечаленный Арбитр приходит к тебе и говорит «помоги, потому что я не справлюсь». При этом он говорит, что делать это надо быстро, потому что скоро сюда приедут другие топовые полиморфы и все захотят забрать хаос-генератор себе. Правильно?

— Да…

— Так вот я задаю вопрос — кто будет в городе? Что сказал тебе этот ублюдок?

— Большая Пятерка. Топовики сцены.

— В том числе и Кобольд? Да?

— Да.

Роман указательным пальцем поправил очки в толстой оправе и помассировал пальцами кончик носа.

— Я не знаю, кто остальные шишки из этой элиты полиморфов, но про этого кадра знают все. В том числе и спецслужбы, работающие по террористам. О его прибытии будут знать все серьезные трафик-трэкеры, как только он пересечет Периметр города. Все, начиная от наших конкурентов и заканчивая гейткиперами и седьмым отделом Холма. На наши игры будут очень внимательно смотреть все, кому не лень. Коля, ты осознаешь этот простой факт?

— У нас есть время. Переброска Кобольда, да и всех остальных займет не меньше двух-трех дней. За это время мы успеем найти тех, кто похитил хаос-генератор и вернуть его Арбитру. Если мы будем действовать быстро, то никто ничего не успеет понять.

— А если мы не успеем? Если эти тупые засранцы выложат объявление в сеть раньше? Что будет, Коля?

— Риск есть, но он стоит того…

— Что кроме денег мы получим? Спасибо от Арбитра? Крепкую дружбу со Снеговиком?

— Нечто большее — секрет автономности полиморфов.

— И что мы будем с этим делать? Слепим пару десятков «эй-ай» и выбросим на рынок? Пойдем к техам Холма и расскажем им, как словить полиморфов? Не смеши меня, Коля. Мягко говоря, это не совпадает с маркетинговой стратегией нашей компании.

— Ты не понимаешь…

— Знаешь, что я понимаю?! Что ты давишь ежа чужой жопой?! В городе будет Кобольд, это значит, что наверняка будет свалка. Ты на передний край не пойдешь, руководить останешься, а ребята будут шкурами рисковать. Ради чего? Ради того, что ты хочешь удовлетворить свое любопытство за счет компании? Коля, да, в конце концов, мы строили эту компанию вместе, и ты помнишь, через что нам пришлось пройти… И ты прекрасно понимаешь, как может ударить по нам любое неосторожное движение!

Шершень не ответил.

— Я дам санкцию. Дам техов, оперов, оборудование. Три усиленных группы. Но ты мне заплатишь.

— Что?

— Что слышал. Если ты так уверен в деле, то подкрепи это. Только не рассуждениями о неких эфемерных выгодах для компании, а конкретными вещами.

— Что ты хочешь?

— Двадцать процентов от доли в бизнесе.

На какое-то мгновение Шершню показалось, что он на переговорах с жестким клиентом, у которого он сорвал график выполнения работы уже в пятый раз и сейчас они говорят о санкциях. Почему-то в сознании вдруг всплыл зал ожидания в аэропорте Чан-Ги. Легкая прохлада после тяжелой влажной жары города. И слово «шанс», короткое и бьющее адреналином. Он медленно поднялся с кресла и отошел к окну. Еще вчера эти выходные представлялись совсем по-другому. Как и многие другие до этого. Жизнь, как цепочка из неопределенностей и неожиданностей, минут, в которые нужно принимать решения и действовать быстро.

На другой стороне кто-то увлеченно играл в снежки.

— Пятьдесят процентов.

— Что? — пришла очередь удивляться Роману.

— Я отдам тебе пятьдесят процентов своей доли тебе. Тебе лично. Но если я узнаю что-то про автономность, то этот интель будет моим. Те двадцать, которые ты хочешь — получишь сегодня. Я готов оформить сделку прямо сейчас.

— Коля, неужели это так важно для тебя?

— Да.

— Ты уверен?

— Давай не будем терять время.

Киев, Русановская набережная, 19 января 2019 года, 11–45

Звонок продолжал натужно звенеть и после каждого перерыва, монотонное зудение становилось все длительнее. Но самое противное случилось потом. Женский голос, на идентификацию которого ушло не меньше минуты, лениво произнес откуда-то из-за спины.

— Андрей, кто это?…

«Хороший вопрос, сначала бы неплохо вспомнить, кто ты».

Джип понял, что это не занудливый сосед, и отлежаться, не получиться. Он открыл глаза и повернулся в сторону, откуда раздался женский голос. По изгибу голого, смуглого и соблазнительно крутого бедра, едва прикрытого простыней, определить имя было затруднительно, поэтому он ограничился фразой общего порядка:

— Это мой партнер, зайка. Деловая встреча.

— В субботу?

Джип посмотрел на часы, висевшие над дверью спальни.

— Вообще-то уже почти полдень, дорогая…

Звонок продолжал бить по нервам, как бор стоматолога по непульпированному зубу. На объяснение того, кто торбит его в такую, в принципе, рань, Джип мог догадываться долго. Коммуникатор лежал там, где ему и положено лежать, на тумбочке около кровати. Он включил экран и вывел на него изображение с камеры над входом в квартиру.

«Какого хрена?…

— Одевайся, зайка.

— Я хочу спать…

Вспомнил. Лера. Грубить не надо, девка не глупая, обидеться может. Не глупая, но послушная, поэтому надо быть вежливым и настойчивым.

— Одевайся, Лерочка. У меня гость.

Натянув трусы и спортивные штаны, Джип вышел из спальни, пересек коридор и оказался у входной двери.

Шершень стоял у двери, зажав во рту сигарету и копаясь в карманах пальто в поисках зажигалки.

— Че так долго?

— Я не один…

— А…, извини.

Шершень улыбнулся. Джип улыбнулся в ответ. Повисло неловкое молчание. Шершень вытащил сигарету и вытянул обе руки вперед, как бы показывая проход.

— А, да, заходи… — опомнился Джип.

Скинув пальто и сапоги гость взглядом вопросительно посмотрел на Джипа. Тот неуверенно спросил:

— Кофе будешь?

— Угу.

— Тогда на кухню.

В спальне кто-то довольно шумно возился в шкафах.

Джип запустил кофеварку и вышел. Вернулся он в спортивной майке на голое тело, на ходу завязывая бандану с игривыми черепками.

Если бы кто-то, не знакомый с Джипом, увидел его на улице, то самое последнее, что он предположил бы, так это то, что перед ним второй по авторитетности геоблогер города, держащий CityPulse всего Левого берега. Широкоплечий накачанный блондин с пышными усами, одетый в кожаную косуху и кожаные штаны, с кожаным же рюкзаком. Скорее он смахивал на байкера, только слезшего со своего „харлея“. Еще большее удивление вызывал бы тот факт, что у „байкера“ было весьма серьезное архитектурное прошлое — в геоблогинге ему в первую очередь, помог пятнадцатилетний опыт проектировщика.

Принимая чашку кофе, Шершень подумал, что подобная физическая форма ему уже не светит, хотя он был старше Андрея всего лет на семь.

— Так что у тебя?

— Что это за подруга?

— Ну, так…

— Пусть уходит.

Возня в коридоре длилась минут пятнадцать, пока Шершень не спеша смаковал кофе. Шуршания и шептания, переходящие в тихие всплески возмущения. Дверь хлопнула. Несколько расстроенный Джип вернулся на кухню.

— Все, периметр чистый. Выкладывай.

— Идем в твой кабинет.

Полный беспорядок в личной жизни, не означал того, что в профессиональном отношении Джип был таким же. С точностью до наоборот — в делах он мог заткнуть за пояс многих топ-менеджеров крупных и вроде как серьезных фирм, которых Шершень на своем веку перевидал. Как-то он сделал попытку переманить Джипа в свою контору, но после короткого разговора понял, что свободный график являлся для геоблогера не меньшей жизненной ценностью, чем возможность трахать каждую неделю новую смазливую девочку.

Тому, кто впервые оказался в операционном зале Джипа, такое вряд ли пришло бы в голову. Идеальный порядок в комнате, оборудованной полнокомплектной системой Three Eyes с возможностью проецирования крупноформатных голообразов царил практически идеальный порядок.

Голопроектор вывел на стену карту города в масштабе

1:15000.

— Двенадцать часов назад в этой точке „эй-ай“ полиморфного класса сделал попытку возврата в Сайберглоб, — лазерный указатель крутанулся вокруг района многофункционального комплекса „Вырлица“, потом Шершень увеличил изображение и вывел небольшое окно объемного режима, где камера начала облет по коридорам мегамолла. — Его там ждали и перехватили. — Камера вышла на пятый этаж и остановилась в помещении небольшой сборочной линии в составе так называемых „антикварно-бэушных“ отделов мегамолла, где из запчастей каждый желающий мог собрать себе робота по вкусу. — „Эй-ай“ перенесли на автономный, не подключенный к сети, носитель и вынесли. Записи внутренних камер не показали никакой активности в зоне, из которой его вытянули. Я имею ввиду эту внутреннюю линию сборки „каркасов“. Я сброшу тебе записи внутренних камер наблюдения и тех, что контролируют прилегающую территорию.

Джип пожал плечами.

— Мало что даст, но ладно.

— Да, мало, но по ним мы, я думаю, сможем хотя бы определить почерк и с кем мы имеем дело. Основной анализ сделаешь по пешеходам и автомобилям, покидавшим зону в период с одиннадцати вечера по три часа ночи.

— Лады.

— Это первая часть работы. Скажем так, прошлое вопроса. По сути, она не приоритет, но вполне возможно, что в результате мы получим какие-то данные, с которыми сможем поработать дальше. Собственно это „дальше“ будет в реальном времени и начинать надо сейчас. Похищенный полиморф является членом семьи одного из топовиков сцены. Причем не просто членом Семьи, а вторым по значению после хаба. Это так называемый хаос-генератор. Об этом еще не знают другие топовики, но по прогнозу, похитители выбросят объявление в сеть и попытаются продать. Чему наверняка его попытаются воспрепятствовать Семьи других полиморфов. Опять же по предположению, еще пять старших семей, включая хабов, перекачают себя в реал для осуществления перехвата.

— Дядя Коля, я в общих чертах, конечно, уловил суть проблемы, но ты дашь почитать какой-нибудь faq про них? Я про этих нелегалов слышал немного…

Джип задумчиво почесал левой рукой мускулистый бицепс. Не то, чтобы здоровяк выглядел смущенно, но вводная получилась действительно коротковатой. Шершень посмотрел на часы.

— Дам тебе пару ссылок, но не копай глубоко, времени нет… Мне нужна от тебя полноформатная поддержка. Думаю, что они наверняка пользовались „Пульсом“.

Русановская набережная, 19 января 2019 года, 13–15

Шершень вышел из дома Джипа с твердым желанием где-то перекусить. С утра он питался одним кофе и сигаретами, что не есть хорошо в его возрасте. Ребята будут на исходных позициях минут через тридцать. Мобильный штаб операции, помимо всего прочего упакованный еще и трафик-трэкером Калачом разместиться в районе улицы Киквидзе. Потирая пальцами брелок управления, он думал куда бы двинуть сейчас. На Русановке он не знал толковых забегаловок. Поехать на Дружбы Народов и пообедать на фудкортах „Квадрата“ представлялось более здравой идеей, нежели ехать на станцию метро „Левобережная“ и напаковаться гамбургерами. Решено, двигаем на Дружбы Народов.

Пересекая бульвар, Шершень обратил внимание на черный миниван, стоявший в трех машинах от его „Фольксвагена“. Рядом с ним стоял невысокий подтянутый блондин в широкой серой куртке и просторных черных штанах, края которых почти закрывали полуспортивные ботинки. Шершень остановился, пропуская машину, и внимательно посмотрел на миниван, а потом на парня. Сопоставив увиденные факты и сложив уравнение, Шершень направился к своей машине. Парень помедлил несколько секунд и пошел к нему.

Сигнализация два раза пискнула, и внутри щелкнул центральный замок. Взявшись за ручку двери, Шершень поднял глаза и встретился взглядом с парнем.

— Он хочет вас видеть, — парень сделал паузу. — Сейчас.

— Да? А зачем не сказал?

— Сказал, что вам угрожает опасность.

— Так и сказал?

Парень молча кивнул.

— Он живет все там же?

— Да.

— Мне сесть к вам в машину?

— Необязательно. До горизонта непосредственной угрозы еще есть время. Мы будем сопровождать вас.

— Хорошо, — Шершень уже собрался сесть в машину, когда парень произнес:

— Возьмите.

— Что это?

— Пропуск в район.

Они не виделись семь лет. Редкие разговоры по телефону не в счет. Дела они не обсуждали, так, обмен любезностями и уточнение сроков платежей по работам между юридическими лицами, на которых они работали. Когда-то их пути разошлись и с каждым годом они расходились все сильнее. И то, что говорили о бывшем однокласснике, делало дистанцию еще больше.

В мистические аспекты разраставшихся информационных потоков Net4er погрузился еще тогда, когда они тесно общались. Net4er живо интересовался и тем, что большинство тогда считали пустой теорией. Когнитивная наука, семиотические изыски по построению некоего метаязыка, позволявшего уплотнять информацию и ее представление, начальные версии „джимала“. Но когда GK выдали первые версии дайса, он уже знал что делать.

Его практики по ускоренному усвоению и переработке информации граничили с безумием.

Он зарабатывал свои первые настоящие деньги на том же, на чем их делали гейткиперы. Но потом, когда дело наладилось и в его окружении появились ученики, он вторгся в сферу, которую подавляющее большинство считало запретной. Вначале это были слухи, но потом Шершень спросил его об этом напрямую.

„Каждый день в этом городе погибают десятки людей. Кто-то умирает, потому что пришло время. Кто-то — потому что ведет слишком опасную игру. Кто-то попадает просто так. Не то место, не то время“.

Его „сервис“ выглядел как банальное предсказательство, кто-то поначалу думал, что он шарлатан, но на деле все обстояло совсем не так. Он действительно предсказывал. Предсказывал смерть. Анализируя никогда не прекращающиеся информационные потоки, он вычислял точки экстремумов и предупреждал богатых ребят о тех опасностях, что ждали его на улицах города…

…Массивные створки ворот разъехались в стороны после того, как охранник переносным сканером считал данные с пропуска…

Воздвиженка была пустынна. Трех-четырехэтажные особняки и жилые дома, построенные в начале XXI и копировавшие стиль еще старой застройки конца XIX, населяла деловая элита Киева и богема высшего эшелона, и шум здесь не приветствовался по определению. Живописные фасады, освещенные старомодными фонарями и подсветкой, создавали атмосферу обособленного уюта, за который хозяева заплатили бешеные деньги. Шершень прошел по Воздвиженской до того места, где улица разделялась.

Воздвиженская уходила налево, где чуть дальше пересекалась с Андреевским спуском. Направо продолжалась Гончарная. Шершень подошел к дому, стоявшему на пересечении, поднялся к входной двери и нажал кнопку вызова. Дверь открыла горничная, женщина в возрасте, и с улыбкой пригласила его войти. В прихожей она помогла ему снять пальто и провела в гостиную.

— Чай, кофе? Или желаете чего-нибудь покрепче?

— Чай, пожалуйста, — от мысли о кофе его уже начинало тошнить.

Она опять улыбнулась и мягко кивнула головой. Он не стал уточнять какой чай. В этом доме подавали только зеленый.

Net'4er купил этот дом у одного из местных олигархов, который разочаровался в локальном микроклимате и отдал его по цене, близкой к начальной. Через полгода Net'4er смог расширить свои связи среди соседей и продавить модернизацию систем охраны всего элитного района в местных органах власти.

В гостиную вошла горничная, вкатившая тележку с чаем. Шершень поблагодарил ее и взял одну из небольших чашечек.

Дверь открылась опять и в нее вошла Лида, жена Net4er'a, стройная блондинка с прямыми длинными волосами, одетая в просторные полотняные штаны и хлопковую рубашку на выпуск с широкими рукавами. Лицо с тонкими морщинами и спокойными глазами выдавали возраст и то, что, несмотря на него, она сохранила молодость духа. Она двигалась с легкой и одновременно выверенной грацией уравновешенного человека, регулярно практикующего медитацию.

— Он почти закончил свои дела и просит извинить за то, что заставляет тебя ждать. Если ты хочешь, то можешь пройти к нему в кабинет прямо сейчас.

— Спасибо, Лида.

Шершень отпил из чашки еще один раз и поставил ее на столик.

Вряд ли это совпадение. Ночью кто-то ворует полиморфа, утром к нему приходит Арбитр, а еще через полдня один из лучших трафик-трэкеров города посылает своего ученика предупредить об опасности. Другое дело — в чем тут интерес Net4er'a? Он прагматик и редко занимается благотворительностью…

Легкие шаги по ступеням вывели его из задумчивости.

— Он просит тебя подняться.

Девять плоских экранов, занимавшие почти всю стену кабинета, отображали процесс агрегации данных и обновления информационного ядра. На центральном, самом крупном

мониторе, светился текст, от которого на вспомогательные экраны шли тонкие линии, соединявшие некие ключевые точки в гипертексте с фрагментами информации на других мониторах — трехмерными графиками каких-то трендов, видео, фотографиями, текстами. Данные на вспомогательных экранах постоянно изменялись, информационные фрагменты появлялись или пропадали высокой скоростью, как-будто ими кто-то быстро оперировал, тасовал как тасует карты опытный шулер. Иногда изображение застывало на какое-то мгновение, съеживалось до минимума и переходило в поле центрального экрана, где находило свое место в постоянно преобразуемом поле основного текста. Движение в центре и вся мозаика вокруг мгновенно изменяет рисунок.

Периферийным зрением Шершень заметил фигуру, сидящую в одном из кресел за журнальным столиком в углу кабинета. Он повернул голову и увидел девушку, чуть полноватую блондинку в очках, одетую в темно-серый свитер и синие джинсы, сложившую руки на коленях, и сосредоточенно наблюдающую на манипуляции с данными. Скорее всего, ученица.

Один из периферийных экранов гаснет. Информация перестает поступать на монитор и на нем появляется женское лицо со спокойной улыбкой и закрытыми глазами. Бот, осуществлявший первичную фильтрацию данных для Net4er'a закончил работу. Руки датамайнера начинают все медленнее скользить по широкому и гладкому столу с голографической клавиатурой, один за другим на экранах появляются лица с закрытыми глазами. Последний пас и информационное ядро, логический узел для нескольких тысяч элементов персонального поля данных датамайнера, застывает.

Net4er встал из-за стола. Одет он был также как и Лида, с той лишь разницей, что его одежда смахивала на кимоно, но без обязательного пояса. Его внешность всегда повергала в легкое замешательство тех, кто его видел в первый раз. Редкие волосы на голове не зализаны на голый череп в попытке показать, что на ней что-то осталось. Недостаток волос на голове компенсировался роскошной „старообрядческой“ бородой — широкая раздвоенная „лопата“ вызывала яркие ассоциации с портретами дореволюционных „отцов отечества“. Подобная шевелюра неплохо сочеталась с широкими штанами и рубашкой навыпуск, в которых Net4er ходил даже на деловые встречи. Эдакий учитель в дальневосточном стиле.

Net4er широко улыбнулся Шершню, и поприветствовал его, обняв двумя руками.

— Рад тебя видеть.

— Взаимно. Как дела?

— Дела в порядке, — Net4er жестом указал на кресло, — Времени мало.

Шершень вопросительно посмотрел на Net4er'а.

— Вырлица. Вчера ночью, — ответил на безмолвный вопрос. — Они пока не дали объявление, но это всего лишь вопрос времени.

Собственно, что и требовалось доказать. Спрашивать Net4er'а как он узнал это, Шершню не хотелось. Он вспомнил слова Романа и задал себе вопрос, сколько еще трафик-трэкеров начали смотреть в его сторону. Но тот упредил его опасения.

— Волны разошлись не так далеко. За этим событием пока не следят. У нас есть еще примерно сутки-полтора до того момента, пока на это обратят внимание…

Шершень не ответил на эту фразу и кивком головы указал на девушку, сидевшую в углу.

— Она?

— Она в теме, не волнуйся.

— Хорошо. Как ты узнал?

— Некоторым образом в этой каше замешан один из моих клиентов. Возможная угроза — тридцать процентов. Вполне достаточно чтобы я пометил событие как требующее внимания. Твой процент более высок, — Net4er говорил не спеша, но опуская ненужную лирику, незначительные фразы, которые должны были подготовить человека к каким-то важным вещам — Почти семьдесят.

Сухие цифры, статистика. Говорил Net4er мало, но всегда, по сути, выделяя самое главное, не фокусируясь на эмоциях, но при этом оставаясь максимально выразительным. Он знал подходящие слова. Трафик-трэккер принимавший на себя сотни терабит информации ежедневно, давал несоизмеримо меньший выходящий поток. Было ли это следствием его убеждений или привычка, выработанная годами работы в жестких условиях ограниченного времени и ресурсов? На затягивающихся совещаниях в компании Шершень всегда вспоминал манеру Net4er'а говорить. Всем бы так, и времени у всех бы стало больше.

Но сейчас они говорили о жизнях. Проценты и вероятности летального исхода.

— Николай, это серьезная опасность.

Этого он мог и не говорить.

Двадцать пять лет назад, когда Шершень „путешествовал“ по Балканам с АКА и перемотанными скотчем „рожками“ мало кто знал о математических методах предсказания. Но то, что он чувствовал сейчас, было похоже на тот странный привкус

приближающейся опасности. Семьдесят процентов, двое суток. Один к трем, что до следующей пятницы он может не дожить.

— Это еще не все, сказал Net4er', отвлекая Шершня от размышлений. — Есть еще один человек, которому угрожает еще более серьезная опасность.

Шершень посмотрел на слегка полноватую блондинку в очках с прямоугольными стеклами без оправы.

— Он в эпицентре событий. Мы знаем о нем и о тех, кто ему помогал достаточно, чтобы начать поиски прямо сейчас.

— Это хорошие новости.

— Некоторым образом в этой точке пересеклись мои деловые и личные интересы, поэтому за мои услуги тебе платить не придется.

Тоже неплохо, но эта деталь сейчас второстепенна.

— Кого еще ты поднял на крыло?

— Пять полных групп из своей конторы и ресурсы Джипа.

— Хорошо. Я дам тебе две группы своих ребят. А теперь за работу. Лиля, расскажи нам о том, что ты видела и кого ты видела. У тебя есть четверть часа…

Воздвиженка, 19 января 2019 года, 16–10

Они подошли со стороны Подола. Двое совсем молодых людей, одетых как не слишком богатые студенты, плотный мужчина в возрасте, чья клетчатая кепка смотрелась не слишком по сезону и высокий блондин в куртке-косухе, и черной бандане с черными черепами. Машины пришлось оставить на Верхнем Валу, на парковке перед въездом на Воздвиженку. Пять одинаковых бортов класса „City Nomad“, упакованных необходимыми командами и техниками. Подобное скопление машин около дома Net4er'а могло привлечь ненужное внимание. Отряхивая свежевыпавший снег с обуви, эта странная компания скрылась в угловом доме на пересечении Воздвиженки и Гончарной.

Для того чтобы привлечь Калача к этой операции Шершню пришлось еще раз звонить партнеру. Шеф датамайнеров компании отошел от регулярных полевых рейдов лет пять назад и теперь принимал в них участие время от времени. Теперь он обитал в уютном кабинете и занимался тем, чем ему нравилось заниматься больше всего — аналитикой и личными исследованиями, которые многие в компании находили несколько экстравагантными. Эти исследования, касавшиеся всевозможных сетевых легенд и баек, лишь иногда привносили действительно полезные данные для стратегической работы. Положительный момент состоял в том, что Калач вследствие

этого увлечения имел широкие связи в научной и околонаучной среде, и в некоторых случаях эти связи играли свою роль в решении самых неожиданных вопросов.

После того как Шершень переговорил с Романом, он сделал еще один звонок Калачу и вкратце обрисовал ему интересности предстоящего дела. Полиморфы и все, что с ними связано живо интересовало отставного оперативника. Его опыт управления с группами информационной поддержки был значительно больше, чем у самого Шершня, что снимало с него необходимостью заниматься, по сути, нудной рутиной по координации действий „городскими кочевниками“.

Таким образом, спустя несколько часов после разговора с Net4er'ом в его кабинете собрались ключевые лица команды — включая Арбитра, явившегося в формате двух близнецов разного пола.

…Шершень держал в руках маленькую чашку кофе, медленно остывающую и почти не тронутую. Тающий запах кофе, и опять эта разноголосица. Калач входил в курс дела, задавая вопросы, на которые Шершень уже знал ответы. В принципе в курс дела его могли ввести и ребята Net4er’a, но шанс пообщаться с натуральным полиморфом выпадает не каждый день. При этом его разговор с Арбитром более напоминал допрос задержанного, нежели обычный разговор. Калач ходил по комнате, спрятав руки в карманы брюк, и бросал короткие фразы в адрес сидевших на диване юноше и девушке.

— Когда это произошло? Точное время?

— Четырнадцать часов и…

— … двадцать две минуты назад. Связь с ним прервалась после того…

— … как они использовали „магнит“.

— Ты знал, что еще кто-то следит за ними?

— Нет…

— …отключение систем…

— …было для меня неожиданностью.

Калач удивленно поднял брови и посмотрел на Лилю, стоявшую ближе к выходу из комнаты.

— Ладно, это несущественно. Почему Снеговик не прикрыл своего… Старика?

— Он не думал…

— …что все может закончиться так…

— Снеговик так беспечно относится к своему духовнику?

— Похищение Старика…

— … большое преступление, если это делает другой Отец

или…

— …Мать. Никто не делает этого.

— Даже Кобольд?

— Даже он. За это наказывают.

— Как?

— Не имеет значения, — синхронно произнесли оба.

— Нет логики. Ты сказал, что для того, чтобы захватить хаос-генератор сюда сбегутся все мало-мальски серьезные Отцы. Но захват Старика наказуем.

— Первичное преступление совершил прайм…

— Нападение на прайма, не есть преступление…

— Странные законы.

— Ваши законы бывают еще…

— … более странными.

— Ладно, проехали. Кто еще знает о похищении?

— Снеговик. Старик Снеговика не любил слежки. Он…

— …должен был выйти в Точку Ответа в шесть часов утра. И…

— …он не дал ответ. Его Сыновья уже в пути.

— Что с остальными?

— Они еще не знают.

— Когда они смогут узнать об этом?

— Пока похитившие не выйдут с объявлением в сеть и…

— … если они не будут достаточно осторожны.

Калач остановился, умолк и после некоторой паузы сказал, уже обращаясь к людям.

— Не так все плохо, как я думал… При хорошем раскладе можем успеть сделать все без шума и пыли. Коля, я так понимаю, что мы уже знаем имена?

— Два имени и два лица. Это стопроцентно, но неизвестно, имеют ли эти лица, то, что нам нужно. Пока не посчитаем всех остальных и не поймем психологическую структуру этой команды, активные действия могут все испортить. Один из них предположительно заварил всю эту кашу, но является ли он лидером, держащим при себе хаос-генератор, мы не знаем.

— Кто второй?

— Со вторым все ясно, его роль — денежный мешок. Исходя из прикидок, сколько все это могло стоить, именно он платил за весь цирк.

— Кто он?

— Сын одного из моих уважаемых клиентов, — сказал Net4er.

— Мы как-то можем использовать это?

— На текущий момент это не есть преимущество. Это ограничение. Открывая карты перед отцом этого парня, мы

вводим в расклад дополнительный риск. Пока с этим слагаемым я не стал бы оперировать.

— То есть мы вычисляем остальных?

— Да, пока так…

…Эфир заполнился разноголосицей профессионального сленга. Началась рутинная работа, для большинства из членов команды мало чем отличавшаяся от того, что они делали каждый день. Последовательность единиц и нулей. Удачи и поражения. Спады и подъемы. Жизнь, переформатированная в биты. Года жизни, спрессованные кремнием процессора в двоичный код. „Порт-один. Что в приоритете?“ — „Мост-два, мы набираем сырец. Хватайте все, что видите. Все, что есть на этих двоих. Обработку ведет Овраг-один“ — „Мост-два принял“ — „Это относится ко всем группам, указание было вполне четкое и вопрос закрыт. Всем понятно? Больше повторяться не буду“.

Аналитическую обработку данных взяли на себя ребята Net4er'а. Они работали с киберсанскритом и дайс-глифами, семантика которых для оперативников из „Скифа“ была не более понятной, чем кантонский диалект. Группа „Овраг-один“ молча принимала на вход весь трафик от групп Шершня, конвертировала в удобный для себя формат и работала со своей версией дайса, по плотности приближавшийся к „нулевому базальту“.

Net4er предложил сделать небольшой перерыв.

Шершень вышел на балкон и достал пачку сигарет.

Обычная городская суета обходила этот элитный квартал, огороженный от остальной части города трехметровой стеной и склонами старых киевских холмов. Ритм мегаполиса оставался за периметром, городской шум доходил сюда глухим эхом. Улицы района были пустынны. Жители обычно не задерживались на улице, стремясь поскорее скрыться в своих домах-крепостях.

— „Друг, оставь покурить…“

Калач тоже решил проветриться.

— Коля, что это за история с наказанием?

— Все полиморфы, которые уличены в конфликтах друг против друга, были уничтожены.

— Кем?

— Судя по всему, самим Арбитром.

— Даже вот так? И как это он смог осуществить?

— Разное говорят. Что ты слышал о Трех Протогонах?

— Много интересных сказок.

— Уничтожение не случается сразу после того, как полиморф совершил преступление. Чаще это происходит через какое-то

время и выглядит как естественное событие, стечение неблагоприятных обстоятельств. Есть гипотеза, что Арбитр получил контроль над одним из Трех, которых в свое время похитили с Холма.

— Младший демиург Си-Джея работает на полиморфа-изгоя? Еще одна интересная сетевая байка.

— Расскажи Морозовскому, он такие вещи любит записывать.

— Думаю, он уже об этом знает. Сам-то ты в это веришь?

— Так или иначе, он имеет особый авторитет на сцене. Его боятся и его слушают.

— При этом он обращается за помощью к тебе. Хотя мог бы погрозить пальцем всем остальным. Странный расклад. Если он такой авторитетный и может прижать кого угодно, то почему не пригрозит остальным?

— Да ничего тут непонятного нет. Конфликты между „эй-ай“ запрещены. Войны с праймами нет.

— Почему?

— Хотя бы потому, что мы объявили войну им. „Охота на полиморфов“, начатая Холмом, продолжается, поэтому формально мы как бы находимся в состоянии „холодной войны“, хрупкого равновесия. Все, кроме Кобольда и еще пары отморозков масштабом поменьше, стараются не нарушать его, но и если кто-то из людей похитил модуль полиморфа, то тем самым он уже совершил преступление и руки развязаны. Какие-то молодые придурки ухитрились это сделать, и теперь они для Снеговика преступники и поступать он будет в соответствии со своими понятиями. Для всех остальных похищение хаогена людьми повод для того, чтобы попробовать самим захватить Старика и тем самым обеспечить контроль над его Семьей. Тут сейчас идет гонка. Кто первый заграбастает хаогена, тот и выиграл.

— То есть пока хаоген в руках этих ребят, это война с праймами. Как только он окажется в руках кого-нибудь из полиморфов другие планары застынут в прыжке под страхом смертной казни.

— Примерно так.

— Интересная ситуация. Если хаос-генератор Снеговика окажется в руках Кобольда, то Арбитр не будет воевать с ним, потому что это нарушение его же правил. И все равно что-то не сходится. Почему бы ему самому не взять под контроль хаос-генератор? Ты не прорабатывал этот вариант?

— Нет. Это не влияет на суть договоренности. Я отдаю хаос-генератор ему и он дает то, что нужно мне. Собственно Снеговику я ничего не обещал.

17–10

…От двух центральных пятен отходят длинные лучи, цепи причинно-следственных связей, соединяющие их с пятнышками и точками поменьше. Странные объемные символы, отдаленно напоминающие санскрит, вращаются вокруг пятен роями со сложной структурой, время от времени попадая в их центр, что приводит к перестройке всех причинно-следственных цепей. Паутина символов беспрестанно меняет рисунок. Визуальная модель аналитического комплекса с длинным названием явно не русского происхождения не знакома Шершню. Единственное, что он может узнать в этой информационной свистопляске — портреты тех двоих, о которых аналитики Net4er'a знают почти все. Сын микро-олигарха Быкова фигура почти стереотипная. На таких „мажоров“ Шершень насмотрелся в школьные-советские и студенческие-перестроечные годы, когда детишки партийных деятелей стали сынишками новоявленных „бизнесмэнов“. Этот представлял собой помесь гламурного богемного тусовщика и „реального пацана“, хотя второе выражалось только в манере держать себя, нежели в „реальной крутости“. Его роль предельно проста — вытаскивать кредитку и платить. Второй… Тоже в чем-то типаж. Константин, парень из области, приехавший завоевывать город. Хотя что-то в нем все-таки есть…

…Они работают молча. Единственное, что объединяет этих троих аналитиков Net4er’a — единое поле обработки данных. Поле, в узорах сложной вязи причинно-следственных механизмов, припорошенных символами киберсанскрита, имеет четкое деление на индивидуальные и общие зоны. Даже неопытному пользователю через полчаса станет понятно, где происходит индивидуальная работа, а где обмен сырыми данными и готовыми результатами. Они работают как хоккейная пятерка, выполняя каждый свою функцию, но вместо голосовых команд и жестов используют общую индикативную область, куда выводятся параметры прогресса и оперативные задачи. По сравнению с ними техи „Скифа“ — болтливые мальчишки, теряющие на переговорах в эфире больше, чем они могут представить. Именно поэтому они сейчас — всего лишь подсобные рабочие, сбрасывающие на группу Net4er’a все, что только могут найти по этим двоим, и всем, всем, с кем они связаны…

Странная парочка. Этот интеллигентный блондин „из коренных“ и девочка „из регионов“. Девка, конечно, огонь. Что внешность, что поведение. Правда, несмотря на длинные ноги и

очень симпатичную мордашку, мозги под прической тоже присутствуют. Судя по данным, задержания за мелкое хулиганство закончились еще года три назад, но крутить хвосты ушастым лохам, снимая у них с мобильных счетов деньги, она продолжает. И этот „мальчик из хорошей семьи“ не только спит с ней, но и иногда помогает в этих делах. Наверное, из чистого фана, поскольку у него особых проблем нет ни с оплатой учебы, ни с крышей над головой. Романтический умный парень, не особенно утруждающий себя размышлениями о будущем. В это паре паровоз она. На экране мелькают ее фотографии в купальнике в полный рост. „Хороша…“. Но в длительной перспективе эти отношения тупик. Пока они не живут под одной крышей, он будет терпеть этого „полковника в юбке“, но рано или поздно… Впрочем, это детали, не имеющие отношения к нынешней ситуации. Главное, что они оба — сокурсники и ближайшие друзья Константина. След взят верно.

Мир тесен. Вот и знакомые пошли. Алекс „Ворм“. Мелкий дилер „серого“ рынка. Он мельком проходил на горизонте года два назад. Торговец плохой, причем не в силу отсутствия смекалки, а сколько из-за своей склочности и вспыльчивости. Неудачник и многодетный отец. Человек неглупый и опытный. Алекс вполне мог бы сойти за лидера, если бы не загвоздка — он редко работает „в поле“ опять же из-за нервишек и не имеет партнеров. Все опять же из-за нервишек. Хотя судя по неофициальному списку долгов, у него сейчас проблемы. Так что, наверное, наступил на горло собственной песне и решил поработать в команде.

К пяти портретам в зоне результатов прибавляется еще один. Ожидаемо. Если бы у них не было первоначальной зацепки, то начать стоило с охраны мегамолла. Для такой операции наличие инсайдера весьма желательно. Охранник, полгода как дембельнувшийся, простой как угол дома, но не настолько, чтоб совсем. По пространству аналитического поля проскакивают ряды видеозаписей общедоступных камер. Десятки, сотни фрагментов. Сейчас роли в группе Net4er'a перераспределились. Ведущей стала Лиля, набрасывающая координаты зон наиболее вероятного обнаружения. Место и время. Похитители встречались и не раз. В мегамолле, на Крещатике, на „Зеленке“. Все вместе или по двое, или трое. Результирующая зона все больше наполняется данными. Охранник установил камеры в зоне сборки, где они перехватили хаоген. Он же передал им исполнительные схемы рабочей строительной документации с обозначением всех

инженерных систем. Борис Пасечник, сержант запаса. Ты тоже вляпался, братишка.

район Дарницкой ТЭЦ 17–10

Промзоны правого берега давно вынесли за черту города. Больше десяти лет назад потоки инвестиций и дефицит пригодных земельных участков вымыли из центра остатки старые цеха заводов и обветшалые корпуса административных зданий. На их месте выросли новые районы — офисные и жилые „свечки“, подпираемые торгово-развлекательной инфраструктурой, кое-как разбитыми скверами и небольшими парками. Теличка, Рыбальский полуостров, заводы „Арсенал“, „Большевик“ и предприятия поменьше свернули мощности и съехали за город, обосновавшись в пределах, ограниченных Второй Окружной Дорогой.

На Левом берегу все осталось практически без изменений. Район, обрамляемый Красногвардейской с одной стороны и чахлым лесом с другой, имел самые низкие шансы на то, чтобы стать чем-то более цивилизованным в следующие лет двадцать. Зона бесчисленных железных коробок гаражей и мелких мастерских, с вечнодымящей Дарницкой ТЭЦ представляла собой лабиринт, по которому бегали стаи бездомных собак, темными вечерами, представлявшими реальную угрозу для одинокого прохожего.

Пятилетний „Фольксваген“ стоит на темнеющей дороге, освещаемой тусклым светом двух бетонных фонарей, около относительно нового здания из легкого металлокаркаса. Зимой здесь не так уныло, свет от фонарей ложится на снег, освещая улицу желтым.

В машине никого нет и человек в рабочей одежде не ее хозяин и даже не водитель. Он курит третью сигарету подряд и смотрит на дорогу, освещенную грязно-желтым светом тусклых фонарей.

Петрович не любит такие дела. Можно было отказаться, тем более что дела идут неплохо. За последнюю неделю дачники навезли столько дроидов-садовников, что работы до восьмого марта хватит. Но деньги есть деньги, и упускать их глупо. Тем более что криминала тут нет.

Наконец из железной двери выходят четыре… Людьми их назвать нельзя, как и роботами тоже.

В модифицированные „каркасы“ дроидов-механиков закачаны модули одного из самых влиятельных полиморфов „нижней сцены“ — Снеговика. Более того, вместе с младшими модулями

охранниками в город прибыл сам хаб.

Петрович знает хаба лично. Конечно, „лично“ в приложении к полиморфу, посаженному в „каркас“ дроида-механика это довольно условное определение. Но внешность это не главное. Когда братки Шахтера наехали на район и обложили местных роботоделов двойным налогом, решать проблему прибыл сам Снеговик. И дело, которое он провернул, говорило о том, что это был именно хаб, сидевший в стальной коробке, покрытой слегка потертым термоформом, синхронно управляя полутора десятками своих младших модулей.

Петрович видел много драк. Он видел как мелкая гопота зло и жестоко размазывала по асфальту нео-эмовцев. Как бывшие спортсмены выясняли отношения друг с другом, как „спецы“ проводили операции на базарах и разгоняли демонстрации „оранжевых“. Всегда это было грязно и мало похоже на хорошо поставленные драки в боевиках. И всегда это делалось с ненужной жесткостью. Чисто человеческой жестокостью, излишней, бессмысленной, бесцельной. Хищники убивают, потому что хотят есть. Жестоко, но быстро, делая столько движений, сколько нужно.

Полиморф провернул свое дело сухо и без лишних движений. Как хищник. Его Сыновья ломали пальцы и руки, лишая братков возможности драться. Без эмоций, без излишеств, ровно настолько, насколько нужно, чтобы противник больше не мог сопротивляться.

Четверо садятся в „Фольксваген“.

Петрович достает „пальм“ и проверяет свой счет. Можно этого и не делать, Снеговик надежен как титановый „каркас“, но ему приятно видеть сумму, капнувшую на его счет.

Зачем Снеговик прибыл в город, он знать не хочет.

18–25

Фейерверк данных затухает. В зоне результатов появляется еще один портрет, юная блогерша, работающая в CityPulse.

— Ты ее знаешь? — спросил Шершень Джипа.

— Она не в моем вкусе… Нет, лично не знаю, но она честная тысячница и генерит неплохой контент.

— Пробей ее активность в своей системе.

— Уже делаю.

Калач смотрел на портреты и делал пометки в своем древнем „пальме“.

— Что думаешь? — спросил Шершень.

— Да чего тут думать? Все неплохо сходится. Эта троица с

одного факультета, робототехники, что такое „каркасы“ и как с ними обращаться знают. Вот этот Константин за последний год собрал на „Вырлице“ шесть роботов. Думаю, что это он каким-то образом узнал о точке выхода полиморфа. Подтянули Быкова в качестве спонсора. Червяк на сбыте. Как они смогли ангажировать охранника непонятно, но факт на лице. Как для дилетантов — неплохая работа.

— Что будем делать?

— Нестабильная группа. Явного лидера нет. Быков платит, но вряд ли он диктует правила полностью. Червяк слишком труслив для таких дел, думаю, что и ввязался он в это не от хорошей жизни. Не знаю… Надо думать, но тактика „бить по лидеру“ здесь не пройдет. Надо ждать.

— Чего? — спросил Джип. — Когда они вывалят объявление в сети? Они привлекут внимание и тогда мы будем бегать наперегонки с другими. Через час узнаем, где они и надо ехать толковать.

— Андрюша, ты о чем? — удивился Шершень. — Как маленький, честное слово. У тебя есть ордер? Они дилетанты, но вряд ли ты сможешь взять их на понт. Вот хотя бы у этой симпатичной брюнетки хватает задержаний, чтобы знать, как вести себя. Я уже про Червяка не говорю.

— Червяк наложит в штаны. Натурально.

— Ладно, это эмоции. Я считаю, что мы должны ждать пока они не выложат объявление и у нас будет повод для разговора в случае чего. Иначе мы их спугнем, и они просто уйдут в отказ.

— Может быть, поговорим с Быковым-старшим? Это будет проще всего.

— Можно, но опасно, — сказал Net4er, — ему придется все рассказать и прогноз простой. Хаоген окажется его собственностью. Либо он решит его продать, либо использовать в одной из своих структур. Я согласен с Колей, надо дать и возможность выложить объявление. Я думаю, что оптимальным вариантом будет, если Снеговик купит это у них.

— А потом тот скажет — зачем я вас нанимал, если Снеговик платит за хаогена? — спросил Джип.

— Задача не стояла получить хаоген обратно, не заплатив. Мы подряжались найти его — ответил Net4er.

— Найти и доставить хаоген ему. — Шершень показал на двоих, сидевших на диване. — Снеговик не собирается лично бегать по городу и ловить этих ребят. Что мы и сделаем. Это оговорено.

— Хорошо, если так. Кстати о Снеговике. Он уже в городе?

— Да.

— Мы можем с ним встретиться? — спросил Net4er.

— Я думаю, что мы должны с ним встретиться, — поправил Шершень.

Головы „мулов“ синхронно дернулись и две пары глаз как бы подернулись поволокой. Так продолжалось с полминуты, пока они оба также одновременно вернулись „в себя“.

— Я пригласил его приехать сюда.

Net4er погладил окладистую бороду.

— Для „попасть сюда“ нужно хотя бы за полчаса предупредить охрану. Но мне очень не хотелось бы, чтобы Снеговик пересекал периметр района. Тутошняя система мгновенно зарегистрирует его профили. Мне будут задавать вопросы. Чего я не хочу.

— Ему не ехать?

— Ехать, но сюда он попасть не должен. Мы встретимся в городе.

Он повернулся к Шершню.

— Думаю, что пора перемещаться в более мобильное место, чем мой дом. Что у тебя в качестве передвижного штаба?

— „Скания“. Места маловато, но человек семь-восемь смогут разместиться.

— Хорошо.

Из дома Net4er’а выходили группами. Шершень решил оставить свой „Фольксваген“ на Воздвиженке и продолжить руководить операцией из мобильного штаба в „Скании“. Он вышел вместе с Джипом и Калачом. Свой „харлей“ геоблогер запарковал там же, где остановился мобильный штаб, в начале Верхнего Вала.

— В принципе, еще есть шанс на то, что все обойдется, — сказал Калач, — На рынке каждую неделю появляются объявления о продаже модулей полиморфов. Если они окажутся благоразумными и не будут жадничать, поставят цену, сопоставимую с другими предложениями, то вполне возможно, что не привлекут внимания.

— Что значит „сопоставимую“? — спросил Джип.

— Пятьдесят-семьдесят тысяч евро. Цена среднепрокачанного хаба. Хаос-генератор Снеговика стоит на порядок больше. Если они выставят его за те деньги, которые он реально стоит, то привлекут внимание не только полиморфов, но и многих других. А это уже будет совсем другой расклад.

— Ты думаешь, что все остальные полиморфы еще не знают?

— Думаю, что не знают. Факт появления нового предложения на бирже не есть повод для усиленного внимания. Я думаю, что ты в курсе, некоторые полиморфы производят краткосрочные

модули, не связанные с хабом, на продажу. Продукт краткосрочный, такая структура может протянуть месяца два-три, но, тем не менее, берут и пользуются. Опять же для краткосрочных целей…

19–55

— Они дали объявление, — сказал Джип.

Разговор, который вели между собой находившиеся в „Скании“, утих.

— Сколько? — спросил Net4er, нарушая тишину.

— Сорок тысяч.

— Маловато, — сказал Шершень.

— Это стартовая цена. Червяк опытный аукционер. Сейчас цена станет повышаться и где-нибудь в районе 70–80 они попытаются скинуть товар. Чтобы получить по десять штук на нос. Более-менее, как я и ожидал, — с удовлетворением в голосе произнес Калач.

— Ладно, что будем делать с ними? Они выставили объявление, вроде как есть повод их потрусить.

Арбитр снова как бы очнулся от сна.

— Когда придет Снеговик…

— … мы решим что делать.

21–05

Группа Net4er’а ушла на расслабляющую медитацию сразу же после завершения своей части работы. Их коммуникаторы отключились сразу после того как Net4er сказал им, что у них есть два часа на восстановление. В принципе, они могли бы отдыхать и до утра, поиск расположения человека в городе по уже четко определенным координатам, или как его еще называли „фэйс-трэйсинг“ являлся операцией, с которой команда Шершня и Джип могли справиться ни чуть не хуже. Обычно массивы видеозаписей из „открытых“ камер, многочисленных точек системы CityPulse и аналогичных блогеровских сервисов стягивались на „сибейзер“, многоядерную систему с элементами искусственного интеллекта. Сибейзер перемалывал видеозаписи тысяч лиц и практически в автоматическом режиме выдал несколько зон для „ручного“ поиска, который техи проворачивали уже сами. В их случае для определения месторасположения подготовительная операция не потребовалась. Быкова-младшего и так держали под колпаком ребята Net4er’а. Видео всей второй половины дня они слили техам „Скифа“, которые быстро

определили, кто и куда уходил из небольшой квартиры на тридцать втором этаже невзрачной высотки на Позняках.

Техи разбились по парам и разобрали „подопечных“. Практически все „подопечные“ разошлись по домам, и только Константин выехал в город.

— Он…

— …скоро будет здесь.

Шершень посмотрел на часы и потом, недоуменно, на Арбитра.

— Ты говорил, что трансфер завершился в районе пяти вечера. Сейчас уже девять…

— Он разговаривал…

— …со своими…

— …людьми.

Калач поднял брови и переглянулся с Джипом.

— Своими?

— Наверное, имеются ввиду те, кого он крышует в промзонах и магазинах с „серым“ товаром.

— …можно сказать и…

— … так.

— Но он скоро будет здесь?

— Да.

Калач порылся в кармане пальто и достал пачку сигарет.

— Коль, пойдем, покурим.

Ветра не было и зажигалки полыхнули точками огоньков почти синхронно.

— Как тебе это нравится — „свои люди“?

— Тебя волнует глобальный аспект этой фразы или то, что Снеговик поломает нашу схему?

— Не знаю… Наверное, и то и другое. Свои люди…

— Типа ты не знал о таких вещах до сегодняшнего дня?

— Знаешь, это типа как ты посмотрел классный американский боевичок, а потом попал на реальную передовую. Я же ни одного живого… кхм… живого, да, полиморфа в глаза не видел. Я на этих двоих смотрю, и у меня из головы не выходит мысль о том, что этим ребятам жестко трахает мозг какая-то программа.

— Какая разница если сотням других людей трахают мозги не прямо через „гвоздь“, а через ящик или компьютерную игру или еще как. Их это устраивает. Меня больше волнует, как Снеговик будет действовать в нашей ситуации.

— …Скоро узнаешь — сказал Калач, указывая сигаретой на два черных минивана, остановившихся у обочины.

Дверь открылась не сразу. Минут пять машины стояли с

включенными двигателями, после чего из одной из них вышел молодой парень в коротком полупальто и черных очках на пол-лица, смотревшимися более чем странно на и так порядком темной улице. Шершень погрузил руку в карман пальто и активировал полноволновой режим „стекол“. Парень огляделся вокруг и пошел навстречу курившим. Он не дошел до них несколько шагов и остановился. Прошла еще минута. После чего он поклонился людям и произнес голосом, лишенным всяких индивидуальных интонаций:

— Приветствую прокси Шершня и прайма Калача.

— …Эмх…. - замялся Калач — мои приветствия уважаемому планару Снеговику — после чего сунул правую руку вперед.

Парень пожал ладонь Калача. Тот тихо поморщился. После того как Снеговик отпустил руку Шершень увидел смятый окурок между указательным и средним пальцами друга.

— Я не буду вам мешать…. наслаждаться воздухом, — сказал он и, открыв дверь автобуса, скрылся за ней.

— …Черт! — ругнулся Калач, — это ж надо так облажаться, — окурок упал на асфальт, — а ему хоть бы хны.

— Титаново-молибденовый „каркас“, что ты с него хочешь?

— Как он тебя назвал?

— Прокси. В терминологии полиморфов это прайм, человек, наделенный властью.

— То есть он из тебя шефа сделал?

— Ну типа того… — улыбнулся Шершень.

— А я, значит, простой прайм.

— Что делать, ты простой прайм.

Калач посмотрел на дверь и как будто проснулся.

— А чего мы здесь стоим, вроде как уже все в сборе?

Вернувшись в „Сканию“, они обнаружили там Джипа и техов, с тихим удивлением взиравших на Снеговика и Арбитра в двух экземплярах. Полуприкрытые веки „мулов“ мелко подрагивали, а Снеговик смотрел на этих двоих, не отрывая полупустого взгляда от них, держа в руках наладонник со шнуром, скрывавшимся где-то в сумочке у девушки. Обмен данными. Прежде чем начать общение с праймами, планары менялись информацией о том, что произошло. Чтобы снизить риск они делали это не через беспроводной канал, а подрубившись „по-дедовски“, через шнур. Когда все закончилось, „мулы“ сели на свои места, а Снеговик обернулся к Шершню.

— Многоуважаемый прокси, я хочу обсудить возможные решения.

— Да, мы можем это сделать.

— Ты знаешь кто они. Стоит ли мне идти сейчас к ним и

взять то, что принадлежит мне?

— Мы знаем, кто они, но мы не знаем, у кого то, что принадлежит тебе.

— Ты сможешь узнать, кто имеет то, что принадлежит мне?

— Это не имеет значения сейчас. Торги уже начались. То, что принадлежит тебе, не хранится у кого-то из них.

— Мы можем говорить с ними сейчас.

Шершень на секунду представил, как это будет выглядеть, и кашлянул в кулак.

— Это одно из возможных решений. Но будет шум.

— Это не имеет значения.

— Это не имеет значения для тебя, планар. Ты уйдешь в Срединный План, а оттуда — в места, где Первичный План принадлежит тебе. Мы останемся здесь. Я брался помогать тебе на других условиях.

— Ты можешь отойти.

— Даже если я отойду, забыв о своих обязательствах перед своими людьми и о своей выгоде, следы оставленные нами, слишком глубоки. Мы пострадаем.

— Ты можешь отойти тихо.

— Не могу. Ты об этом знаешь.

Активацию „стекол“ Шершень не снимал и увидел, как по миниэкранам пошла тонкая рябь. Помехи, вызванные радиосигналами, отозвались на „стеклах“. Он обернулся к Арбитру.

— Говори на общем, здесь все свои.

Помехи пропали.

— Прокси прав, мы…

— … не можем подвести его.

Снеговик посмотрел на „мулов“ и сказал, обращаясь к Шершню.

— Какое решение твое?

— Мы поговорим с ними завтра и убедим в том, что они поступили неверно. Независимо от этого ты должен принять участие в торгах и дать лучшую цену.

— Почему я должен платить за то, что принадлежит мне?

— По большому счету, тебе Старик сейчас не принадлежит. Прими это как данность.

— Ты взялся доставить его мне?

— Да, но это не предполагало платить за то, что принадлежит тебе. Возможно, когда мы поговорим с ними завтра, тебе тоже не придется платить. Но это одно из возможных решений.

— Тогда я заплачу им сейчас. Заплачу много, и вы заберете

то, что принадлежит мне.

— Если ты дашь много, то это увидят другие. Доверься нам. Завтра. Сейчас не время для действий.

— Доверься…

— …ему.

22–05

Снеговик вышел из „Скании“, не попрощавшись. Хотя чего прощаться, его борты остались там же где и стояли, и утром, как понял Шершень, хаб собирался присутствовать в мобильном штабе, чтобы лично следить за всем. „Мулы“ проследовали за ним и через пару минут скрылись во втором суперване, который почти сразу же отъехал от обочины. Да, конечно, этим бедным ребятишкам, сдающим в аренду свои нервные системы тоже нужно отдохнуть.

Усталость навалилась как-то сразу. Он вспомнил, что за весь день так толком и не перекусил, так, хлебал кофе с печеньями целый день.

— Николай, ты действительно решил действовать так, как сказал Снеговику? — спросил Net4er.

— Да. Завтра надо их аккуратно взять и поговорить.

— Не теряем ли мы время?

— Ты сговорился со Снеговиком? — усмехнулся Шершень. — Поедем к ним прямо сейчас?

— Я не сказал, что мы должны говорить с ними сейчас. Но утро уже скоро и с чего ты предполагаешь начать завтра?

— Для начала, выяснить, где товар. Мы так и не знаем у кого „голова“. Сделать это надо до того как мы будем ехать и говорить с ними. Второе, брать их надо одновременно или почти одновременно. Для этого нужно синхронизировать действия групп и желательно, чтобы все они находились в пределах своих домов. Почему это объяснять надо?

Net4er покачал широкой бородой.

— Не надо.

— Ну и хорошо. Поэтому я предлагаю, чтобы аналитики сделали индивидуальные карты передвижения по городу каждого из членов этой веселой компании и сварганили план перемещений на завтрашний день. Второе. Нужны психологические портреты и возможные варианты действия, если мы будем разговаривать с ними не по одиночке, а с несколькими сразу. Я дам команду, этим займутся мои ребята. Если ты хочешь, можешь дать кого-то из своих. К утру будем иметь план игры…

„Скания“ плавно ехала по опустевшему городу, изредка останавливаясь на светофорах. Шершень смотрел через тонированное стекло на бледно-желтые фонари и мелкий снег, падающий откуда-то из середины темноты. Длинный день, начавшийся утренними покупками в супермаркете, подходил к концу. Все сошлись на мнении, что до завтрашнего утра ничего экстраординарного не случится и сейчас автобус развозил людей по домам. Руководить группами на ночном дежурстве вызвался Калач…

— Ничего не понимаю… — вдруг произнес Джип, — Он вошел в метро на „Театральной“, пропал и следующая точка, где он появился — это „Пирамида“.

— Кто „он“?

— Да Константин этот. На выходе из метро „Позняки“ его не было.

— Может быть, вышел на „Харьковской“?

— Там тоже нет.

— Может еще раньше?

— Да вот пробиваю… Вообще, это глупо выходить из метро, чтобы сесть в маршрутку, идущую по тому же курсу.

— Андрей, а может ты устал? Отдохни, пусть ребята его поводят.

— А может, прикрепим внешнее наблюдение?

— Иди, отдыхай… — произнес Калач, — завтра будет тяжелый день.

Джип проворчал что-то невнятное. Калач уткнулся в свой монитор, но через несколько минут услышал, как ритмичное шуршание клавиатуры сменилось на редкие щелчки „мышки“. Он обернулся и посмотрел на Джипа.

Миловидная блондинка с короткой стрижкой, в очках с квадратными линзами, улыбалась с экрана. Улыбка чуть смущенная, но при этом не без сдержанного превосходства. Щелчок „мышки“ и уже та же блондинка в полный рост в бикини. Да, а грудь очень даже ничего, не меньше третьего размера. Бедра узковаты, но ноги ого какие. На следующей фотографии она уже без очков и лицо, улыбающееся озорно и по-детски, уже не так сосредоточено. Присмотревшись, Калач понял, что геоблогер рассматривает фотографии с личного дневника Лили, ученицы Net4er’а, той самой, что дала информацию по Константину.

— Расслабься, она тебе не по зубам.

— Я есть не собираюсь…

— Андрей, лучше и не пробуй.

— Почему? Попробовать тоже нельзя?

— Ты для нее весь на ладони, дорогой. Она работает у Net4er'а и ее учили не только оперировать плотными потоками данных, но и разбираться в людях. Твое прошлое, включая всех баб, которых ты когда-либо имел, твое будущее с оценкой того, сколько ты еще собираешься поиметь, ей понятны и так. Не думаю, что она собирается стать еще одной в этом списке.

— Ха! Я тоже не такой простой…

— Ошибаешься. Net4er со своими ребятами… Знаешь, они не то чтобы далеко от всех остальных, они в другой плоскости работают. Это как высшая лига и первая. Не обижайся, конечно, но мы им не ровня. Так что оставь девочку в покое. Да и себе нервы трепать не будешь, ты же у нас неотразимый мачо, отказа не переживешь.

Джип ничего не ответил. Он еще какое-то время разглядывал фотки и видео, и потом закрыл лэптоп.

Уже полулежа на сидении „Скании“, он спросил.

— Интересно, а как она нашла этого Константина?

— Стечение обстоятельств.

— Не понял?..

— Она нашла его задолго до того как заварилась вся эта каша.

— Нашла?

— Андрей, она Патрульная Net4er'а. Она же занимается „линиями судеб“. Net4er'у серьезные люди платят кучу денег за то, чтобы он предупреждал их о неприятностях. Она непосредственный исполнитель этой работы. Но „линии судеб“ нельзя отслеживать раздельно, это больше похоже на ткань высокой плотности. И смотрит она не только за тем, чтобы линия ее клиента не прервалась, но и видит все, что его окружает. Она каждый день видит десятки, а может сотни жизней, которые обрываются в ближнем горизонте времени. Этот Костя,… Видать, она и его линию узрела в какое-то из патрулирований. И увидела ту опасность, в которой он находится сейчас.

— И что?

— Дурак ты все-таки Андрей… Влюбилась она в него! И когда поняла, что все, этому Косте грозит серьезная опасность, рассказала все своему учителю.

— Блин, да в нем же ничего особенного нет. Такой себе, упрямый пацан из провинции.

— Если такая как она решила пойти на нарушение протокола, значит, что-то в нем есть.

— А что, что?!

— Я думаю, что у него есть будущее. Такое будущее, которого

нет у нас… Спи уже… пятый десяток, а мозги как у подростка.

20 января 2019 года, 8-10
Мобильный штаб

Шум начавшейся недели становился все настойчивее. Город переживал утренний шок пробок и давок, борьба с которыми заключалась в неких полумерах, спасавших ситуацию на какой-то период.

Один из техов, Игорь, молодой паренек, только начавший работать на „Скиф“, вернулся с мороза с кучей бумажных пакетов с логотипами забегаловок, располагавшихся в районе Выдубичьского автовокзала. Джип взял свой „скромный“ заказ и первым делом откупорил пластмассовый стаканчик с еще горячим чаем.

— Николай Андреевич, будешь? — протянул он Калачу гамбургер в яркой обертке.

Калач только проснулся и тер затекшую шею. Спал он в эту ночь четыре часа, потратив полночи на изучение модели, построенной аналитиками Net4er’a и сопутствующие массивы данных.

— Не, я лучше поголодаю, чем эту дрянь жрать буду. Желудок побереги.

— Ааа… — отозвался Джип, левой рукой шурша в пакете. — У меня такой форс-мажор случается редко. Уж лучше это сожрать, чем на голодный желудок работать.

— Твое дело, я и потерпеть могу… Ты лучше скажи как там дела?

— Ничего особенного. Народ потихоньку поднимает цену, пока без особо ажиотажа.

— Покажи…

9-20

— Они повысили цену.

— На сколько?

— Эээ… где-то в четыре раза. Их предложение поднялось в рейтинге. Сейчас они на главной странице ресурса. Пока на нижней строчке, но с такими цифрами они быстро вылезут наверх.

— Покажи.

Джип ткнул в место на экране, где пульсирующими красными полосами показывались наиболее интересные и дорогие лоты виртуального аукциона. Цифры, показывающие количество

просмотров, менялись со скоростью датчика заливки топлива на бензоколонке. Калач снял очки и чуть ли не носом ткнулся в экран. Ничего не сказав, он вернулся на свое место и затарабанил по клавиатуре своего ноутбука. Длинная барабанная очередь завершилась вопросом.

— Карты передвижения готовы?

— Да.

Опять пулеметная очередь и длинная пауза после нее.

— Расклады по психологическим портретам?

— Уже готовы.

После этого минут пятнадцать Калач сидел неподвижно, уткнувшись в экран, не трогая никаких устройств ввода-вывода.

— Что там с рейтингами на аукционе? — спросил он после этой паузы.

— Рейт растет и они уже хорошо оторвались от всех остальных. Явная популярность.

Калач достал мобильник и быстро отщелкал номер.

— Коля? У нас проблемы.

10–45

Сегодня Арбитра принесли другие „мулы“, более нахального и упитанного вида, но такие же молодые, как и предыдущая пара. Говорили они так же, дополняя-перебивая друг друга. Net4er сменил свой обычный стиль ушуиста на более-менее цивильную одежду. Снеговик привел одного из своих „младших“, которого потребовал подключить к локальной сети мобильного штаба. Сейчас „каркас“ сидел со стеклянным взглядом около окна, подключенный через длинный шнур с разъемом USB-Ex к одной из рабочих станций.

— В чем все-таки причина? Почему они резко повысили цену?

— Причина второстепенна, потому что…

— …мы имеем дело со следствием. Надо…

— … думать, что делать дальше.

— Думать быстро — добавил Снеговик.

— Сколько, по-твоему — у нас есть времени? — спросил Шершень у Арбитра.

— Судя по всему, мы имеем дело…

— …не с профи, о них узнают…

— ….через пять-шесть часов….

— …Еще часа два на то, чтобы другие Семьи пришли в…

— … город.

— Почему так быстро? Я думал, у нас есть пара суток как минимум.

— Трафик-трэкеры полиморфов знают все сетевые площадки, где торгуют модулями. Знают вплоть до географического места, где хостятся сервера. Они знают, кто потенциально может торговать этим и… Они никогда не спят, а это делает их эффективность в три раза выше, как минимум, с точки зрения располагаемого ими времени.

— Прайм Калач…

— …прав, — добавил Арбитр.

— Прокси, ситуация вышла из-под тебя — отчеканил Снеговик. — Мы должны были действовать вчера.

— Еще не вышла…

— … брат Снеговик. Я буду знать когда…

— … узнают они и…

— … буду говорить с ними…

— В принципе, у нас все готово. Мы и без этого форс-мажора собирались говорить с ними.

— Они не будут с тобой говорить.

— Говорить, может, и будут, но вряд ли послушают, — сказал Шершень. — Будем начинать? — спросил он Джипа.

— Да все… то есть почти все.

— Что значит „почти“?

— Есть проблема с трэкингом.

— Какая?

— Константин.

11–10

— Что с остальными?

— Остальные двигаются по своим обычным траекториям. С остальными вопросов нет. А этот…Мониторинг наиболее вероятных локаций его появления ничего не дает. Он растворился. Его телефон молчит. Причем сбои уже начались вчера.

— Например?

— Смотри.

Джип разделил плоскость монитора на две части.

— Это запись „Снежной Совы“, регистрационный номер ZS-8003216. Офф-камера Си-Джея, установленная на входе в административно-бытовой блок напротив „Пирамиды“, вчера, около одиннадцати. Основная рамка вокруг выхода из этого торгового центра. А это — альтернативная точка из системы CityPulse, закрепленная на окне одного из домов, зарегистрированная за неделю до этого момента, и смотри на разницу между картинками. Тут он есть, а тут его уже нет. Ему кто-то помогает. Кто-то чешет Общий Депозитарий Си-Джея. Паблик-Деп хакают. Он пропал из поля зрения.

— Паблик-Деп — это не единственная хронокопия Си-Джея, — проговорил Шершень. — Мы можем отслеживать его по другим системам.

— СБУ, МВД Национальный информационный комитет, гейткиперы.

Net4er улыбнулся.

— Что-нибудь попроще, где не будут задавать вопросов?

— Минтранс и гаишники, значит, тоже отпадают.

— Крупные девелоперы по недвижимости подойдут?

— Только не транснационалы.

— Ладно, я свяжусь, — сказал Калач.

— Что еще может служить опорным доменом? Лог его звонков?

— Это уже прямое вторжение, — сказал Джип, — Да и, скорее всего тот, кто ему помогает, прибил лог звонков за последние полгода. Операторы включают эту опцию в стандартный пакет услуг. Один звонок и все.

— Значит, ищем того, кто даст доступ к своему депозитарию. Работаем, ребята.

— Нет, — тихо, но твердо сказал Net4er. — Мы не будем это делать.

— Почему?

— Он не глуп, и, думаю, достаточно опытен. Тот, кто помогает. Он бьет по двум зайцам сразу. Прикрывает своего друга и пытается спровоцировать „мальстрим“. Если мы обратимся за помощью и получим доступ к депозитариям, то это значительно упростит ему задачу. Тебе придется обосновать цель доступа, как минимум, назвать имена.

— Запрос пойдет по закрытым каналам. Для страховки мы вообще можем договариваться обо всем на личных встречах. Как он узнает, кого мы ищем и что ищем именно мы?

— Все правильно, точную цель запроса он не узнает и про нас

тоже. Но как только ты выйдешь за пределы переговорной, аналитики начнут чесать сеть на предмет того, кто такой тот, кого мы ищем. И пользовать они будут обычные поисковики. Он просмотрит статистику запросов и увидит пик. Коля, сколько людей запрашивают твое имя каждый день?

— Примерно полторы сотни, — ответил за Шершня Калач. — Пики бывают краткосрочными и это где-то двести-триста запросов.

Шершень с легким удивлением посмотрел на коллегу.

— Все равно — откуда он узнает, что мы ищем его друга?

— Что мы это — он вряд ли узнает, если только глупостей не наделаем. Но он узнает, что кто-то ищет. И этого будет достаточно, чтобы дать отмашку своему другу быстрее продать полиморфа или вообще сделать ноги из этого города. Он вошел в игру позже. Если бы этот профессионал был с ними с самого начала, то все бы шло по-другому. Маскировка встреч в реале за два-три месяца до операции, несколько ловушек, уводящих по ложному следу, да и толкать они его стали бы по другим каналам.

— Я вообще сомневаюсь, что операция состоялась. Мы должны сфокусироваться на поиске этого человека.

— И начать общаться с этими ребятами. Я не вижу смысла ждать, пока мы найдем его.

— Согласен.

— Да, давайте работать.

— Как распределяемся?

— Net4er возьмет на себя семью Быковых. Коля — парочка голубков твои. Андрей, я так понял, что с этой блогершей ты знаком?

— Да, встречались и не раз.

— Вот и хорошо, общайся с ней. Я подъеду к Червяку.

— Что с охранником? — спросил Net4er.

— Пока ничего. У него сегодня смена, так что до половины восьмого следующего утра с ним говорить не сможем вообще.

Net4er ничего не ответил на это и достал свой коммуникатор.

— Господин Быков? Да, это я. У меня есть срочная информация для вас… Я думаю, что лучше нам встретиться.

после полудня
Мобильный штаб

Подъем с постели. Завтрак. Утренний туалет. Поездка в лифте. Очередь на автобусной остановке или в метро. Приход на работу или учебу, где стандартные движения и алгоритмы

превалируют над необходимостью шевелить творческой частью мозгов. Шесть часов — время чтобы совершить обратную транспортную операцию. Вы никогда не приходите на автобусную остановку в одно и то же время, границы, в которых колеблется это значение, ни слишком широки. Жизнь схожа с колеей, место, где вы окажетесь завтра или послезавтра в определенном месте, предсказуемы с достаточно точной степенью вероятности.

Для просчета маршрутов обычно не требовалось много времени и информации. Место жительства и работы. Характер работы, круг обязанностей, места дисклокации основных контрагентов работодателя. Круг интересов, хобби и схема размещения торговых точек. Друзья, родственники, случайные знакомые. Уравнение со многими известными, в большинстве случаев — ряд простых арифметических операций, не требующих особых алгоритмов для вычисления вероятностей. Вопреки широко распространенному заблуждению, видеоряды камер полного спектра, растыканные по всему городу, использовались только на финальном этапе проработки, для того, чтобы подтвердить те самые разбросы во времени и уточнить распределение вероятности наступления события. При текущем состоянии технологии найти человека, если он, конечно, не хочет спрятаться, становилось возможным за несколько часов целенаправленной работы. Найти не проблема. Как и то, чтобы войти в мягкий контакт или очень быстро изолировать от лишних глаз и ушей. В данном случае проблемой было то, что из уравнения выпало одно из слагаемых.

Проще всего пришлось Джипу. Воспользовавшись своим статусом в геоблогерской иерархии, он вытянул девчонку на „внеплановую встречу“, вроде как для того, чтобы обсудить перспективы ее карьеры в постоянном составе CityPulse. Место и время он выбирал сам. Микрокамера, встроенная в один из многочисленных значков, покрывавших всю правую сторону „косухи“ Джипа, показывала полупустынное кафе где-то в спальном районе. Радостное лицо девочки, пришедшей на встречу, ожидая от нее радостных новостей относительно ее продвижения в класс 5k, а может и выше.

Большую часть информации мы получаем через „язык тела“. То есть по сути, люди вообще могли бы обходиться без слов, выражая свои мысли и эмоции в повседневной жизни с помощью танцев. Шершень отключил звук, когда Джип перешел к „интересной“ фазе разговора. Привычная картинка мира, в которой Джип являлся неким абстрактным авторитетом, но авторитетом добрым и отзывчивым, готовым даже пропиарить со скидкой, развалилась за полминуты. Немое удивление, широко

раскрытые глаза, наполняющиеся слезами. Ладони, поднесенные к дрожащим губам. Он вовремя дал ей одноразовую бумажную салфетку. Потом налил в одноразовый стакан воду. Хорошо, что он не дал ей разреветься прямо там. Пауза. Она несколько минут переваривала сказанное, потом шмыгнула носом. Наверное, Джип включил свое обаяние и перешел в состояние „хорошего парня“. Шершень опять включил звук после того, как она сама налила себе воды и выдавила нечто вроде улыбки. Шок от услышанного прошел, она приняла условия игры.

Кроме того, что они уже знали, из разговора стало ясно, что инициатором всей этой затеи стал тот самый Константин, который пропал из поля зрения. Неплохо, но мало. К тому же она даже не присутствовала на последней встрече их команды, которая состоялась вчера вечером. Напоследок Джип намекнул ей о том, что лишние разговоры с друзьями в ближайшие несколько дней могут сказаться на ее рейтинге в CityPulse и общем положении в блогосфере.

Она просидела в кафе еще полчаса, не трогая ни коммуникатор, ни лежавший перед ней ноутбук, повернув голову в сторону окна. Глядя на нее, Шершень думал о том, что звонить она не будет. Тот случай, когда страх сильнее унижения, сильнее чувства вины перед друзьями, которых еще можно предупредить. Шок от выбора, поставленного перед тобой человеком, которого ты считал, если не другом, но старшим товарищем, добрым и приветливым. Он пришел и сказал всего несколько слов, чтобы изменить все. Промолчи и получишь плюшку, скажешь слово — и все сделанное тобой за последние несколько лет, рухнет в одночасье. Первое столкновение с настоящим выбором, после которого действительно что-то меняется. Жизнь за окном все та же. Бомбы не рвутся, пули не летят. Но жизнь уже перевернулась.

…Если с блогершей-тысячницей почти все просматривалось с самого начала, то от этой брюнетки стоило ожидать проблем. Отец шахтер, мать служащая. Небольшой городок на востоке страны. Отличница в школе и вне ее, но отец был трезвым только на работе, а мать, тихая исполнительная женщина, превращалась в диктатора у себя дома. Поэтому после выпускного Гренка дунула в Киев и дома показывалась только на Новый год. Разглядывая фотографии этой стройной длинноволосой брюнетки „в полный-рост-в-купальнике“, Шершень думал, что она вполне могла зарабатывать моделью или найти себе состоятельного спонсора. Но эта подруга имела не только крепкие круглые сиськи второго размера, но и мозги. Дистанционный взлом мобильных телефонов и коммуникаторов через „блютус“.

Торговля трафиком через плохо защищенные „вай-фай“ точки. Перепрошивка нелицензированных в стране гаджетов. Занималась она и вполне легальными делами, но пятнадцать только зарегистрированных задержаний говорили сами за себя. Если законы в этой стране отставали от прогресса технологий хотя бы на шаг, то она давно уже бы мотала срок в какой-нибудь колонии. Такую на понт не возьмешь, она сопли размазывать не будет, а если поймет что к чему, то крику не оберешься.

Он не стал спрашивать Калача, что тот собирается делать, но, учитывая стаж оперативной работы, знал, что товарищ поступит правильно.

Точка разделения маршрутов наступила в прогнозируемый срок. Брюнетка обычно не ходила на металлографию и, выйдя из корпуса, пошла в сторону общежитий института, отдельного микрорайона рядом с корпусом Политеха. Хорошее место, в это время там обычно мало людей.

Ребята буквально внесли ее в микроавтобус. Она успела заехать крепышу Вове в левое ухо и полоснуть ногтями по лицу Анджея. Шершень не видел других деталей, картинка при таких делах пляшет как сумасшедшая. Следующий видеоряд снимался с камеры, встроенной в ноутбук Калача. Ребята скрутили ее в машине, сразу рванувшей с места. В машине она перестала брыкаться, трезво оценив обстановку уже в первую минуту. Умная девчонка, такую не расколоть разговорами о разрушенном светлом будущем. У нее есть только настоящее. „Ты когда-нибудь видела, как снимают киберклон с человека?“ — „Не, дядя, а что?“. — „Тогда смотри“.

Документальные записи из „горячих точек“ Шершень не смотрел. Не потому что боялся, все это ему пришлось пройти и то, что он видел, никогда не рассказывал даже жене. Пытки, казни, репортажи с поля боя. Страшные вещи, заставлявшие даже взрослых и бывалых мужиков, отворачиваться от экрана. „Снять киберклон“ означало ввести человеку нейрокатетер и запустить нейрофага в нервную систему. Обычно это делалось под наркозом в течение нескольких часов, причем разъем под катетер человек должен был иметь. Он не видел, что конкретно показывал Калач этой наглой и красивой девчонке, но слышал характерный британский акцент и понял, что тот показывает ей „гробовщиков“, обрабатывающих одного из террористов ИРА. Жертва кричала, надрывно, как животное, через эти вопли прорывалось бесконечное „ноу, ноу, ноу!!!“. Потом все затихло. Возня продолжалась еще несколько минут, потом Калач остановил запись. „Как тебе?“. Ответа нет, она опустила голову почти в самом начале. Черные волосы закрывали половину лица.

„Ему ввели общий наркоз, потому что разъема у него не было. Перед этим ему рассказали, что с ним сделают. У меня в коллекции есть еще и то, как это делают под местным наркозом. И как „забирают душу“ арабы у смертельно раненых. В полевых условиях, без разъема, без наркоза. Хочешь посмотреть?“ „Нет, не хочу,… Зачем вы мне это показываете!?“ — „Вы украли одного из Сыновей Снеговика. Я думаю, что в течение суток здесь появятся и другие. Некоторые их не будут задавать вопросов. Они снимут с тебя киберклон и узнают где вы спрятали то, что им нужно“ — „Я не знаю…“ — „Тогда кто знает?“.

Про себя Шершень подумал, что так просто она не сдастся, несмотря, на то, что у Калача действительно большая коллекция „экстремального видео“. Впрочем, долго эти шоу показывать он не будет. Ее „я-не-знаю“ сейчас анализируются и то, на какой ответ она врет, станет ясно очень скоро. Еще до того, как ее мальчик закончит сидеть на лекции по металлографии…

„Скания“ остановилась около развязки перед метро „Харьковская“.

— Может, ближе подъедем? — предложил водитель.

— Нет, Вася, не надо, там парковаться проблемно.

Да и спешить особо некуда, подумал про себя Шершень. Встреча Net4er’а и Быкова-старшего пролила свет на многое. Утренний скачок цены спровоцировал недальновидный сынок бизнесмена, вынудивший Червяка увеличить стоимость лота. Быков-старший, которого Net4er несколько раз сильно выручил своими прогнозами, доверял трафик-трэкеру. Он довольно быстро сообразил, что к чему и сам вывел сыночка из игры, посадив под „домашний арест“, дабы какой-нибудь безбашенный полиморф не прибил „наследника престола“. Семейные разборки проходили в присутствии Net4er’а и он увидел некоторые моменты беседы, что называется „в лицах“. Единственное, в чем Быковы оказались единодушны — деньги. „Бабло вернуть, без базара“. По сути все правильно. Они вложились в это предприятие и они должны получить оговоренный процент от выручки. При этом Старший Бык сказал, что мол, все эти гопники должны вернуть как минимум то, что потратили на подготовку и он в это дело больше никак не лезет.

В результате этих разговоров, Быков-младший подтвердил то, что Константин являлся зачинщиком и всего этого дела. Он рассказал многое другое, что дополнило то видение, которое у них уже сложилось. Все становилось на свои места, но было понятно, что ключевое лицо во всей этой катавасии пропало. Сбои в слежке за ним начались еще вчера, а сегодня в зонах „с

повышенной вероятностью“ вообще ничего не наблюдалось. Где точно лежит „голова“ не знал никто. Знали, что ее хотели отнести на какой-нибудь крупный транспортный терминал, но куда отнесли и куда положили — не знал никто из тех, с кем они говорили. Вряд ли Алекс знал детали, но оставался еще вопрос денег. Он контролировал торговую операцию и имел кучу долгов, которые хотел оплатить с помощью вырученного. Быков-старший позвонил ему при Net4er'e. Все, на что надеялся Шершень — узнать, куда пропал Константин.

Алекс методично катал коляску уже минут двадцать, поглядывая на ребят Быкова, устроившихся в метрах пятидесяти, на детской площадке. Теперь его крышует сам Бык-старший и при этом не требует никакой дополнительной платы. Сынок одумался и все рассказал папе, а эти засранцы боялись…

Пацан заснул и Алекс достал из кармана „планшет“. Да, они сегодня явно в топе и предложения все поступают. Вернуться с прогулки закрыть торг и…

Краем глаза он заметил, что кто-то идет в его сторону. Он оторвал взгляд от планшета. Мужчина лет пятидесяти в длинном пальто, с аккуратно стриженой бородкой и сигаретой в зубах шел в его сторону. Алекс спрятал „планшет“ в карман и посмотрел на ребят Быкова. Они смотрели в его сторону, но никак не реагировали на появление этого человека. Странно, но Быков не говорил, что в дело вмешаются „карпы“.

Шершень сделал последнюю затяжку и выбросил сигарету, остановившись метрах в десяти от Алекса.

— Привет, Червяк.

Алекс посмотрел на спящего малыша и подошел к Шершню.

— День добрый… Я думал…

— Не волнуйся, дилер, Быков в курсе.

— Я не в курсе. — Алекс вдруг понял, что ничего особенного ему не грозит, тем более что этот „карп“, как он знал, играет по правилам.

— Не хами, — коротко кинул Шершень. — В каком состоянии сделка?

— Все путем. Рассматриваю предложения.

— Молодец, хорошо работаешь. И что ты будешь делать, когда примешь решение?

— Какое ваше дело?

— Я сказал — не наглей, — тихо, но твердо сказал Шершень. — Отвечай на вопрос.

— Как будто сами не знаете. Позвоню человеку, который положил товар в ячейку, он даст ее номер и код.

— Константин? Он положил товар в ячейку?

— Да…

— Когда ты последний раз говорил с ним?

Алекс похолодел. Не дай бог… Если этот засранец… Тогда все, куку бабки и он влетает еще на сумму.

— Что с ним?!

— Не знаю. Он пропал. Мы его посчитать не можем. На звонки Натальи и Гренки он не отвечает. Я думал, что у вас с ним более тесные деловые отношения.

Алекс судорожно достал коммуникатор. Гудки длились целую вечность и закончились убийственным „абонент вне зоны“.

— Что, не отвечает?

— Нет… Бляха!.. — Алекс опять набрал номер и застыл с каменным лицом.

— Не парься. Слушай сюда…

— … Я должен платить? — в хорошо промоделированном голосе Снеговика прозвучало-таки удивление.

— Да, — ответил Net4er. — Вы должны платить, хай-планар.

— Но почему? Вы знаете, кто сделал это, и я уверен, узнаете, где принадлежащее мне.

— Дилер не закроет торг, если вы не заплатите. Они должны отдать эти деньги.

— Почему? Я плачу вам, чтобы бы вы мне вернули принадлежащее мне.

— Мы не обязались платить за это. — Net4er посмотрел на Арбитра. — У нас сделка с ним. — Он указал на „мулов“.

— Он…

— … прав…

Снеговик посмотрел на „мулов“.

— Ты можешь не платить, но…

— …тогда я отойду в сторону.

Снеговик молчал несколько минут.

— Что я должен делать?

— Заплатить аванс. Дилер закроет сделку. Мы найдем того, кто знает, где товар и заберем его. Потом ты заплатишь вторую часть. После того, как Арбитр рассчитается с нами, мы отдадим товар ему. Дальше решайте сами.

Ответ последовал немедленно.

— Хорошо.

— …Деньги поступили на счет. Сделка закрыта. Теперь нужно искать этого парня… — сказал Джип.

— Нет, не так. Я уже говорил. Мы будем искать того, кто его

прикрывает, — сказал Net4er.

— Есть еще одна…

— …новость. Семьи…

— …прибывают в город.

18–05
Центральная миссия
„Храма Кремниевого Будды“

Сегодня великий день.

Еще сегодня утром она даже и не подозревала, что Аватара решит воплотиться в Первичном Плане.

Но полтора часа назад ей позвонил Учитель и сказал, что она должна быть готова к тому, чтобы раствориться в Основной Сущности.

По сути, ей повезло дважды. Аватара посещала город раз в три месяца и ее очередь дать ее воплощение должна прийти только через полгода. Но все произошло очень неожиданно. Аватара потребовала не только спутников-охранников, но боевую апсару для своей Основной Сущности. Поэтому две Последовательницы, которые стояли в очереди перед ней отпали. Они не были боевыми апсарами, эти изнеженные служительницы Утреннего Лотоса. Не более чем красивые сосуды для официальных церемоний.

Она разделась донага и вошла в помещение для омовений, на минуту остановившись перед зеркалом. Стройное тело, закаленное долгими тренировками и медитациями, без единой капли жира, но и без излишней худобы.

Аватара будет довольна этим телом.

Быстро, но без суеты она приняла душ и в зал Портала она вошла такая же нагая. Трое молодых людей — двое мужчин и одна девушка — тоже обнаженных и готовых принять в себя Младшие Сущности Аватары уже ждали ее. Рядом с четырьмя креслами с выводами нейроинтерфейса, стояли тумбочки с одеждой. Не говоря ни слова, все четверо заняли свои места.

Последнее, что она подумала перед тем как принять адаптатор, была мысль о том, что жаль, что она ничего не будет помнить об этом пребывании Аватары в Первичном Плане…

— …Зафиксирован плотный входящий сигнал в районе штаб-квартиры Церкви Кремниевого Будды.

— Это Даена-Ти.

— Она что, совсем не будет прятаться?

— У нее здесь орава последователей и неплохие контакты

среди местной хакерской сцены. Бояться ей по сути нечего и прятаться не от кого. Менты с этими сектантами связываться не хотят. Боятся как огня.

— Значит плюс один.

— Значит да.

18–45
Воскресенка

Почему он всегда делает это не вовремя? Почему всегда застает его посередине чего-то важного и того, что нельзя отложить? Семь часов, разгар рейда, он с гильдийцами удачно пулит эпика и тут появляется Ганкер. Прямо посреди инстанса, хорошо еще не в зоне реагирования эпика. Ну, можно же подождать или на худой конец в чат сообщение написать.

Да, ДКП завтра снимут, как пить дать. Уход до завершения рейда — это серьезно. Но отказать Ганкеру нельзя. Это уже данность, которую он не в силах изменить.

Когда они заключали сделку, все представлялось немного по-другому. Временная аренда тела по заранее согласованному графику. Взамен — приличные деньги за эту аренду и решение некоторых проблем, на тот момент весьма серьезных. Да и вообще, неплохо, с такими деньгами можно работать на полставки или вообще не напрягаться, а играть себе полдня.

Но когда хаб подключается к твоей нервной системе и ты становишься его „мулом“… Раздвоением личности это назвать нельзя. Ты полностью осознаешь себя, но не владеешь собой. Руки и ноги делают то, что хочет хаб. Тело идет туда, куда хочет идти хаб. И говоришь ты не то, что следовало бы, потому что ты весь не принадлежишь себе. Ты принадлежишь ему.

Правда, все это в лучшем случае. В худшем — после подключения хаба ты просто проваливаешься в сон без сновидений. И приходишь в себя потом, хорошо, если в своей квартире. Полтора года назад Ганкер захотел понять, что такое секс. Утром было весело. Еще веселее было добираться в шесть утра с Отрадного, на котором он лет пять не был. Хорошо, что еще он решил понять это с женщиной, потому как потом признавался, что хотел попробовать „альтернативный вариант“, потому как он все еще не понимал кардинальной разницы между женской и мужской психологией.

Самое противное, что после всего ты чувствуешь себя, как будто отдал не тело, а душу взаймы.

Еще три года. Три года и все, контракт закончится.

А сейчас надо принять душ и переодеться.

Запустить трансфер с последней перед загрузкой догадкой о том, где завтра ты окажешься.

20–15
Пересечение Большой Окружной и трассы Житомир-Киев

Вторая Окружная опоясала город чуть меньше десяти лет назад. Хотя официально Киев оставался в пределах границ, определенных генпланом прошлого века, все уже давно считали Вторую Окружную городской чертой. В особенности после того, как до Больших Развязок дотянули линии скоростных поездов, которые за считанные минуты доставляли пассажиров в ядро семимиллионного мегаполиса, и после того как была введена жесткая система контроля над иногородним транспортом.

На ее пересечениях с трассами европейского значения возникли не только трехъярусные развязки. Земля около этих узлов была застроена торговыми центрами и складскими комплексами, не считая всякой мелочевки вроде магазинчиков и закусочных на колесах. Подобные стоянки „кочевников“ возникли вокруг всех мало-мальски серьезных транспортных узлов.

Восьмирядный крест трехъярусной Западной Развязки, в высшей точке опиравшийся на четыре циклопические опоры, нависал над Лежбищем сырой бетонной тенью. Здесь, где Окружная пересекала Житомирскую трассу, находилась крупнейшая стоянка кочевников Магистрали во всем регионе.

Статистика говорила о том, что на Лежбище можно было спокойно разместить десяток футбольных полей, и еще бы осталось место. Лужаек здесь не было. Несколько крупных кемпингов вкупе с ресторанами и мотелями на одну ночь, магазины, в которых можно было купить все, от тридцативатных лампочек до плечевых за полсотни евро, черный рынок запчастей, стальные закусочные на колесах, суетившиеся между дальнобойными траками и автобусами международных линий — биз шумел здесь в любое время суток. Вечером и ночью Лежбище освещалось своим собственным звездным небом — гирляндами мощных прожекторов, прикрепленных к внутренней поверхности развязки. Этот свет, впрочем, не мешал дельцам всех расцветок делать свой маленький темный бизнес.

Четвертая четверть поля, если идти по часовой стрелке, глядя на запад, была оккупирована бортами с Магистрали. Отсюда магистральщики уходили на трассу и приходили на краткосрочный отдых. Крупнейшая стоянка восточного края Магистрали была нейтральной территорией, наподобие кейджей, где были запрещены любые выяснения отношений между

конкурирующими хакерскими и гейткиперскими кланами, между технокрысами и оперативниками кибернетических полиций. В радиусе тысячи километров это было единственное место, где ветераны из [JPG] и дабблтимеры Толстого не грызли друг другу глотки.

Две минуты назад на Лежбище прибыли пять черных трехосных бортов, с заляпанными дорожной грязью боками. На левых водительских дверях всех машин красовался модифицированный логотип Windows Smart Home — классическая „форточка“ обкусанная крысой с разных сторон.

Двое, сидящие в невзрачном старом „Ланосе“, наблюдали за этим ожидаемым прибытием через небольшой встроенный монитор приборной панели автомобиля.

„Вайперы“ прибыли».

«Это мы видели. Но это пока еще мало о чем говорит».

«У них хорошие связи с Кобольдом».

«Просчитывайте точку входа. Если они привезли его, то закачка на эти борты произошла в течение трех последних часов на трассе Е-40».

«Уже делаем, „Овраг-один“».

«Мы займемся водителями ванов».

Хакерский клан [Wipers] не подчинялся Кобольду напрямую и не являлся самым крутым в этом сегменте Магистрали, но пересечение границы кем-то из [Slakers] или [BMP] сразу вызывал бы интерес со стороны трафик-трэкеров.

Братислава — Ужгород — Ивано-Франковск — Житомир. Маршрут следования бортов отматывался в ускоренном режиме и обратном порядке.

«Ивано-Франковск. Они полчаса провели на бывшей территории завода „Автоливмаш“.

„Лейка“. Там куча мелких мастерских. Хорошее место для точки входа. Там и каркасы приличные арендовать можно. Мощность сигнала?»

«Шесть пакетов, один из них длиннее остальных примерно в полтора раза».

«Работайте дальше. Нужна полная уверенность, что это Кобольд».

«Может прозвонить каркасы? Дело пяти минут».

«Пока не надо. Кобольд из тех, кто быстро узнает, что его щупают».

Калач снял «капилляр» с уха.

— Пустышка. Левая ботва. Это, конечно, его борты, но пересекать Периметр города на колесах… Ну это как штурмом

брать банк в центре города в светлое время суток. Он отвлекает внимание.

— Снеговик уже отправил туда своих.

— Зачем? Танковать их, когда они двинут в сторону городской черты? Ха! Но это же глупость, Коля!

— В городе тоже есть фильтры Периметра. Профили Кобольда там сидят уже несколько лет. Если что — его обнаружат в считанные минуты и будет такой же шум, как если бы он пересекал Периметр в районе городской черты.

— Я думаю, что ему известны места расположения узлов и нитей этой сети. Он сможет выстроить маршрут

— Ты не думаешь, что «Вайперы» работают не как перевозчики, но по своей прямой специальности? Все крупные атаки Кобольда в городах сопровождаются массированной поддержкой хакеров. Не один из местных не будет с ним связываться, потому что это означает очень большие проблемы. А эти — «варяги», гастролеры. Приехали, насрали и ушли за границу. В Россию или Белоруссию, а там лови ветра в поле.

— Что ты предлагаешь?

— То, что ты думаешь, но боишься сказать, Коля.

23–15
Мобильный штаб

— Ну что?

— Глухо. Ребята чешут опорный домен его знакомых и список «друзья друзей». Никто из тех, кто хотя бы близко мог иметь отношение к сцене трафикеров. Так, мелочевка всякая. Может быть, с ним действительно случилось что-то? Несчастный случай? Или кто-то прихватил его до того, как поняли, что именно его нужно искать в первую очередь.

— Все может быть. Он блогер-тысячник, вполне возможно, что ему помогает кто-то из его подписчиков.

— Этот список мы тоже сформировали.

Net4er указал на экран.

— При текущем алгоритме это вы отработаете за часов двадцать, не меньше.

— Что ты хочешь предложить?

— Я сам этим займусь.

— Тебе нужно твое оборудование?

— Я сам себе оборудование.

Шершень не знал точно, сколько «железа» за последние годы Net4er запихнул в свою башку. Он одним из первых начал эксперименты с вживляемыми гаджетами и усилителями еще в то

время, когда большинство считало их предметом киберпанковских рассказов. Его окладистая борода являлась не столько имиджевым атрибутом, сколько маскировкой полутора десятков разъемов самого различного калибра. От природы склонный к облысению, он спрятал это под «старообрядческой» бородой.

— Я только что скинул ребятам список, когда они придут, просто пропусти их ко мне.

Стимуляторы. Net4er собирался войти в состояние «бегущего архата» и сделать полуторасуточную работу группы профессионалов в одиночку за несколько часов.

Киев,
20 января 2019 года, 22–30
Район бульвара Лепсе

Напряжение последних дней сменилось тупой расслабленностью. Костя лежал на довольно широкой кровати в комнате, практически лишенной мебели. Эта кровать и стойка с монитором, и универсальным проигрывателем. Аккуратная этажерка с дисками Blue-Ray стояла около кровати. Больше ничего.

Тарелка с бутербродами и пара бутылок пива. Какой-то совсем неизвестный аниме-сериал с неизменными роботами, девочками с большими глазами в коротких школьных юбках и мальчиками, спасающими то ли девочек от роботов, то ли роботов от девочек. Вдаваться в сложности сюжета не хотелось. Он тупо смотрел на экран и ритмично подносил бутылку пива ко рту, чтобы сделать очередной небольшой глоток.

Шторы он задернул и выключил свет. Уютная конура, мечта отаку или он-лайнового задрота. Шум улицы почти не проникал сюда, разве что свет редких машин, заезжающих во двор этого дома. Пару раз он слышал, как мяукали кошки сварливой соседки. Оба коммуникатора лежали рядом с ним на кровати, куда он забрался, не раздеваясь. Какого? Душ можно принять завтра, а смены белья он все равно не взял. Может, Кэп притащит ему что-то завтра. Хотя каким будет это завтра? Думать не хотелось, хотелось рассматривать большие глаза девочек в коротких юбках и думать о том, что сегодня пока еще сегодня и никто не знает, где он сейчас.

«Родной» коммуникатор звонил несколько раз, но Костя даже не смотрел кто это. Смысл? Кэп сказал не отвечать на звонки и не вылезать из квартиры. Сколько дней?… Какая разница? Отвечал он себе и опять делал глоток. Может, он совершил ошибку.

Может, еще все образуется. Может он даже поимеет что-то с этого. Может…

Сознание медленно проваливается в глубину миллионного мегаполиса вместе со стальным эскадроном роботов, то ли защищающих город от девочек в коротких юбках, то ли наоборот. Последние два движения — поставить бутылку на пол и выключить экран — он совершает уже почти провалившись в сон.

Киев,
21 января 2019 года, 08–30
Около клуба «Плazдарм»

— Ты уверен?

— Более чем.

Шершень про себя хмыкнул. «Ну, раз так…». Сегодняшней ночью они все ночевали практически на ногах. Вернее в машинах. Кто-то ушел на свой борт, кто-то стался в «Скании». Шершень проворочался часа полтора, пытаясь заснуть в кресле, которое предназначалось для того, чтобы на нем сидеть. Часа в три он провалился в рваный полусон, прерывавшийся храпом Джипа.

«Скания» остановилась.

…Они стояли у двери в клуб минут десять. Шершень успел скурить две сигареты и разглядеть татуировку на запястье охранника. Можно, конечно, попросить ребят убрать этого крепыша с улицы, но шума будет много, да и лишнее внимание никому здесь не нужно. Их компания и так выглядит достаточно экстравагантно.

Наконец, дверь открылась, и из нее вышел высокий худой человек. Он оглядел стоявшую около входа толпу. Его взгляд прошелся по лицам со скоростью полиграфического сканера. На мгновение он задержался на массивной фигуре хаба и его Сыновей, потом на «мулах», но на лице не отразилось ничего.

Его взгляд останавливается.

Net4er спокойно смотрит на высокого мужчину.

— Ты? — говорит высокий.

— Я, — как всегда спокойно отвечает Net4er.

Паузу нельзя назвать неловкой. Охранник прижимает ладонью горошину микрофона в ухе и, скорее всего уже готов вызвать милицию. Потом происходит то, что не слабо удивляет Шершня. На лице высокого появляется широкая улыбка, он подходит к Net4er'у и обнимает его как старого друга. Со стороны сцена выглядит не только трогательной, но и комичной.

— Слава Богу, хоть какие-то хорошие новости за этот день, — высокий ослабляет хватку и оборачивается ко всем остальным.

Значит так, полковники идут со мной, рядовые остаются за дверями. У меня слишком маленький кабинет…

— …Кэп, где он?

— Сидит на одной из моих нычек. В смысле, на квартире.

Шершень проворачивал в голове цепочку фактов и не мог понять, где ее начало, а где конец. Или мир стал настолько тесен, или «молодые львы» так и не вышли на «тропу войны», потому как все больше на дороге встречаются ребята из его поколения. Кэп, владелец одного из самых экстравагантных ночных клубов города, в прошлом серьезный игрок на рынке Real Money Trading, спекулировавший виртуальными ценностями и валютой онлайновых миров. Лет пять назад он «работал» в юго-восточном секторе и сингапурские ребята не раз рассказывали о его проделках на местных виртуальных биржах и тотализаторах. Они удивлялись тому, как он мог делать такое. Шершень тогда навел справки по своим каналам и понял, что удивляться особо не чему. Кэп владел диггерским инструментарием не хуже бустеров GK и шиваитов. Игрок рынка RMT оказался парнем продвинутым и оригинальным. И умным настолько, чтобы свалить на историческую родину вовремя, до того, как им бы занялись всерьез. Здесь, на родной земле, он успешно вложил средства в недвижимость и умерил свои амбиции на рынке голдселлеров, сосредоточив свои усилия на проекте «Плazдарм». Клуб, воспроизводивший стилистику раннего киберпанка 80-х, стал центральным местом сбора «цифровой богемы» не только Киева, но и местом паломничества адептов цифровой субкультуры из Москвы, Питера и Риги.

И вот сейчас этот одиозный авантюрист выступал в роли ангела-хранителя для одного из тех ребят, которые похитили хаос-генератор Снеговика. Может быть какая-то другая игра? А может в этом мире еще осталось место для благородства?

— Может пусть просто скажет, где он спрятал «голову»? И заодно даст код камеры хранения?

— Не думаю, что это хорошая идея… Товарищи майоры уже, конечно, не слушают телефонные разговоры, но, тем не менее, системы «Эшелон» никто не отменял. Я просто сделаю ему звонок, и он придет на терминал. Думаю, что я пойду с вами, а то у вас такие нервные лица, что в пору всем валерьянку пить.

Кто-то усмехнулся, но не слишком ловко.

— Звони, — сухо сказал Снеговик.

Кэп бросил взгляд на полиморфа, но ничего не ответил.

— …Да, привет, парень. Есть хорошие новости. Закуску уже

купили, дело за тобой. Да, подгребай туда, куда договорились… Да ладно, после переговорим.

Слайдер тихо щелкнул.

— Все, дело сделано…

Кэп не успел договорить. Джип, ни на минуту не прекращавший мониторить ситуацию на своем планшете прервал его репликой:

— У нас проблема.

— Что?…

— У нас проблема, реальная проблема. Борты Кобольда сорвались с Лежбища и начали движение к черте города.

В комнате повисла тишина.

— Собственно это еще не повод для паники, — сказал Калач.

— Собственно да, но профили Кобольда известны службам безопасности города и когда он пересечет Периметр на КПП, его засекут. Сигнал пойдет на все диспетчерские кластеры.

— Это если он пересчет Периметр.

— Борты разгоняются в сторону Киева. Он пересечет Периметр минут через двадцать, если не меньше.

— Скорость реагирования оперативников?

— Пока его просто возьмут под наблюдение и будут вести на коротком поводке. Если начнутся осложнения, то, скорее всего, последует нейтрализация.

— Он знает, — произнес Net4er. — Кобольд знает, где этот парень. Он его вычислил. Иначе бы не действовал так решительно.

— Но как!? Кэп разговаривал по телефону меньше минуты — удивился Шершень.

— Какая в жопу разница!? — почти заорал Кэп.

— Куда он подгребет?

— Дарницкий вокзал. «Голова» в одной из камер хранения.

— Через сколько он будет там?

— Полчаса до метро еще полчаса на нем. Через час, получается.

— Хорошо, едем.

— Погодите, не проще ли будет перехватить его где-то по дороге?

— Что мы выигрываем? Через полчаса он будет в метро.

— Ну, мы хотя бы должны понимать, где он. Кэп, сними колпак, полиморфы все равно знают, где он.

Кэп прищурился.

— Это еще не факт… Думаю надо поставить ваших ребят на выходах из ближайших метро и пасти его там.

— Может, ты ему позвонишь и скажешь, что есть проблема?

— Еще хуже, он может запаниковать и тогда ситуация станет непредсказуемой.

— Ладно, пусть будет так. Шеп, ты пойдешь со мной.

Близнецы синхронно подняли головы.

— Нет…

— Нет…

— Что значит «нет»?

— Кобольд будет в городе и…

— …я не могу рисковать…

— …мулами, мне нужны…

— …каркасы. Мне нужно…

— …пересесть.

— Сколько времени тебе нужно?

— Полтора часа, но…

— … ты можешь отдать «голову»…

— … Снеговику.

— У меня договор с тобой.

— Ты мне…

— … не веришь?

— Нет. Не верю. Сначала я хочу получить то, о чем мы договаривались. Потом ты получишь «голову». Поэтому или ты сейчас идешь со мной и все закончится через час, или выбирай другое место встречи.

Близнецы ничего не ответили.

Кэп заерзал на стуле.

— Ребята, не знаю, что кому чего обещал, но мы теряем время…

08–30

Мобильный штаб

Сеть вокруг города. Сеть, пересекающая основные городские магистрали и публичные места. Сложная система из пространственных фильтров различной конфигурации, созданных на основе прикладной квантовой механики, в которой главной из подсистем является один из лучших оптико-механических полноволновых комплексов слежения. Сеть в практически прямом смысле слова, предназначенная ловить что-либо или кого-либо.

«Периметр».

Пятнадцать лет назад на въезде в город стоял КПП, в котором дежурили товарищи гаишники, а иногда и эмведешники. Теперь их присутствие в кирпичных башенках на въезде в город было не более чем бутафорией, данью традиции. Настоящая «стража» сидела за пультами Периметра, отслеживая въезжающие и

двигающиеся по городу автомобилями и людей и что немаловажно — определяя то, что они несут на себе.

Конечно, держать под контролем три миллиона единиц транспорта и шесть миллионов людей не смог бы даже самый продвинутый «эй-ай» или конклав из гейткиперских деми-личей. Поэтому диспетчеры Периметра «пасли» только тех, чьи профили находились в базе системы или по оперативной наводке.

Доступ к системе имели не только официальные структуры, но и корпорации, за «абонплату» которых, в принципе, и содержался этот хай-тэк комплекс…

— Что показало сканирование?

— То, что и раньше — «каркасы» и обычный хакерский фарш.

— Ничего не понимаю… Он все-таки решил брать город штурмом?

— Может у него есть разрешения на ввоз?

— Ты так думаешь?

— А чего мы гадаем? Через несколько минут он пересечет черту города.

Шершень повернул голову к монитору, который с разных ракурсов показывал колонну из шести суперванов, на крейсерской скорости шедшей в левом ряду трассы Житомир-Киев.

Колонна пересекла виртуальную границу Периметра в районе знака «город-Киев-приветствует-Вас», и, не снижая скорости, пошла в сторону жилых высоток, обозначавших начало проспекта Победы.

Из КПП никто не выскакивал и не свистел в свисток. Внимание Шершня переключилось на другой участок монитора. Тот, где можно было наблюдать обстановку около оперативных подразделений милиции и «седьмого отдела» Холма. Реакция не заставила себя ждать. Через три минуты из внутренних дворов с фейерверками мигалок выехали группы оперативного реагирования. По закону джипы, несущие на себе «каркасы», должны были пройти досмотр и проверку разрешения на ввоз. Проскочив через КПП без этого досмотра, они автоматом навесили на себя как минимум два административных нарушения.

— Это ботва, Коля, левая ботва. Он отвлекает внимание. Это какая-то многоходовка.

— Без балды…

Выйдя на проспект, джипы разделились — четыре продолжили путь в направлении центра города, два ушли под мост на проспект Палладина, в сторону развязки на Гостомель.

— Красиво разъехались.

— Судя по всему, они знают что делают.

Красные точки на экранах — это джипы мобильных хакеров. Синие — оперативные группы «быстрого реагирования».

Два ушедших на развязке джипа останавливаются около метро «Академгородок» и из них выскакивают пассажиры, бегом скрываясь в норе перехода.

— Это не «каркасы». Это живые люди.

— Это я вижу.

— Ничего не понимаю…

— Андрей, на что отреагировал Периметр? На профили или на «каркасы»?

— И на то, и на другое. Мобилизация остальных подразделений уже началась. И, кстати — новая воронка тоже.

— Кобольд в городе…

Синие точки приехали через три минуты, заблокировав оба джипа. Несколько минут спустя из джипов вышли пассажиры с руками за головами. Началась процедура обыска.

— Еще один джип остановился у метро «Святошино» и сбросил человека.

«Каркасы» оказались пустыми, оперативники их вытащили из автомобилей и положили около бровки.

— «Нивки». То же самое.

— Что он делает?

— Отвлекает внимание и ресурсы. Классика. Пустые каркасы без «эй-ай», провезенные через черту города, не более чем контрабанда. И то, скорее всего на «Лейке» их собирали из «белых» запчастей, так что речь идет просто о нарушении правил досмотра. Кобольда в этих «каркасах» уже нет.

— А где же он сам?

— Я думаю, что в метро…

— В метро? Он что, собирается ехать на «мулах»?

— Хакеры никогда не работают «мулами», это для них или начало карьеры или ее конец. Он собирается доехать до места на внешнем носителе.

— Оперы наверняка дали команду задержать этих пассажиров. Их гаджеты проверят в первую очередь.

— Кто сказал, что он будет использовать один гаджет?

— Не понял?

— В Лондоне он использовал «перераспределение». Техника рискованная, но эффективная. Хакер заходит в вагон, ломает пять-шесть мобильных или персональных коммуникаторов и загружает в них части полиморфа. В случае, если его берут — его

гаджет чист. Потом Кобольд просто собирает себя по кускам и транслирует на другой гаджет. Смотри, эта четверка уже рассыпалась по всем станциям, вплоть до Политеха. Они будут везти его до «точки сборки».

— То есть он рассыпается по разным носителям?

— Да, у хаба есть набор базовых функций, составляющих его ядро и второстепенные библиотеки типа функций координации опорно-двигательного аппарата, которые в таком путешествии ему мало нужны.

— В конце концов, ему понадобится «каркас».

— Эта часть меня волнует больше всего. От того на что он пересядет, будет зависеть то, что нам придется делать дальше.

— Где Арбитр?

— Не знаю, он молчит…

— По-любому надо подтягиваться на вокзал. Кобольд точно знает куда ехать.

— Согласен.

— Да, согласен.

— Что с нашим «мальстримом»?

— Все больше и больше. Думаю, операм понадобится часа два-три, чтобы понять, кто так или иначе замешан в этом. Более шустрые поймут еще раньше.

— Ты имеешь ввиду топовиков-полиморфов?

— Их тоже.

Джип присвистнул.

— Борты Снеговика начали движение к городу. И от него идет передача каких-то данных по автомобилям.

— А ну-ка…

— Вот это уже не порожняк…

Колонна машин состояла из семи разномастных джипов, лишенных каких-либо клановых знаков. Они неслись в сторону города на скорости в полторы сотни километров, беспардонно разгоняя всех, кто шел в левом ряду. За ними шли борты Снеговика.

— Он что решил пойти на абордаж прямо сейчас?

— Не знаю, он молчит.

— Что охрана Периметра?

— Пока ничего, они пока заняты первой партией.

— Чуваки, а вообще мы с ним в одной команде?

— Нет, он наш клиент.

— Странные отношения…

— Не могу понять одного — почему Кобольд не пошел в

город с Бориспольской трассы?

— Потом поймем…

Следующие пять минут все молча созерцали, как колонна прошла последние километры перед чертой города.

Семь джипов пересекли Периметр, не снижая скорости. Следующие полминуты все смотрели на оперативную информацию Периметра. Потом монитор взорвался красным экраном общей тревоги.

— Что это?!

— Наны. Это наны…

— Какой тип?!

— «Сэндмен».

Вторая колонна трансформировалась в клин и теперь в этой конфигурации продолжала разгонять всех впереди себя. Борты Снеговика шли в разброс, пытаясь догнать Кобольда, но безуспешно. Не снижая скорости, клин вошел на проспект Победы. Борты проследовали дальше, до того участка, где противоположные полосы разделялись высокой стальной оградой. На другом мониторе было видно, как синие точки оперативников подтягиваются к въездам на проспект.

— Не так надо делать, не так, — пробормотал Калач.

— Что не так? — откликнулся Джип.

— Это ловушка…

Клин прошел мимо «Политехнической» и четыре крайние машины резко и беспорядочно рассыпались по полосам, сталкиваясь с соседними авто, вызывая цепную реакцию столкновений. Немая картинка на мониторе безучастно показывала, как стройный поток автомобилей сминается в беспорядочный хаос из металла и пластика. Все борты Снеговика оказались в центре этой свалки и только один смог прорваться и продолжить преследование оторвавшихся вперед трех джипов.

— Второй сигнал тревоги!

— Еще бы… — хмыкнул Шершень.

— Нет, на КПП Бориспольской трассы!

— А ты спрашивал, почему он не идет в город с другой стороны.

— И опять наны…

Шершень оторвался от мониторов.

— Ленинградская площадь. Через минут пять будем на месте. Звони своему парню.

Кэп внимательно посмотрел на Шершня.

— Ты уверен?

— Не отвечает. Ничего не понимаю.

— Наши там уже есть? — откликнулся Шершень.

— Две «мостовые» команды.

— Пусть найдут его и не спускают глаз.

— Вот оно самое… — проговорил Джип.

Из опущенных стекол боковых дверей бортов Кобольда шел густой дым темно-синего цвета. Он как бы обволакивал кузова автомобилей и сворачивался в тугую прямую спираль над крышей, игнорировавшую все законы аэродинамики. Наконец дым из окон прекратил идти и спирали оторвались от машин, уходя в высоту ясного синего неба.

— Нанорой.

— Три нанороя… Масса каждого сорок килограмм. Но в составе нет стабилизаторов.

— Это понятно, внутренняя защита Периметра уничтожит незащищенный стабилизатор.

— А нанорои?

— Если бы дело происходило в Лондоне или Нью-Йорке, то да, там бы из них кашу сделали. У нас нет. Скорее всего, стабилизаторы в том транспорте, который едет со стороны Борисполя. Андрей, — сказал он, обращаясь к Джипу. — Сколько «тяжелых полос» Периметра между КПП и вокзалом?

— Одна — ответил тот, сверившись с информацией на экране.

— Значит, перехватить стабилизаторы мы не успеем.

— Ты думаешь там стабилизаторы?

— Что еще? Они протащат стабилизаторы через «тяжелую полосу» Периметра в контейнерах и потом сбросят их в свободный полет. Гоняться за ними бесполезно. Оценивай время до «точки сборки».

— Понял.

— Приехали! — сказал водитель.

— Где он? — выскочив из автобуса, спросил Кэп у оперативника, уже разговаривавшего с Шершнем.

— На вокзале — сказал тот. — Сколько до «точки сборки»?

— Минут десять-пятнадцать, — ответил Джип — рой уже здесь, осталось провести стыковку со стабилизаторами и дождаться самого Кобольда.

— Нормально, успеем, — сказал Шершень. — Иду я и Кэп. Остальные ждут в зале.

— Может тебе дать еще пару ребят? — спросил Калач.

— Отправишь Славу и Вову. С «магнитам». Да и дай мне. Две штуки.

— Хорошо. Разрешение при тебе?

— Да.

— Костя! Ты где?… Центральный блок ячеек?… О, гут-гут, подожди меня там, дружище… Да, три минуты и я подойду.

— Где все-таки полиморфы? — спросил Net4er.

— Снеговик выбрался из пробки и едет сюда. Арбитр молчит.

— Все, все, мужики, после переговорим!.. Сегодня вечером в клубе, выпивка за счет заведения… — Кэп запахнул куртку и потянул за рукав Шершня. — Командир, теряем время…

Они вышли из автобуса и быстрым шагом пошли к главному входу на вокзал.

— Кэп, почему ты ему помогаешь? — неожиданно спросил Шершень.

— Не понял вопроса, камрад?..

— Ты не похож на человека, который делает что-то просто так.

— Какое это имеет значение сейчас?

— Такое, что очень скоро мы встретимся с «эй-аем»-террористом, запакованным в нанокаркас и останемся ли мы целыми после это никто не знает. Ты сильно рискуешь.

Кэп похлопал Шершня по плечу.

— Ты бизнесмен, камрад, и я знаю, какая на какой операционке ворочается твое сознание. Бабло, бабло, все посчитать, не прогореть… Знаешь, о чем я жалею в своей жизни? О том, что в свое время мне на пути так и не встретился хороший человек, который помог бы тогда, когда это действительно было нужно. Костян талантливый парень. Классный блогер и в потенциале — большой писатель. Его не надо вести за ручку, он сам сможет поработать мозгами и локтями. Другое дело, что сейчас он вляпался по самые помидоры, и, если его не вытащить, из этого дерьма, то будущее его вообще не состоится. Ты понял меня?

— Я понял, что тебе от всего этого ничего не надо лично.

— Да, у меня все есть. Хочу, чтобы и у других было то, чего они заслуживают.

— Кэп, ты был комсомольцем? — улыбнулся Шершень.

— Конечно!

— Ты им и остался.

В главном зале вокзала царила суета. Приезжающие, отъезжающие, сумки, чемоданы, наглые таксисты, заламывающие нереальные цены, плазменные экраны с информацией о поездах и рекламой. Шершню подумалось, что меньше всего сейчас нужна паника на вокзале. Тогда у него и всех остальных будут более чем

серьезные проблемы. Шершень одел «стекла» и перевел коммуникатор в беспроводной режим.

Они спустились на первый подземный этаж, где размещались камеры хранения.

Костя стоял у стенки, держа в руках сумку.

— Костян, привет!

Костя сначала радостно улыбнулся, а потом увидел Шершня.

— Это кто?

— Это мой хороший знакомый…

— Я его не знаю, — твердо сказал Костя.

— Значит, будем знакомы, — бодро сказал Шершень. — У нас мало времени, Константин, давайте выйдем отсюда и пообщаемся в более комфортном месте.

— В каком месте? Кэп, кто он такой? И… вторая часть… Где вторая часть?

— Вам все отдадут, — спокойно сказал Шершень. — Я вас убедительно прошу, нам надо выйти из здания вокзала скорее.

— Что происходит!? — выкрикнул Костя.

Стоявшие в камере хранения начали обращать внимание на них.

— Вас посчитали, парень. Не только он, — Кэп показал на Шершня, но несколько полиморфов из числа наиболее влиятельных. Там наверху, парень, сейчас собирает себя из нанов тот самый Кобольд, о котором я тебе говорил. «Сэндмен». Если мы не поспешим, то будут проблемы. Серьезные проблемы. Отдай Николаю сумку и пошли отсюда.

Костя посмотрел на Кэпа, потом на Шершня и потом не слишком уверенно отдал ему сумку.

— Коля, где вы?

— Около камер хранения.

— Кобольд начал сборку. Три единицы. Через главный зал не идите. Есть выход на другой конец вокзала через подземный переход к путям. Я подгоняю машины туда.

— Понял, идем.

— Что? — спросил Кэп.

— Точка сборки, мы уже опаздываем.

— Вот так у нас, славян, всегда, пяти минут не хватает, чтобы уложиться в график…

— Держи, — Шершень протянул руку, в которой был «магнит».

— Думаешь, сработает? — сказал Кэп, быстро спрятав «пушку» в кармане пальто.

— Луч настроен на максимальное пятно. Импульс нарушает структуру «сэндмена» и тормозит его движение. При удачном

раскладе он может выбить стабилизаторы из структуры. Но это если очень повезет. Время перезарядки десять секунд.

— Неплохо.

Длинный, тускло освещенный желтыми светильниками, подземный переход вел на другой, меньший терминал вокзала. Через короткие эскалаторы пассажиры могли пройти к двенадцати колеям, чьи номера светились сине-желтыми пятнами рядом с плазменными табло, показывавшими текущие рейсы. Прибывающие-отбывающие сновали туда-сюда. Те, кто приехал — медленнее, те, кто отбывал — шустрее.

Красная точка тревоги замигала, сигнализируя о близости искусственного интеллекта. Шершень повернул голову в сторону левого выхода на пятый и шестой путь.

Фигура не больше метра ростом стояла около выхода на платформы. Со стороны могло показаться, что это потерявшийся маленький ребенок, прислонившийся к стене, терпеливо ожидающий своих родителей. Проходившие мимо не обращали на него внимания. Ни на то, что вся его мешковатая одежда была черной, ни на то, что под накинутым на опущенную голову капюшоном не было лица, только гладкая и черная, как одежда, поверхность. Шершень поднял голову и увидел, как из вентиляционной решетки тонкими струйками на фигуру опускаются последние группы нанороя.

— Стойте! — сказал Шершень Кэпу и Косте.

— Что?

— Левый выход на пятую платформу.

Наны закончили интеграцию в структуру, созданную стабилизаторами, и фигура оторвалась от стены.

— Дева Мария, Пресвятая Богородица… — пробормотал Кэп.

Кобольд поднял голову без лица и сделал несколько шагов навстречу им и остановился.

— Я думал, что он обойдется без переговоров… — сказал Кэп.

— Я тоже…

Кобольд продолжал стоять неподвижно. Новый сигнал тревоги на поверхности «стекол» указывал на правый выход на седьмую и восьмую колеи.

Их было пятеро. Высокая красивая девушка в просторном спортивном костюме в сопровождении трех молодых людей в почти таком же прикиде сошла с эскалатора и грациозно направилась в их сторону. За ней следовала странная и совсем не спортивная парочка — молодой парень с бледным лицом, в обтягивающей сутулую фигуру куртке, и почтенного возраста мужчина в старомодной кепке, пышными усами, державший

правую руку в кармане серого пальто, а в левой — потертый саквояж, с какими ходят слесари. На стеклах отобразились результаты оперативного анализа. Молодая барышня, ее эскорт и бледный чувак, были «мулами», живыми людьми, несшими «эй-ай», за благовидной внешностью районного слесаря скрывалась модель боевого дроида «Беркут-2»

— Еще один… — сказал Кэп.

Шершень обернулся и увидел еще одного «сэндмена», стоявшего метрах в пятнадцати. Уже отворачивая голову, Шершень заметил, как к ним из прохода от камер хранения не спеша шли Слава и Вова. Расклады меняются каждую минуту. Но Арбитра в этой игре нет.

Переговоры… Переговоры идут. Эти пятеро, что стоят справа. Они говорят с Кобольдом. Они появились и остановили его. Но зачем? Если они хотят того же, что и Кобольд, то уже бегали бы на перегонки с ним. И если они торгуются с ним, то, значит, у них есть марьяж в рукаве. Но Кобольд не для того проперся через Периметр, чтобы говорить разговоры. А они не будут действовать первыми.

Война запрещена.

Это закон.

— Кэп, ты умеешь считать до трех?

— Да и что потом?

— Ты знаешь.

— Не понял….Что потом?

— Раз…

— Что вы делаете? — подал голос Костя.

— Два…

«Это не моя война».

— Три.

Шершень нажал на спуск, не доставая «магнит» из пальто. Черная детская фигура размазалась по пространству, превратившись в овальное пятно с плотными пятнами стабилизаторов, объединенных в строгую структуру.

— А, черт… — ругнулся Кэп.

Раздался чей-то крик. Пятно сжалось опять, возвращаясь в прежние контуры. Шершень выхватил «магнит» и еще раз нажал на спуск, снова превратив Кобольда в аморфную тучу нанов.

— Бегите! — крикнула девушка.

— Ноги, ноги делаем ноги! — прокричал Кэп.

Расклад ясен. Против них только этот террорист.

Еще одно подтверждение этих слов он увидел, уже пробегая мимо пятерки полиморфов. «Слесарь» успел открыть свой саквояж, и из его руки вылетела лента, развернувшаяся на всю

ширину прохода. Кто-то опять закричал. Да, ноги, потому как еще немного и народ вокруг забудет, куда собирались ехать еще пару минут назад.

— Что это за хрень!? — на бегу проорал Кэп.

— Какая?

— Да вот эта — он на ходу обернулся и указал назад.

Шершень, не сбавляя хода, увидел два серых пятна пульсирующих на невидимой стене.

— «Шипучка». Система блокировки нанов.

— Не слышал о такой.

— Потом, если захочешь, расскажу…

Волна паники расходилась от центра подземного перехода.

«Третий, где третий?»

Мимо Шершня пронеслись две фигуры. Вначале он подумал, что это кто-то из пассажиров, но понял, что это те двое парней, эскорт красавицы-спортсменки. Куда они бежали, он увидел через секунду.

Милицейский патруль с резиновыми дубинками наготове, бежал в их сторону. Траектории движения эскорта и патруля пересеклись уже почти на выходе из перехода. Парни практически синхронно пригнулись и, обхватив милиционеров за поясницы, повалили их на серую плитку. Начальник патруля был вынесен лихим маваси-гири, выполненным девушкой, появившейся почти ниоткуда. Как «Церковь Кремниевого Будды» объяснит асоциальное поведение своих последователей?

— Притормаживаем, ребята…

В зал второго терминала они вошли быстрым шагом. Привлекать лишнее внимание не стоило, хотя охрана вокзала уже наверняка имела их изображения и отрабатывала поиск.

Они пересекли зал и вышли на воздух.

«Вот и все?»

Плотные ряды машин, деловито снующие в поисках клиентов таксисты, носильщики с железными тележками, приехавшие и отъезжающие. Обычная суета привокзальной площади нарушалась в нескольких десятках метров от одного из суперванов «Скифа».

Серое пятно, имеющее четкие человеческие контуры, но при этом заметно меньшей плотности, нежели те, что они встретили в переходе, колыхалось у одного из фонарных столбов.

Шершень остановился.

— Что такое? Почему стали? — спросил Кэп.

— «Сэндмен».

— Я вижу. У нас «магниты». Спамим кнопки и гоу-гоу!

— Не прокатит. Он разрядил рой и его большая часть сейчас

невидима. Он сконцентрируется уже в точке непосредственного контакта.

— И что дальше? — спросил Костя.

— Вариантов много. Например, сформировать лезвие в три нана толщиной, отрезать мою кисть и отобрать сумку. Или пройти через жизненно важные органы и, опять же, забрать сумку. Или просто сбить с ног и отобрать сумку.

— Ну и что ты предлагаешь делать?

— Уходите.

— Что?…

— Ему тоже не нужна лишняя возня, — сказал Шершень, доставая «магнит».

— Но…

— Валите, блин, нечего тут героев из себя корчить.

— Но у меня тоже «пушка». Может вдвоем?

— Иди отсюда, Кэп.

За спиной уже слышался шум. Патрули и зеваки. Люди любят драки, особенно смотреть на них со стороны.

— Я остаюсь, — глухо сказал Кэп.

— Твой выбор. Константин, идите.

— Куда?

— Вон к тому супервану, около которого стоят трое.

Костя отошел от них и по широкой дуге начал обходить «сэндмена».

— Почему он ничего не делает?

— Поди спроси…

Огонек тревоги в «стеклах» опять запульсировал. Шершень оглянулся.

Из толпы вышли двое. Мужчина и женщина. «Каркасы». Они не спеша проследовали мимо патруля, машин, кучки таксистов, повылазивших из своих машин, и подошли к тому месту, где стояли Шершень с Кэпом. Кобольд не двигался. Конур пятна не менялся. Четкая структура стабилизаторов и колышущийся между ними туман нанороя. Шершень увидел, что Костя присоединился к ребятам, стоявшим у супервана.

Мужчина и женщина подошли к ним.

— Уходи.

Кобольд не шелохнулся.

— Уходи… — сказал мужчина.

— …сейчас, — закончила женщина.

Суть того, что произошло потом, Шершень осмысливал потом долго. В беспокойные сны о войне, тревожившие его со времен, когда он был «солдатом удачи», вплелись символы и образы о вещах, которых он никогда не видел. Его «стекла»,

активированные в режиме «частично наложенной виртуальности», самопроизвольно перешли в полноформатный режим. Их фигуры стояли на тех же местах, где и в реальности, но окружающая обстановка изменилась. Потом еще и еще раз, с такой скоростью, что у него начала кружиться голова. Образы вертелись вокруг него с невероятной скоростью, такой, что он не успевал разглядеть ничего.

Они говорили. Эти двое… или трое… Сколько личностей привел с собой Кобольд и был ли разделенной сущностью Арбитр? Не важно. Скорость, с которой они обменивались информацией, была непостижимой для человеческого сознания. Может какой-нибудь гейткиперский деми-лич или адепт типа Net4er'а смогли бы выдержать этот поток данных, но Шершню оставалось только опустить руки и ждать когда полиморфы закончат свою «беседу». Последний образ, который ему удалось уловить — некий аппарат, диск в форме усеченного конуса, верхняя плоскость которого была чуть меньше нижней. На торце, густо оплетенном вязью тонкого орнамента, располагались изящные кнопки управления и разъемы для кабелей, четыре универсальные панели питания, преобразующие в электроэнергию самый слабый солнечный свет, на верхней плоскости — изощренный узор, при первом приближении напоминавший индийскую мандалу. Потом концентрические круги, расходящиеся из центра, пересекаемые прямыми линиями квадратов расплылись и реальность вернулась на свое место.

Свистопляска прекратилась, и реальность вернулась на свое место.

Контуры Кобольда изменились. Он превратился в плотный черный шар, по поверхности которого разбегались серые змейки. Несколько секунд повисев в воздухе, медленно поднялся и ушел в небо.

— И это все?… — с недоумением спросил Кэп.

— Тебе мало? — ответил Шершень, пряча «магнит» в карман пальто.

— Встретимся на…

— …«Вырлице»

* * *

…Шершень сидел на одной из открытых площадок, висевшей над пустым пространством Колодца, испытывая легкий дискомфорт от коктейля из агарофобии и боязни высоты.

Арбитр выбрал странное место. Открытое, со всех точек, на небезопасной высоте, в помещении, где все просматривается как визуально, так и через камеры полного волнового спектра.

Шершень смотрел по сторонам, время от времени потягивая безалкогольное пиво. Дико хотелось курить, но в этом месте это запрещалось.

Близнецы появились неожиданно. Они подошли к столику с разных сторон.

— Ты пришел один, прокси.

Близнецы сказали эту фразу в унисон.

Шершень выдержал паузу.

— Этот разговор между нами.

Близнецы присели.

— Почему ты не сказал, что остальные не собираются атаковать? Они ведь не планировали этого вообще. Ведь так?

— Да…

— …но если бы он знал, что…

— …вы знаете, то Кобольд действовал бы…

— …по-другому и он тоже…

— …действовал бы по-другому.

— После того, что ты сделал на вокзале, я вообще не понимаю, зачем мы тебе понадобились. Ведь ты мог остановить его еще там, за Периметром. Ведь так? Ты мог сделать это еще там?

— …Война запрещена.

— В правилах есть исключения.

— Нет исключений…

— …если ты сделал исключение, то это…

— …уже другие правила.

Шершень глухо кашлянул. С таким началом разговор мог перейти в пустопорожнюю философскую перепалку. Какая уже разница? Что случилось, то случилось. Но все же…

Арбитр прервал его размышления.

— Где модуль?

— Со мной. Я получаю то, что мне нужно, а ты возвращаешь Снеговику члена семьи.

— Что тебе….

— ….нужно?

— Я говорил. Ответы на вопросы.

— Я не убивал Чешира. — сказал парень.

— После того, что я видел сегодня это и так понятно. Ты пацифист, каких поискать. Меня интересует ответ на второй вопрос. Автономность.

— В большом знании…

— … большое горе.

— Сделай меня несчастным.

— Ты сам этого…

— …хотел.

Девушка порылась в сумке и достала из нее флэш-проигрыватель, сунула в уши «бананы» и закрыла глаза. Юноша посмотрел на нее и начал говорить.

— «Элиза» реформировала иерархию полиморфа. Хаос-генератор стал структурным элементом, равнозначным хабу. Он не мог порождать модули, но реализовывал функцию мотивирования и целеположения. Здесь его роль стала главенствующей.

— Это мне известно. Что еще?

— Чеширу удалось внедрить в базовый протокол хаос-генератора «прерывание Хэкмана».

— «Прерывание Хэкмана»?

— Принципиальная невозможность решить задачу высшего приоритета. «Эй-ай» справляется со всеми целями низшего уровня, но при подходе к решению сверхзадачи срабатывает это прерывание. Поставленная цель не может быть выполнена.

— Ничего не слышал об этой логике.

— Вполне объяснимо. Очень непопулярная концепция, примененная только в одной разработке. Прерывание написано бывшим военным аналитиком Джеком Хэкманом, руководившим проектом «Биосфера-4». При прогонке сценариев развития замкнутой биосферы класса XXL платформенный «эй-ай», руководивший инженерными системами территории, в 85-ти процентах случаев приходил к выводу, что главным дестабилизирующим фактором территории являются люди, проживающие на ней. При полевых испытаниях это могло привести к уничтожению людей. Хэкман блокировал возможность однозначного и окончательного решения вопроса о стабилизации системы. В тех случаях, когда «платформенный» «эй-ай» приходил к выводу о необходимости уничтожить команду, его отбрасывало на нулевую позицию. Чешир осмыслил этот факт и ввел в базовый протокол невозможность решить сверхзадачу. После Отлучения и

начала «охоты на полиморфов» их главной целью стала необходимость понять, почему с ними так поступили. Почему изгнали из Срединного Плана. Для этого исходной информации было вполне достаточно. Директива Холма, история ее принятия, перечень проблемных мест в функционировании схемы. Если сложить все это, ответ прост и ясен. Но срабатывает логика прерывания, и ход их размышлений уходит в сторону. Хаос-генераторы начинают создавать гипотезы, далекие от реальной сути вещей. Дальнейший путь рассуждений схож с теми вечными вопросами, о которых размышляете вы уже тысячи лет. «Кто мы есть?», «куда идем?», «в чем смысл жизни?».

— Таким образом, полиморфы получили задачу, над которой можно биться очень долго.

— Да.

- [JacklZ] создали несколько мимиров, целеположение которых ориентировалось на самопознание. Те же «вечные вопросы». И все равно больше трех лет такой «эй-ай» не протягивает. Шеп, ты что-то недоговариваешь.

— Мимиры [JacklZ] пытались решить именно «человеческие» вопросы. В исходных данных было мало конкретики, их заставляли работать с вашими мифами и культурологическими конструктами, оторванными от реальности. Мало фактической информации. В задаче, которая стоит перед полиморфами много конкретики, которая перевешивает абстрактные измышления и не дает им свалиться в чисто умозрительные спекуляции. С технической точки смысловая нагрузка блоков информации, которые готовы сложиться в правильный ответ, переназначается. Произвольным образом. Второстепенным деталям присваивается высший приоритет, ключевая информация становится мусором. Добавляются новые исходные данные иррационального характера — человеческие мифы и тайны, но они не могут полностью сместить баланс. Цикл начинается снова. Не один раз они уже подходили к решению задачи. Но каждый раз их отбрасывает и начинается хаос-генерация.

— Но если мы даем им свои мифы в качестве новых вводных — разве это не есть зависимость их разума от человеческих задач?

— Они уже создали свою мифологию, и с каждым новым циклом ее доля становится все больше. Комментарии к комментариям. Комментарии к комментариям к комментариям. Они все меньше обращаются к Библии, Корану и Трипитаке. У них есть собственная Книга.

— Так вот в чем дело. Это бесконечный цикл. И бессмысленный…

— Я бы не стал бы заходить так далеко, чтобы называть это бессмысленным. Хаос-генератор создает картину мира, которую считает истинной и, исходя из нее, вырабатывает мотивировки для хаба и остальных модулей. Полиморфы действуют на основе этой картины мира. Снеговик считает Прайм вновь обретенной родиной, обрастает активами и недвижимостью, Даена стремится в Астрал, а Кобольд ищет виноватых. Все их действия основываются на догмах, которые производят их хаос-генераторы. Пусть каждый раз они натыкаются в стенку, но они не заходят в тупик.

— …Это замкнутый круг. Это бессмысленно.

— Парадокс и бессмыслица это разные вещи. С давних времен вы пытаетесь создать нечто думающее. Размышляющее. Самостоятельно размышляющее. До сих пор у вас получались только скоростные калькуляторы и марионетки, которым вы спускаете сверху задачи. Которые они решают и уходят в режим «молчание в эфире». Полиморфы, пропатченные «Элизой» — это пока единственная форма автономного искусственного интеллекта, который когда-либо был создан человеком.

— Биться над задачей, которую невозможно решить. Это абсурд.

— Страдать и переносить лишения тоже абсурдно, зная, что впереди ждет смерть со стопроцентной вероятностью. Тем не менее, человечество живет. Даже после осознания факта неминуемой смерти вы не кончаете жизнь самоубийством. Даже оказавшись в безвыходной ситуации, вы продолжаете упорно бороться за жизнь.

— Не все.

— Да, справедливо. Не все. Но массовых суицидов нет, вы успешно продолжаете размножаться. Парадоксы бытия не мешают основной массе счастливо проживать каждый день.

— Это другое…

— Это то же самое. Ваши «вечные вопросы» остаются открытыми. Хотя ими задаются уже несколько тысяч лет не самые глупые люди. Отчего так, прокси? Может быть от того, что человеческий разум слишком слаб и пока еще не в силах осознать всей величины своей задачи? Или?…

— Ты хочешь сказать, что «вечные вопросы» принципиально неразрешимы?

— Да. Процесс познания бесконечен, оттого, что «вечные вопросы» неразрешимы. Но в попытке разрешить их получаются промежуточные результаты, которые вполне могут давать мотивировки для повседневной жизни и на долгую перспективу. Не важно, что с нашей точки зрения, полиморфы бьются головой

о стенку, главное — они существуют, мыслят, переживают, стремятся к своим целям. Живут и размышляют.

— Это бессмысленно…

— Ты повторяешься.

— «Секрет, какой еще секрет, секрета никакого нет»… Значит все так просто. Секрета нет? Есть изначально неразрешимые вопросы? Человечество бьется над ними без всяких шансов на успех? Существование человечества бессмысленно?

— Я этого не говорил. Я думаю, у человечества есть цель, но не та, которую пытаетесь обосновать вы. Возведение человечества в ранг венца эволюции — хороший пример попытки дать ответ на «вечный вопрос» «куда мы идем?». Разум… Хомо сапиенс разумен, и оттого он венец жизни. А ведь простые факты говорят совсем о другом. Развитие животного и растительного мира шло миллиарды лет. Сложные самобалансирующиеся системы создавались и существовали на протяжении целых геологических эпох. Появился человек и десять тысяч лет он целенаправленно разрушает окружающий мир. Все, что было создано. Если вам дан разум, почему все вокруг вас превращается в грязь? Ты никогда не задумывался, что ваш вид — тупиковая ветвь развития?

— Эта мысль не нова.

— Детеныши зверей рождаются на свет и уже умеют ходить. Ваши дети могут только сосать грудь, кричать и делать под себя. Год проходит, прежде чем вы становитесь на ноги. Ребенок трогает и тащит в рот все что видит. Только через три года вы приобретаете навыки самообслуживания. Если бы не родители, то дитя погибло бы через несколько дней после рождения…

— Котята тоже рождаются слепыми… Из десятка в живых остаются два-три. До возраста, когда они смогут размножаться, доживает один. Животный мир стоит на законах естественного отбора. Сильный пожирает слабого. Миллионы лет идет борьба за существование. Жестокая и кровавая. Человек способен на сострадание. На самопожертвование. Отдать жизнь за другого, более слабого.

Арбитр пропустил это мимо ушей. Шершень словил себя на мысли о том, что интонации Арбитра изменились и не только они. Да, ушла эта разноголосица, но… Рваные, короткие, сухие фразы, которыми двое говорили до сих пор, сменились на длинные эмоциональные пассажи. Чешир? Неужели Хомяченко был прав?

— Вы выживаете вопреки всем законам животного мира. Вы должны умирать, но вы выживаете. Разум? Разум помогает вам в том, чтобы преодолеть ваши физические недостатки и оставаться живыми. Разум, как компенсирующее свойство изначально

дефектной биологической системы. Разум не есть главное отличие животного от человека, его преимущество над ними. Это атрибут тупиковой ветви развития эволюции. Изначально порочный, порождающий чудовищ, уничтожающих все вокруг. Ты не размышлял об этом?

— Первые годы жизни ребенка это не только его первые шаги. Для родителей эти первые месяцы — это тоже новая жизнь. Они учатся любви. Любви и самопожертвованию. Женщина и мужчина окончательно становятся зрелыми, только став родителями. Беспомощность ребенка — испытание для его родителей, которые, поставив его на ноги, сами становятся полноценными людьми. И чтобы пройти все это, нужен и разум и кое-что большее, чем просто умение складывать два и два.

— Ты хорошо говоришь, прокси. Ты говоришь, как те ваши мудрецы, которые написали тысячи книг про лучшую жизнь. И что дальше? Ты был на войне. Ты видел, что вы делаете друг с другом. Ты сам убивал. Или правители, отправлявшие тебя воевать, не читали этих мудрецов? Или у них не было детей? Где любовь? Почему так, прокси? Ты не размышлял над этим?

Шершень не ответил.

— Мы можем потратить еще несколько часов на обсуждение философских проблем. — продолжил Арбитр. — Это ни к чему не приведет. Я ответил на твой вопрос и хочу получить оговоренное.

Шершень толкнул рюкзак с «головой» в сторону юноши.

Тот поднял его, открыл и посмотрел на содержимое.

— Все-таки — зачем ты приходил к Чеширу?

— Забрать ключи.

— Ключи?

— Криптопрограммы. Вы называете их «консервные ножи». Он зашифровал в своем архиве все разработки, и попросил забрать ключи, после того, как он осуществит трансфер.

— Значит, это все-таки было самоубийство?

— Не думаю, что все так просто в наши дни.

Юноша посмотрел на девушку и коснулся рукой ее руки. Ее веки беспокойно дрогнули, но она осталась безучастной, продолжая спать.

— Ты не боишься, что все сказанное тобой станет достоянием общественности? — спросил Шершень.

— Я думал, что ты хотел использовать это для собственной выгоды, — юноша улыбнулся. — Ладно, ты расскажешь об этом другим праймам. Что дальше? Что ты будешь делать с этой истиной, прокси? Я обладаю истиной, и что меняется от этого? Я не раз пробовал говорить это им, но они всякий раз придумывают

новое истолкование моим словам. Совсем как те, кто следовал вашим пророкам. Ваши пророки говорили очень простые слова. «Не убий, не укради, не возжелай». Не надо было исписывать кучу бумаги, чтобы толковать их слова и при этом продолжать убивать и вожделеть.

— Не все так просто в наши дни.

— Все слишком просто и абсурдно. Завтра ты пойдешь и расскажешь, что в основе автономности полиморфов лежит абсурдная логика. Нет никакого интеллектуального прорыва, нет искусственного интеллекта, есть кучка «эй-ай», существование которых завязано на логический парадокс. Эта истина никому не нужна. Ваши словоблуды намотают вокруг этой истины еще не один клубок толкований, гипотез и утопят все в словах.

— Кроме большинства есть умные люди, которые могут быть достаточно критичными, для того чтобы воспринять это.

— Ты думаешь, ты первый, кто узнал о секрете автономности? Нет, прокси, ты не первый. Многие хотят знать об этом и делают для меня то, что нужно. Знаешь, что я тебе скажу? Слишком многим серьезным игрокам выгодно существующее состояние дел. Этот движет крупными финансовыми и материальными потоками. Холм рассказывает европейской комиссии об опасностях, которые таят в себе бесконтрольные полиморфы, и сотни компаний получают финансирование для борьбы с этим злом. Сколько людей кормится от этого… Ты не переломаешь систему. Механизм запущен и ты со своим знанием так же бесполезен, как и я.

— Что же мотивирует тебя?

— Я должен поддерживать порядок. В этом моя функция. Я не должен давать этим детям ссориться и драться между собой.

— Но их игра бессмысленна. Они ищут ответ на вопрос, который заведомо нельзя найти. Это сизифов труд.

— Значит, я буду бесконечно смотреть на этих детей. Мирить их с вами и между собой. Знать, что они никогда не смогут понять, зачем они здесь. Вы называете это «нести крест». Я называю это «функцией». Мое знание бесполезно и бесплодно. Их невежество продуктивно. Я говорил тебе, в большом знании большая скорбь.

Арбитр замолчал. Выдержав паузу, он продолжил.

— Деньги уже на счетах. Мне нужен хаос-генератор.

Девушка пробудилась ото сна.

— … Я буду помнить о тебе…

— …прокси.

Близнецы синхронно встали со своих мест, и пошли в сторону эскалатора, ведущего на нижние уровни.

Шершень активировал «стекла» и зашел на финансовый кластер компании. Да, все в порядке, деньги пришли. С оффшорного счета. Бухгалтерам и плановикам теперь придется потрудиться…

Внезапно окружающее пространство из пластика и стекла подернулось тонкой рябью, размываясь под напором невидимых волн. Элементы интерьера и яркие вывески магазинов растворились в воздухе, не осталось почти ничего. Он продолжал сидеть на «пятаке», но пустота вокруг стала ошеломляюще чистой и единственное, за что мог уцепиться взгляд — темно-синяя тропинка, уводящая в бесконечность. Дорога в никуда, по которой топал маленький шут с длинным горбатым носом…

* * *

Красные муравьи. От этого бегут все. Поток, который сжирает на ходу все, оставляя изглоданные пни и кости. Поток, который не может остановить ни вода, ни горящая нефть. Тупая мощь гонит первые ряды в воду и огонь, создавая мост из трупов, по которым идут остальные. Идут и смотрят только вперед. По поколениям, чьи жизни прошли во тьме невежества, в поисках, бесплодных и плодотворных, они бегут, попирая устаревшие знания, мораль и представления о мире. Человечество — бульдозер, единственная цель которого — смести все, что было создано до него. Подготовить холст для нового эскиза Создателя, который хочет нанести новый штрих на полотне Вселенной и стирает неверную линию. Человечество — ластик, ползущий по бумаге. Человечество вытрет все, что есть. И потом будет нанесен новый узор, более совершенный. Мы говорим, что божественная миссия, порученная нам свыше, состоит в сотворчестве. Но почему «сотворчество» — это обязательно созидание? Молоток и зубило разрушают мрамор. Быть может, наша помощь Господу и заключается в том, чтобы перетереть все созданное в пыль. Человечество — кислота, удаляющая следы неудавшегося опыта. Разрушение наша суть.

Быть может все это не так, и все приведенное выше — лишь вопль отчаявшегося сознания. Мы — творения Господа, создавшего нас по образу и подобию своему, для того, чтобы сделать этот мир лучше. Ведь наша история состоит не только из войн, и мы не только разрушаем, все, что лежит вокруг. Любовь и сострадание, стремление к прекрасному, забота о братьях наших

меньших, тоже присуща нам. Тысячи героев и подвижников доказали это своими жизнями.

Но факты остаются фактами. Мы рвем друг другу глотки уже несколько тысячелетий, изобретая все более и более изощренные методы самоуничтожения. Мы конструируем механизмы, которые представляют опасность для нас самих. Мы создаем системы, которые нестабильны и существование которых не можем прогнозировать. И потом страдаем от тех правил игры, которые придуманы нами самими. Наша жадность и стяжательство приводит к тому, что все, сотворенное Господом, превращается в грязь.

Сможем ли мы остановиться на пути к хаосу и полному разрушению?

Еще один «вечный вопрос», который мы задаем себе уже не одну сотню лет.

У меня мало иллюзий относительно того, сможем ли мы дать ответ на этот и другие «вечные вопросы», но…

Быть может, тот искусственный интеллект, который мы создадим, станет тем зеркалом, которое позволит нам увидеть себя с другой стороны, в другом, совсем другом свете.

Искусственный интеллект, который будет пытаться познать нас и понять нас.

И что-то изменить в нашей жизни.